

Дамир ИСХАКОВ

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ СИБИРСКОГО ХАНСТВА

Казань • 2006

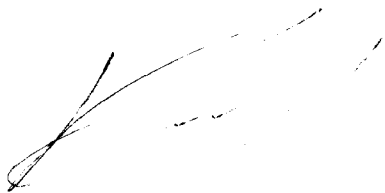

Серия «Этнополитическая история татар»

Дамир Исхаков

**ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ
СИБИРСКОГО ХАНСТВА**

О ЧЕРКИ

ББК 63.3
И 91

Научный редактор: доктор философских наук: *Ф.М. Султанов*

Ответственный секретарь: *Г.Ф. Шавалиева*

Рецензент: кандидат исторических наук: *И.Л. Измайлов*.

Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. – 196 с.

В книге исследуются малоизученные аспекты истории формирования и развития одного из позднесолотоордынских татарских государств – Сибирского ханства. В числе обсуждаемых в данной работе проблем следует назвать вопросы этнополитической истории Шибанидского, Тюменского и Сибирского ханств. В работе также освещаются отдельные стороны социально-политической истории Сибирского (Искерского) юрта, происхождения клана Тайбугидов, распространения и развития ислама в Западной Сибири. Кроме отдельных очерков в работе содержится краткая история Сибирского ханства, являющаяся оригинальным исследованием.

© Д.М. Исхаков, 2006
Институт истории АН РТ, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
------------------	---

РАЗДЕЛ I. Этническая и этнополитическая история сибирских татар

О методологических аспектах исследования проблемы становления сибирско-татарской этнической общности.....	10
Об общности этнической истории волго-уральских и сибирских татар (булгарский, золотоордынский и поздnezолотоордынский периоды).....	19
Введение в этнополитическую историю сибирских татар....	51
О так называемых «остях» Среднего Приуралья и их этнических связях с населением Западной Сибири.....	69
О некоторых аспектах проблемы тюрко-самодийских контактов в Приуральско-Прикамской зоне.....	73

РАЗДЕЛ II. Конкретные аспекты исследования истории и культуры Тюменского и Сибирского ханств

Особенности исламизации восточных групп татар в XV- XVI вв. (Приуралье и Западная Сибирь).....	78
Некоторые итоги исследования этнополитической истории Сибирского ханства в XV-XVI вв.....	90
К вопросу о клановой принадлежности Тайбугидов (по русским и тюркским источникам).....	94
К проблеме этнических и политических связей тюрков Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в.....	100
Неисследованные аспекты истории Сибирского ханства конца XV-XVI вв.....	115
Об одном тюркском источнике Сибирского летописания....	123

РАЗДЕЛ III. Краткая история Сибирского ханства

Введение.....	126
Глава 1. Формирование самостоятельных тюрко-татарских политических образований на территории Кок Орды.....	129
Глава 2. Территория и население Государства Шибанидов, Тюменского и Сибирского ханств.....	136

Глава 3. Экономика. Социально-политический строй тюркских юртов Западной Сибири.....	142
Глава 4. Некоторые аспекты культурной жизни.....	153
Глава 5. Ислам в Шибанидском, Тюменском и Сибирском ханствах.....	160
Глава 6. Политическая судьба Тюменского и Сибирского ханств.....	172

РАЗДЕЛ IV. Малоизвестные документы по истории Сибирского ханства

I. Документы XV в.....	176
II. Документы 1570-х годов.....	178
III. Документы 1580-х годов.....	183
IV. Документы 1590-х годов.....	184

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несмотря на то, что изучение истории Сибирского ханства началось еще в XVIII в. с «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера (первоначально она была написана на немецком языке, частичные переводы на русский язык были опубликованы в 1750 и 1787 гг.¹), пополнившись затем целым рядом других трудов², в том числе и самого последнего времени издания³, оно еще далеко не закончено,

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. – т. 1. – М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра РАН», 1999. – с. 6.

² Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием). – СПб, 1744 (на нем. яз. издан в 1768 г.); Атласи Н. Себер татарлары. – Казан, 1911. Библиографию более позднего времени, см.: Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. – Томск, 1960; Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). – Казань, 2002.

³ Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв. Историко-этнографические очерки. – Казань, 1980; Его же. Сибирские татары. – Казань, 1992; Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири. История и культура. / Культура народов России. т. 2– Новосибирск, 1996; Нестеров А.Г. Дорусские государственные образования Урала и Западной Сибири (к постановке вопроса) // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Сб. науч. трудов. – Екатеринбург, 1993. – с. 234-236; Его же. Монеты сибирских Шейбанидов // Восток-Запад: Диалог культур Евразии. Вып. 2. Проблемы истории и археологии. – Казань, 2001. – с. 274-279; Его же. Искерское княжество Тайбутидов (XV–XVI вв.) // Сибирские татары... – с. 17-23; Исхаков Д.М. Сеиды в Сибирском ханстве // Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. – Казань, 1997. – с. 53-64; Его же. Сеиды в Сибирском ханстве // Сибирские татары. Материалы I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (14-18 декабря 1998 г., Тобольск). – Омск: Изд-во Ом ГУ, 1998. – 136; Его же. О так называемых «остяках» Среднего Приуралья и их этнических связях с населением Западной Сибири // Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12-16 декабря 1999 г., Тобольск) – Тобольск – Омск, 1999. – с. 96-97; Его же. К вопросу о клановой принадлежности Тайбугидов (по русским и тюркским источникам) // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11-13 декабря 2000 г., г. Тобольск). – Тобольск – Омск, 2000. – с. 51-53; Его же. О некоторых аспектах проблемы тюрко – самодийских контактов в Приуральско – Прикамской зоне // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10-12 декабря 2001 г., Тобольск). – Тобольск – Омск, 2001. – с. 119-120; Его же. Этнополитические контакты тюрков Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV веке // Сулеймановские чтения –

не до конца проанализированы даже имеющиеся по этому позднезолотоордынскому государству, источники⁴. Дискуссионной продолжает оставаться проблема формирования сибирско-татарской этнической общности – одни исследователи (Г.Х. Ахатов, Ф.Т. Валеев) полагают, что эта общность сложилась в народность еще в рамках Сибирского ханства, тогда как другие (например, Н.А. Томилов) придерживаются мнения, что сибирско-татарский этнос окончательно не консолидировался не только в период ханства, но и позже. При изучении этой весьма непростой проблемы приходится учитывать, что до образования Тюменского ханства территория Западной Сибири входила в состав Государства

2001. – Тюмень, 2002. – с. 80-81; Его же. Этнополитические и демографические процессы в XV – XX вв. (Глава 5) // Татары. – М.: Наука, 2001. – с. 101-103, 120-124, 132-135; Его же. К проблеме этнических и политических связей тюрок Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9-11 декабря 2002 г., Тобольск). – Тобольск – Омск, 2002. – с. 173-181; Его же. Ислам в позднезолотоордынских татарских ханствах // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань, 2002. – с. 70-75; Его же. Некоторые итоги исследования этнополитической истории Сибирского ханства в XV–XVI вв. // Сулеймановские чтения – 2002. – Тюмень, 2003. – с. 113-115; Его же. О методологических аспектах исследования проблемы становления сибирско – татарской этнической общности // Сибирские татары... – с. 7-16; Его же. Об общности этнической истории волго-уральских и сибирских татар (булгарский, золотоордынский и позднезолотоордынский периоды) // Сибирские татары... – с. 24-58; Его же. Особенности исламизации восточных групп татар в XV–XVI вв. (Приуралье и Западная Сибирь) // Доклады международной конференции «Исламская культура в Волго-Уральском регионе (Казань, 8-11 июня 2001 г.). – Istanbul, 2004. – с. 223-233; Его же. Введение в этнополитическую историю сибирских татар // «Сулеймановские чтения – 2004». Материалы VIII межрегиональной научно-практической конференции. – Тюмень, 2004. – с. 25-28. Его же. Об одном тюркском источнике сибирского летописания // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9-11 декабря 2004 г., Тобольск). – Тобольск-Омск – 2004. – с. 31-32; Его же. Не исследованные аспекты истории Сибирского ханства конца XV–XVI вв. // «Сулеймановские чтения – 2005». Материалы VIII межрегиональной научно-практической конференции. Тобольск, 12-13 мая 2005 г. –Тюмень, 2005. – с. 83-86; Файзрахманов Г.Л. История...

⁴ Это продемонстрировала недавняя публикация американского историка А. Франка (См.: Frank A. The Siberian chronicles and the Taybugid biys of Sibir. – Blomington, Indiana, 1994).

Шибанидов (Государства кочевых узбеков)⁵, поэтому эволюцию этнополитической общности, возникшей в Тюменском ханстве, невозможно понять без учета этнической и политической истории населения Узбекского улуса⁶, бывшего одним из позднелетооордынских тюрко-татарских государств.

Не до конца решен и вопрос о названии «Сибирское ханство». Скажем, некоторые исследователи государственность сибирских татар во второй половине XV – первой половине XVI вв. (точнее, между 1495-1563 гг.) маркируют как «Искерское княжество Тайбугидов»⁷. До этого государственное образование сибирских татар в период распада Золотой Орды было известно как «вилаят Чимги (Чинги) – Тура»⁸. Столичный центр этого «вилаята» иногда в источниках выступает просто как город Тура⁹. Но русские источники его знают как «Тюмень»¹⁰, иногда отчетливо показывая, что речь идет о центре владений сибирских Шибанидов: под 1481г. в некоторых русских летописях помещено известие о победе хана Сайида-Ибрагима («царя Ивака Шибанидского») совместно с ногайцами над ханом Большой Орды Ахматом, когда хан-победитель увел «ордобазар (хана Ахмата –

⁵ Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – М.: Наука, 1965; Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVI вв. (вопросы этнической и социальной истории). – М.: Наука, 1982.

⁶ См.: Нестеров А. Г. Дорусские...

⁷ Нестеров А.Г. Искерское княжество...

⁸ Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата: Наука, 1969. – с. 91, 94.

⁹ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 48, 161; Абуль-Гази. Родословное дерево тюрков. – Казань, 1906. – с. 114, 122, 156; Валиди-Туган Э. –З. Башкортгарзың тарихы. Төрк һәм татар тарихы. – Өфө, 1984. – 23-27 б.б. В данном случае интересно то, что Абуль-Гази хан указывает, что Кучум «царствовал в Туране», а А. –З. Валиди-Туган, опиравшийся на Утемиша-хаджи (первая пол. XVI в.), постоянно употребляет термин «Туранское ханство» (*Тура ханлыгы*), «г. Тура» применительно к Тюменскому ханству и его столице. М.А. Абдураимов указывает также, что в отдельных среднеазиатских источниках говорится о подчиненности «султанов Тура и Дешт и-Кыпчака» шейхом Джуйбари (см.: Абдураимов М.А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI – первой половине XIX века. – т. 1. – Ташкент: Фан, 1966. – с.89). Под «султанами Тура» в данном случае явно имеются ввиду правители Сибирского юрта.

¹⁰ ПСРЛ. –т. 11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. – М.: Наука, 1965. –с. 158; ПСРЛ. т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI – XVIII вв. – Л.: Наука, 1982. – с. 158; Документы по истории коми. Вычегодско-Вымская (Михаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. – Вып. 4. – Сыктывкар, 1958. – с. 263.

Д.И.) с собою... в Тюмень не грабя»¹¹. На самом деле для XIV – начала XV вв. восточные источники (Рашид-ад-Дин, ал-Омари, ибн-Арабшах, «Аноним Искендера») знают и «область (т.е. вилайят – Д.И.) Ибир-Сибирь» («Сибирь – Ибирь»)¹², что еще более запутывает положение. В то же время ясно, что трансформация Тюменского ханства на рубеже XV–XVI вв. в Искерское княжество (кстати, по отношению к Сибирскому ханству в XVI в. применялось и понятие «Искерский юрт» – «Искер йорты»¹³), а последнего – в 1563 г. в ханство, требуют адекватного понятийного аппарата. Во всяком случае, такой источник, как «Сибирские летописи», сообщая об убийстве Тайбугидом Мааметом, сыном Адеровым «шаря Упака» (т.е. Сайида-Ибрагима), указывает, что он после этого «град свой Чингиден (Чимги-Туру – Д.И.) разруши, и отиде отгуду внутрь Сибирские земли, а постави себе град на реке Иртише, и назва его град Сибирь»¹⁴. Судя по источникам, это произошло не ранее 1505 (1506) – 1511 гг. Поэтому, наименование «Сибирское ханство» скорее является некоторой научной абстракцией, содержание которой нуждается в конкретизации при изложении истории этнополитических образований сибирских татар разных периодов.

Эти и многие другие вопросы обсуждаются в очерках, которые собраны в настоящем издании. Несмотря на то, что далеко не все проблемы, рассматриваемые в них, получают в этих работах исчерпывающую характеристику, они являются определенным вкладом в дело подготовки фундаментального труда по истории Сибирского ханства.

Отметим также, что при повторном издании опубликованных ранее статей, в настоящей работе сохранена система сносок, которая имела в них. Кроме того, в статьях, написанных в разное время, имеются некоторые терминологические разночтения, в основном объясняемые отсутствием общепринятых для русской историографии написаний этих понятий (например: Шейбаниды, Шайбаниды и Шибаниды; вилайт, вилайят, вилает и т.д.). В отдельные статьи при их подготовке к печати внесены дополнения, поэтому они не являются полным повтором своих более ранних версий.

¹¹ ПСРЛ. – т. 37. – с. 95.

¹² См. очерк «Введение в этнополитическую историю сибирских татар».

¹³ См.: Исхаков Д.М. Сеиды в позднесолотоордынских... – с. 53-64.

¹⁴ ПСРЛ. – т. 36. Сибирские летописи. ч. 1. Группа Есиповской летописи. – М., 1987. – с. 32, 38, 47, 128, 236, 303-304, 357.

РАЗДЕЛ I

ЭТНИЧЕСКАЯ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СИБИРСКИХ ТАТАР

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СИБИРСКО-ТАТАРСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ *

На общем фоне довольно серьезного продвижения в исследовании этнической истории волго-уральских татар¹, начало замечаться отставание в изучении этнической истории остальных групп татарской нации (сибирских и астраханских татар). И дело тут даже не в отсутствии конкретных трудов, посвященных данной проблеме – в случае с сибирскими татарами, например, такие работы как раз имеются². Дело в другом – издаваемые исследования страдают отсутствием концептуальной проработанности при постановке проблемы становления татарских этнических общностей, формировавшихся в рамках Астраханского и Сибирского ханств. Скажем, относительно сибирских татар в литературе сейчас уже представлены две точки зрения: одни исследователи полагают, что сибирские татары консолидировались в феодальную народность в XV-XVI вв., оформившись на рубеже XIX-XX вв. в буржуазную народность³; другие считают, что даже к началу XX в. единого этноса сибирских татар не существовало и они представляли из себя не до конца консолидированную метаэтническую общность⁴. Понятно, что указанные две позиции

---

* Опубликовано: О методологических аспектах исследования проблемы становления сибирско – татарской этнической общности // Сибирские татары. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002 – с. 7-16.

¹ См., например: Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV-XVII вв.). Научное издание. – Казань, 1998.

² Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары. Историко-этнографические очерки. – Казань, 1980; Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск, 1981; Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. – Казань, 1992; Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири. История и культура. Культура народов России. – т.2. – Новосибирск, 1996.

³ Валеев Ф.Т. Западно-сибирские... – с.22, 44; Его же. Сибирские татары... – с.42.

⁴ Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. – Томск, 1978. – с. 150-151; Его же. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX вв. – Новосибирск, 1992. – с.212-213.

не примиримы⁵. При написании общих трудов по татарам, в т.ч. и «Истории татарского народа», нам придется выбрать одну из этих точек зрения или выработать собственную позицию, в том числе и исходя из логики общенациональной истории. Именно в последнем случае появляется необходимость обращения к методологическим аспектам исследования проблемы становления таких этнических общностей, как сибирские и астраханские татары. В чем они заключаются, я хотел бы рассмотреть на примере обращения к этнической истории сибирских татар.

Этническую историю сибирских татар целесообразно разделить на два больших периода – донациональный (XV-XVII вв.) и национальный (XVIII-XX вв.). Внимание в данном случае будет сосредоточено на первом периоде, но на том только его отрезке, когда происходило становление сибирско-татарской этнической общности (XV-XVI вв.). Этот процесс протекал в составе Тюменского ханства (XV в.), затем Сибирского (Тайбугидского) княжества (конец XV в. – 1563 г.), позже Сибирского ханства (1563-1598 гг.). Речь таким образом, идет о позднезолотоордынском этапе этнической истории сибирских татар.

Отправной моделью для раскрытия специфики процесса формирования сибирско-татарской этнической общности, на мой взгляд, может послужить та модель, которая была отработана на основе изучения этнической истории волго-уральских татар XV-XVI вв., в создании которой, в свою очередь, были использованы и сведения по этноистории крымских татар того же периода. Общий итог этих исследований можно резюмировать следующим образом:

1. Татарские народности, сформировавшиеся в Казанском и Касимовском ханствах, были стратифицированы на две этносословные страты – ясачное население (чернь), генетически восходившее к дозолотоордынским этническим общностям и слой феодалов из золотоордынских групп с клановым делением – «татар».

2. Формирование позднезолотоордынских этнополитических объединений в первой пол. XV в. не привело к их взаимной изоляции. Они продолжали сохранять многочисленные политические и этнокультурные связи, а также единство этнического суперстрата, поддерживаемого институциональным механизмом «юртов» – княжеств, существовавших в ханствах и возглавлявшихся общими для ряда ханств, кланами.

---

⁵ Хотя попытка их синтезировать, не слишком, впрочем, убедительная, в одной из работ последнего времени была предпринята (См.: Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары... – с.34-36).

В этой связи первый вопрос, который возникает при изучении этнической истории сибирских татар XV-XVI вв., это вопрос об их этносословном делении. Надо сказать, что уже ранее исследователи указывали на деление сибирских татар в конце XVI – начале XVII вв. на две группы – «служилых» и «ясачных». Приведу некоторые данные на этот счет из «Сибирских летописей». В «Есиповской летописи» сказано: «татар и остяков и вогуличь и прочия языцы... к шерти их привели... и ясак им давати государю». В другом документе, также входящем в состав «Сибирских летописей» и названном «Подлинное описание Сибирского государства», встречаются такие формулы: «ясачные люди Туринского уезда татаровя», «служилые и ясачные люди Тюменского города татарове», «около Тобольска и Тары в уездах ясачные татарове»⁶. Как видим, налицо деление сибирских татар на две сословные страты, как и в других татарских ханствах. Я занимался установлением соотношения численности этих двух групп и пришел к выводу, что служилых было примерно 20%, остальные татары были ясачниками. Если для конца XVI – начала XVII вв. общую численность сибирских татар определять в районе 10-12 тыс.чел., из них служилых было до 2 тыс.чел.⁷ или чуть больше. Слой служилых татар, как видно, не был слишком многочисленным. Так же дело обстояло и в более раннее время, например, в XV в. у правителя Тюменского ханства хана Ибрагима (Ивака) во время похода 1481 г. против Большой Орды, собственных казаков насчитывалось только 1000 человек⁸.

Нельзя исключать того, что служилые татары и ясачное население (татары) вели разный образ жизни – первые – кочевой или полукочевой, а вторые – оседлый. Дело в том, что в «Сибирских летописях» отчетливо прослеживается деление татар на тех, кто жил по «волостям» и на тех, кто был сосредоточен по «улусам»⁹. Это важно отметить потому, что как хан Кучум, так и Тайбугиды были связаны с «Бухарой», где явно существовали кочевые тюркские группы (из кочевых «узбеков»), во всяком случае, в XVI в.

---

⁶ ПСРЛ. – т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987. – с.57,75-76.

⁷ Подсчеты Н.А.Томилова (Томилов Н.А. Тюркоязычное...), интерпретированные мной.

⁸ ПСРЛ. – т.37. Устюжские и Вологодские летописи XVI-XVIII вв. –Л.: Наука, 1982. – с.95.

⁹ ПСРЛ. –т.36, ч.1. –с.40.

Что касается этнического облика рассматриваемых двух групп, то об этом надо сказать следующее. Этническая история ясачного населения изучена значительно лучше (см. труды Ф.Т. Валиева и Н.А. Томилова) и на этом вопросе я пока останавливаться не буду. Замечу только, что в ясачных «татарах» Сибирского ханства явно можно видеть более раннее население как тюркского, так и тюркизированного угорского происхождения, которое могло в средневековье именоваться «иштяками», возможно и «сыпырами» (скорее всего, от «савиров») ¹⁰.

А вот слой служилых сибирских татар представляет особый интерес. Он был представлен ханом, султанами, беками (бии), в т.ч. и карача-беками, мурзами и рядовыми казаками, а также разветвленной группой духовенства (сеид, шейхи, муллы, абызы, суфии, возможно, муфтии и мударрисы) ¹¹. Его происхождение можно было бы установить при раскрытии его клановой структуры. И надо сказать, в источниках кое-какие сведения об этом сохранились, но они до сих пор не получили еще должной интерпретации.

Прежде всего обращает на себя внимание одно историческое предание, записанное Н.Ф. Катановым среди тобольских татар. Там рассказывается о делении «войск» хана Кучума на 4 «отряда», первый из которых имел название «Кордак», второй – «Туралы», третий – «Аялы», четвертый – «Бараба». Имелась и пятая группа – это были «сарты» ¹², которые пришли с ханом Кучумом и осели в столичном округе (г. Искера). Как видим, речь идет о четырехчастном делении, имеющем в центре и пятое образование. Такое деление напоминает систему «юртов» (княжеств) во главе с карача-беями, хорошо известную в ряде позднесолотоордынских татарских государств.

Специальное изучение источников показало, что в Сибирском ханстве можно выделить два княжества – «Карачин улус» –

¹⁰ См.: Исхаков Д.М. Идел-Урал буе һәм Себер татарларының, этник тарихларындагы уртаклыклар (Болгар, Алтын Урда һәм Татар ханлыктары чорлары) // Мирас, 1998, № 3. – с.73-93. На рус.яз.: Исхаков Д.М. Об общности этнической истории волго-уральских и сибирских татар (булгарский, солотоордынский и позднесолотоордынский периоды) // Сибирские татары... – с. 24-58.

¹¹ ПСРЛ. – т.36. – ч.1. – с.38,41,53-54; Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке. – Тобольск, 1896; Исхаков Д.М. Сеиды в позднесолотоордынских татарских государствах. – Казань, 1997.

¹² Катанов Н.Ф. Предания... – с.9-10.

владение клана Джалаир и «Тайбугин юрт» – во главе с кланом Салджигут. Причем у «Тайбугин юрта» прослеживается связь и с группой Аялы, бывшей «народом» Тайбугидов из клана Салджигут¹³.

Хотя полная картина клановой структуры феодальной верхушки Сибирского ханства остается еще невыясненной, появляется возможность сформулировать общую гипотезу об этническом облике правящего слоя «татар» в этом государстве. Но до этого следует рассмотреть некоторые более ранние источники, по которым восстанавливается этнический состав знати «вилаята Чимги-Тура» – предшественницы Тюменского ханства.

По ряду источников выясняется, что в 1428/29 гг. в г. Тура (Чимги-Тура) правили князья (беки) из *буркутов*, по одной генеалогической традиции связанные с *кунгратами*¹⁴. После того как Шейбанид Абулхаир хан взял в 1429/30 гг. этот город, он назначил туда даругами знатных лиц – представителей кланов *кунграт*, *дурман*, *найман*, *уйгур*, *кошчи*¹⁵. А.-З. Валиди-Тоган, опираясь на историка XVI в. Утемиш-хаджи, сообщает о том, что хан Махмудек-ходжа (современник хана Абулхаира и основателя династии тюменских ханов Хаджи-Мухаммеда) «воевал с представителями эля Тура против тюменей кунграт и салджигут»¹⁶, подтверждая тем самым нахождение этих групп в данном регионе. Замечу, что владения хана Махмудека-ходжи находились между реками Тобол и Ишим, а ставка – на берегу Тобола¹⁷.

Большинство перечисленных племен (*кунграт*, *дурман-дурбен*, *найман*, *джалаир*, *салджигут*) находились в составе монголов¹⁸, хотя их этнические истоки в ряде случаев надо искать в тюркском мире¹⁹.

¹³ См.: Татары. – М.: Наука, 2001. – с. 122-123; Исхаков Д.М. К вопросу о клановой принадлежности Тайбугидов (по русским и тюркским источникам) // Русские старожилы. – Тобольск-Омск, 2000. – с.51-53.

¹⁴ Bregel I. The tribal tradition and dynastic history // Asian and African studies. Journal of the Israel Oriental Society. 1982, vol.16. – pp. 357-398.

¹⁵ Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – М., 1965. – с.43-44,48; Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата: Наука, 1968. – с. 144.

¹⁶ Валиди Туган Ә.-З. Башкортгарзың тарихы. Төрк һәм татар тарихы. – Өфе, 1994. – 25 б.

¹⁷ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 161.

¹⁸ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – т. 1, кн.2. – М. –Л., 1952. – с.264-274.

¹⁹ Кадырбаев А. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаирав, найманов и киреитов. – Алматы, 1993.

А.-З. Валиди-Тоган практически все названные племена (*кунграт, найман, кошчы, уйгур, салджигут*) относит к числу «правящих» и имевших название «карача», а племя дурман упоминает в числе «очень известных» в конце XIV – начале XV вв.²⁰ Хотя джалаиры в этом списке отсутствуют, они, наряду с упомянутыми племенами, несколько позже (в XVI в.) отмечаются в составе так называемых кочевых узбеков – в государстве Шейбанидов²¹. Вхождение известных в районе вилайета Чимги-Тура в первой половине XV в. групп в состав сибирских татар доказывается следующими данными. Среди группы *аялы*, вошедшей позже частично и в состав северо-восточных башкир, имелся род дуван (*от дурман-дурбан*). Группа *табын* (*от дуван-дурбан*) также известна среди сибирских татар в конце XV в.²²

В целом, в качестве гипотезы можно предположить, что служило-татарское сословие в Сибирском ханстве было золотоордынско-татарского (или, точнее, шейбанидско-татарского) происхождения. Этой точке зрения не противоречит и историческое предание, записанное среди сибирских татар. Оно гласит, что «из Бухарь» на земли «будущего Искра... прибыли 500 человек... вместе с Тайбугой (или Тайбуга-бием сыном Шах-Мурада – Д.И.), ...основали г. Искир и стали осваивать сибирские земли...»²³.

Несмотря на разноэтничное происхождение ясачного и феодального слоев сибирских татар, этнополитическая общность, образовавшаяся в рамках Тюменского и Сибирского ханств, обладала значительной консолидированностью. Об этом свидетельствуют ее устойчивые названия, известные по русским источникам в XVI в. Это такие наименования, как «страна Сибирская», «Сибирская земля» или «вся земля Сибирская» («Сибирские земли»), «Сибирское царство», «царство бесерменское в Сибири»²⁴. Причем «Сибирские летописи» подчеркивают, что «вся страна» была прозвана «по граду Сибирь»

²⁰ Валиди Туган Ә. –З. Башкорттарзың... – с.25,34.

²¹ Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). – М.: Наука, 1982. – с.9-12.

²² Исхаков Д.М. Идел-Урал бус...

²³ Усманов М.А., Шайхиев Р.А. Образцы татарских народно-краседческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская археография и источниковедение. – Новосибирск: Наука, 1979. – с.91.

²⁴ ПСРЛ. – т.36, ч.1. – с.32,34,42-44; ПСРЛ. – т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. – М.: Наука, 1965. – с.273.

(т.е. по г. Искеру) на р. Иртыше²⁵. На татарском языке это «царство» (или «земля») называлось «Искер юрты»²⁶. Так как г. Искер есть тот же самый город, что и «Сибирь», получается, что действительно «царство» или «земля» свое наименование получило по столице. Точно такое же положение мы видим в других синхронных татарских ханствах.

В большинстве случаев государствообразующее, т.е. политически доминировавшее в данном ханстве этническое формирование, именуется в источниках «татарами» (татаровя). Иногда оно определяется и как «босурманы», «окаянные бусурманы», «поганые» или «нечестивые татары»²⁷, что характеризует это сообщество в целом как исламское (несмотря на неполное усвоение некоторыми группами ислама в ханский период²⁸). Даже такая редкая форма, как выражение «Сибирские люди»²⁹, являющееся политонимом или этниконом, обозначало на самом деле татарскую общность.

Таким образом, единообразность использовавшегося по отношению к сибирским татарам этнонима, признание этой общности в целом мусульманским формированием, указывает на то, что в XVI в. сибирско-татарская общность уже реально существовала. Что касается ее особенностей, то они сводятся к двум моментам.

Во-первых, как уже указывалось, часть сибирских татар могла вести кочевой или полукочевой образ жизни. Во-вторых, клановые деления, имевшиеся в Сибирском ханстве, особенно в верхней стране, надо рассматривать скорее как территориальные кланы, или даже феодальные «дома», правда, включавшие в рамках отдельных «улусов» или «юртов» — княжеств и рядовых сородичей представителей правящих кланов. Как видим, этническая общность сибирских татар ханского времени по своей социальной структуре

---

²⁵ ПСРЛ. — т.36, ч.1. — с.33,47.

²⁶ Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Нарсция барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. — ч.IV- СПб., 1872. — с.212.

²⁷ ПСРЛ. — т.36, ч. 1. — с.38-39,54,57,62.

²⁸ См., например: Frank A.J. Varieties of Islamization in Inner Asia: the case of the Baraba Tatars, 1740-1917 // En islam Sibiriien. Cahiers du Monde Russe, 41/2-3, April-septembre 2000. — p.245-262.

²⁹ ПСРЛ. — Т.13. — С.370; Исааков Д.М. Особенности исламизации восточных групп татар в XV–XVI вв. (Приуралье и Западная Сибирь) // Доклады международной конференции «Исламская культура в Волго-Уральском регионе». Казань, 8-11 июня 2001 г. — Istanbul, 2004. — с. 223-233.

фактически не отличалась от других синхронных татарских общностей, формировавшихся в рамках своих государственных образований. Поэтому, можно говорить о существовании в XVI в. сибирско-татарской народности феодального типа. Правда, эта народность была относительно немногочисленной и среди других позднезолотоордынских татарских народностей, например, сопоставимой с астраханскими татарами.

Изложенные материалы показывают, что клановая структура Сибирского ханства отличалась от клановой структуры ханств, возникших на основной территории Золотой Орды. Однако, это не означает, что Тюменское (позже Сибирское) ханство, возникшее прежде всего на базе распада Кок Орды, поддерживало этнические и политические контакты лишь с Шейбанидским государством. Кроме того, сама роль Шейбанидов в этнополитической истории Поволжья заслуживает явного переосмысления. Приведу некоторые данные на этот счет.

Для первых десятилетий XV в. по нескольким источникам устанавливаются политические контакты Булгарского вилайета и района вилайета Чимги-Тура периода правления основателя Тюменского ханства Хаджи-Мухаммеда (правил с 1420/21 по 1428/29 или 1430 год). Согласно А.-З. Валиди-Тогану, опиравшемуся на труд Утемиша-хаджи «Чингиз-наме», хану Хаджи-Мухаммеду, наряду с прочими землями подчинялись и «Алатырь, Мокша и город Болгар с окрестностями»³⁰. Эту информацию можно было бы считать не заслуживающей доверия. Однако есть другой совершенно самостоятельный источник — «Нусрат-наме», где описывается начальный период правления хана Абулхаира, правителя государства Шейбанидов (кочевых узбеков). В нем рассказывается о периоде после покорения им вилайета Чимги-Тура и фактическом подчинении этому хану «правобережья Волги от Булгара и Дербента», указывая: «...жители Жанги-Туры и Булгара... платили ханской казне ясак»³¹.

В полуполюгендной форме контакты между двумя рассматриваемыми этнополитическими образованиями подтверждаются и некоторыми вариантами «татарских летописей», созданных в Поволжье. В частности, среди летописей, собранных А. Рахимом, имеется список, рассказывающий о том, как «пришел Мир-Тимур (т.е. эмир Тимур — Д.И.) и взяв город Болгар, разорил (его)». Тогда один из сыновей правителя Булгара Абдуллы (Габдуллы) хана

³⁰ Валиди Туган Ә. —З. Башкорттарзың... — с.24-26.

³¹ Ахмедов Б.А. Государство... — с.71,94.

(его я, кстати, считаю сыном хана Узбека) Алтун бик «с остатком своего народа держал юрт в городе Казани», а другой сын – Алим бик, «не возлюбив Казань, пришел в Тобол – Туру. Придя туда держал (там) юрт. Старая Тобол – Тура построена им»³².

В свете этих данных вряд ли будет выглядеть необычным уход некоторых знатных казанских татар после захвата русскими г. Казани в 1487 г. и свержения ими хана Ильгاما, «в Тюмень», к «царю Ибрагиму», а затем захват в 1496 г. казанского престола Мамуком – братом тюменского хана Ибрагима. Вместе с ханом Мамуком, который на казанском престоле просидел недолго, ушел и беклерибек Казанского ханства (в русских летописях – «князь князей») Урак, который в 1499 г. с братом уже покойного хана Мамука Агалак царевичем участвовал в походе против Казанского ханства³³.

С другой стороны, анализ написанной Г. Чокрыем «истории» рода (племени) *кара-табын* (это фактически обширное родословное), позволяет заключить, что в последней четверти XV в. из Западной Сибири (упоминаются бассейны рек Иртыша и Тобола), т.е. Тюменского ханства, в восточные районы Казанского ханства (в Прикамье – в районы нижнего течения р. Ик) было массированное проникновение группы *табын*, что говорит о тесных связях между Казанским и Тюменским ханствами в XV в.³⁴ Аналогичные контакты сохранялись и в XVI в.

Таким образом, этнополитическая история этих двух государств должна изучаться в неразрывной связи. Одновременно нельзя упускать из виду и обширные политические контакты узаканных ханств с Государством кочевых узбеков.

Только при учете этого общего контекста можно будет построить близкую к действительности модель становления сибирско-татарской этнополитической общности. В том числе и потому, что северная часть Южного Приуралья (нижнее течение р. Белой, бассейны Тулвы, Сылвы и Ирени), куда проникли выходцы из Тюменского ханства, и до этого была заселена этнически близкими к сибирским татарам, группами³⁵.

³² Рахим А. Новые списки татарских летописей // Архив ИЯЛИ АНТ, ф. 18, оп. 1, ед.хр.6. – л.70; Рахим А. Новые списки татарских летописей // Проблемы истории Казани: современный взгляд. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2004. – с. 579.

³³ Исаков Д.М. Идел-Урал бус... – с.84-85.

³⁴ Там же. – с.85, 88-89.

³⁵ Там же. – с.90; Исаков Д.М. От средневековых... – с. 114-140; Его же. К вопросу о клановой принадлежности Тайбугидов... – с.51-53.

ОБ ОБЩНОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВОЛГО-УРАЛЬСКИХ И СИБИРСКИХ ТАТАР (БУЛГАРСКИЙ, ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ И ПОЗДНЕЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОДЫ) *

В последние десятилетия в отечественных историко-этнографических исследованиях, посвященных сибирским татарам, была выдвинута концепция о самостоятельных путях этнического становления этой группы в донациональный период (1; 2; 3; 4; 5; 6). Одновременно велось изучение проблемы среднеазиатско-сибирско-татарских этнокультурных, политических и хозяйственных связей в прошлом – в основном, в XVI-XIX вв. (7; 8; 9). На этом общем фоне стало более заметным отставание научного направления по исследованию широкого круга вопросов о взаимодействии населения Волго-Уральского региона и Западной Сибири, прежде всего, в средневековый период.

Нельзя сказать, чтобы эта проблема не привлекала внимания исследователей. Уже Г.Ф. Миллер (XVIII в.) в своей известной работе привел ряд данных о династических, политических и этнокультурных контактах между Казанским и Сибирским ханствами (10, с.194-199). Спустя полтора столетия известный тюрколог А.Н. Самойлович, опираясь на языковые материалы, выдвинул гипотезу о существовании «Окско-волжско-камско-тобольского культурно-географического района» (11, с.211). Позиция этого исследователя была подкреплена дальнейшими изысканиями татарских диалектологов, в результате которых в конце 1930-х гг. было сформулировано положение о вхождении сибирских татар в языковом отношении в единую диалектную систему с волго-уральскими татарами – в качестве восточного диалекта татарского языка (12). В дальнейшем, в двух монографиях Д.Г. Тумашевой, обобщившей и другие работы по диалектам сибирских татар, данная проблематика получила более детальную разработку (13; 14). Однако лингвисты не смогли дать четкого ответа на вопрос о том, к какому времени – национальному или донациональному – относится языковое

---

* Первый вариант статьи см.: Исхаков Д.М. Тарихи туганлык, этник берлек. (Конбатыш Себер һәм Идел-Урал буе татарлары тарихыннан) // Татарстан, 1993. – № 2. – 39-48 бб.; Об общности этнической истории волго-уральских и сибирских татар (булгарский, золотоордынский и позднезолотоордынский периоды) // Сибирские татары. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002. – с. 24-58.

сближение сибирских и волго-уральских татар. Так, Д.Г. Тумашева, первоначально относившая начало переселения татар «из России» в Сибирь к XV в. (13, с.13), в более поздней своей работе ограничилась констатированием полной неизученности вопроса о взаимных контактах Сибирского и Казанского ханств (14, с.18). В результате, среди лингвистов начало складываться мнение о том, что языковая близость сибирских и волго-уральских татар – явление позднее и относится к национальному периоду (см., например: 15, с.311; 16, с.19). Однако из текстов, представляющих образцы сибирско-татарского народно-разговорного языка, собранных и опубликованных В.В. Радловым еще в начале 1870-х гг., т.е. тогда, когда национальная консолидация татар находилась на ранней стадии и влияние этнического ядра на периферию было слабым, видно, что языковые различия между волго-уральскими и сибирскими татарами уже в это время являлись несущественными (17, с.4). Другой лингвист – А. Безсонов, в 1881 г. указывал, что «наречие татар сибирских более разнится с наречием казанских татар, чем язык отатарившихся башкир». Но при этом, по его мнению, «наречие мешчеряков (мишар) отстоит от казанско-татарского наречия дальше, чем наречие отатарившихся башкир» (18, с.239-241). Фактически, таким образом, уже в 1880-х гг. сибирские татары в языковом отношении находились где-то на уровне диалекта татарского языка.

Очевидно, языковая близость волго-уральских и сибирских татар не может быть объяснена лишь как следствие этнических процессов национального периода. И в исторических трудах постепенно накапливалась информация в пользу именно такой точки зрения.

Так, В.В. Вельяминов-Зернов привел некоторые данные об участии сибирских татар в конце XVI – начале XVII вв. в формировании касимовских татар (19, с.92, 100, 102; 20, с.2, 3, 14, 16, 47). В 1937 г. С.В. Бахрушин опубликовал статью, посвященную сибирским служилым татарам. В ней он обратил внимание на два хорошо документированных случая ухода знатных казанских татар в Сибирь: после 1487 г. с князем Алгазыем в Тюмень и в 1496 г., когда вместе с ханом Мамуком, видимо, туда же, выехали казанский беклярибек Урак и другие (21, с.156). В другой своей публикации этот автор пришел к выводу, что существование в Казани в XVI. «Тюменских ворот» и упоминание торговых «тезииков» (от них – название «Тезицкого рва» в городе), показывают на «направление, каким пользовались «тезиики» в их поездках в Казанское ханство» (22, с.195). Речь, таким образом, идет о торговых связях Казанского и

Сибирского ханств в XVI в. В 1976 г. появилась специальная статья Ф.Т. Валеева об этнических контактах татар Поволжья и Западной Сибири (23). Но применительно к средневековому периоду Ф.Т. Валеев ограничился уже известными данными Г.Ф. Миллера и В.В. Вельяминова-Зернова, правда, критически рассмотрев часть сведений, содержащихся в работе первого исследователя. В двух монографиях этого же автора, опубликованных значительно позднее, было повторено содержание отмеченной выше статьи (5, с.37; 6, с.36-37). В 1980 г. в общей форме вопрос об этнических контактах сибирско-поволжских тюркских этносов был поставлен Ш.Ф. Мухамедьяровым, выделившим два периода этих связей – до гуннов и от гуннов до нового времени. Однако Ш.Ф. Мухамедьяров заявил, что детальное исследование данного вопроса, особенно «с учетом последующих этапов тюркской миграции, в т.ч. и наиболее важного – кыпчакского, на общем фоне развития сибирско-поволжских этнических связей», остается задачей на будущее, тем более, если анализировать эту проблему с точки зрения «тюркского этногенеза, протекавшего в Восточной Европе вплоть до XV-XVI вв., т.е. до времени окончательного распада улуса Джучи» (24, с.259). К проблеме этнических контактов тюркского населения Приуралья и Западной Сибири обращался и Р.Г. Кузеев, но, главным образом, в связи с изучением этнической истории башкир. Тем не менее, некоторые сюжеты из средневековой истории племени *табын*, приводимые в работе Р.Г. Кузеева (25 с.254-255, 264, 281-282, 321), могут быть интерпретированы как отражение проникновения сибирских татар в этническую среду татар Поволжья. В 1984 г. в тезисах доклада Р.Г. Кузеева и Н.Н. Моисеевой была подвергнута критике концепция «самостоятельного пути» этнического развития сибирских татар (26, с.7). Согласно этим авторам, близость волго-уральских татар, башкир и сибирских татар объясняется давними этническими контактами между ними. В истории их этнических взаимосвязей Р.Г. Кузеев и Н.Н. Моисеева выделили четыре этапа, два из которых относятся к интересующему нас периоду: от первых веков н.э. до II тыс. н.э. (до начала монгольского нашествия в XIII в.) и XIII-XV вв. (золотоордынский и ногайский периоды). По мнению этих исследователей, на первом этапе в этнических процессах среди тюрков от Волги и до Тобола наряду с печенежскими (печенежско-огузскими) племенами главную роль играли волжско-булгарские племена. Причем появление булгарских (булгаро-кыпчакских) групп в Западной Сибири могло происходить и в XIV в., возможно и позже (вплоть до XVI-XVIII вв.) (26, с.7-8). Во второй период (в XIII-XV вв.)

«...происходили активные передвижения кыпчакских и кыпчакизированных... групп... от Оки и до Оби». В результате сложилась «существенная часть общего этнического компонента тюркского населения от Волги и до Иртыша», в т.ч. и под воздействием Ногайской Орды. Именно наследием этого периода является этноним *нугай*, применявшийся по отношению к сибирским и волго-уральским татарам, иногда и к башкирам, а также этноним *иштяк* (*иштэк*), употреблявшийся как для обозначения сибирских татар, так и части башкир (26, с.8-9).

В 1970-1980-х гг. проблема этнокультурных, языковых и других контактов сибирских и волго-уральских татар стала изучаться более конкретно. В диссертационном исследовании Д.Б. Рамазановой была выявлена определенная общность говора пермских татар с восточным (сибирско-татарским) диалектом (27, с.26). Позже она сформулировала положение о том, что эта общность возникла в результате участия в формировании пермских татар определенного этнического компонента – «иштяков» («костяков»), вошедших также в состав некоторых групп башкир и сибирских татар (28, с.28). Участие сибирских татар в сложении еще одного говора татар Пермского края – свердловского, отмечалось и в публикации Ф.Ю. Юсупова (29, с.69). Н.А. Томилов в 1981 г. высказал предположение о продвижении в период Сибирского ханства некоторых групп татар из этого государства «далеко на запад» – в Приуралье, точнее, в бассейн рек Сылвы и Ирены, а также в некоторые прилегающие районы (2, с.30-33). В нашей статье (30, с.14-20; 31) было показано, что в Сылвенско-Иренском междуречье в средневековые жили предки пермских татар, имевших, впрочем, этническое родство с сибирскими татарами. Большого внимания заслуживает тезис Н.А. Томилова об оседании среди сибирских татар (среди искеро-тобольской их группы) «небольших групп казанских татар и чувашей» во время хана Кучума (2, с.69-70; 3, с.90). Это мнение хорошо документировано, но автор не сделал акцента на том, что в XVI-XVII вв. «чувашами» (ясачными чувашами) назывался и один из этнических компонентов казанских татар (об этом подробнее см.: 32; 33, с.125-130). В статье Д.Г. Тумашевой (1987 г.) по материалам топонимии и антропонимии сибирских татар были прослежены контакты населения Прииртышья и Поволжско-Прикамской зоны в конце I – начале II тыс. н.э. (34, с.38-40). Опираясь в основном на исследования Р.Г. Кузеева и ряд топонимов, имеющих угорское происхождение (терсяк, юрми, юрматы, бикатин и др.), эти

контакты она связала с башкирами, что не вполне правильно, поскольку те же этнонимы и этнотопонимы в значительной мере характерны и для приуральских татар (см. наши публикации: 30; 35). Д.Г. Тумашева выделила и кыпчакский слой в этнотопонимии сибирских татар (34, с.44-46), но недостаточно полно проследила характер подобной общности кыпчаков с волго-уральскими татарами (см., например: 36; 37, с.222; 38 с.127 193- 39 с.112). Поэтому трудно согласиться с ее мнением о том что языковые или ономастические данные «...о возможной миграции булгаро-кыпчакских племен до XIII в. и после монгольского нашествия в Западную Сибирь и об участии булгарского компонента в формировании сибирских татар...», отсутствуют (34, с.41). В недавней публикации научно-популярного характера этот вывод автора был несколько смягчен, но в целом сохранился (34). В нескольких наших статьях (35; 41; 42; 30; 31) была достаточно детально обоснована гипотеза о существовании в Среднем Приуралье в средневековый период «иштякской» этнической общности с тюрко-угорскими истоками, имеющей явное родство с тюрко-угорскими группами Западной Сибири. Нам представляется, что эти «иштяки» являются ранним связующим звеном между волго-уральскими и сибирскими татарами.

Но в целом, как показывает историографический обзор, средневековые этнические связи татар Волго-Уральского региона и Западной Сибири остаются изученными крайне слабо.

Хронологические рамки данного исследования – X-XVI вв. При этом, *булгарский период* (X-XIII), в основном, рассматривается «свернуто», как введение к *золотоордынскому* (XIII- сер. XV вв.) и *поздnezолотоордынскому* или *татарско-ханскому* (сер. XV-XVI вв.) периодам. Следует также иметь в виду, что булгарский этнос, находившийся в процессе этнического смешения с кыпчаками (булгаро-кыпчакская общность), существовал и в золотоордынский период, а возможно, и в поздnezолотоордынское время. Поэтому, указанное здесь деление на хронологические этапы является несколько условным (см. выше аналогичное мнение Р.Г. Кузеева).

1. Этнические связи булгарского периода

Этнические контакты населения Волжской Булгарии и Западной Сибири в силу состояния источников могут быть реконструированы в настоящее время лишь фрагментарно. На наш

взгляд, ключевым при изучении этих контактов является вопрос об «иштяках».

Известно, что некоторые соседние народы, например, казахи, называли в прошлом сибирских татар «уштяками» ~ «иштяками» (эштяками) (2, с.21). Этот этноним бытовал и среди самих сибирских татар: как родовое название (в группах тобольских и барабинских татар), отложившееся и в топонимике (14, с.21; 34, с.40, 2, с.22), и как историческая память о происхождении от «иштяков» (*безнең бабаларыбыз иштәк булган* – 43). Одно из возможных объяснений данного феномена – вхождение в состав сибирских татар в качестве компонента угорских групп, в первую очередь – хантов («остяки» – у русских, *иштәк* – у татар и башкир). Однако сибирские татары больше контактировали в средневековье с манси (вогулами). Кроме того, рассматриваемое явление существует не изолированно. Во-первых, «иштяками» казахи и ногайцы называли и башкир. Причем, в составе башкир существовала группа племен и родов, носивших общее наименование *истәк* ~ *иштәк*. Входявшие в объединение *иштәк* родо-племенные подразделения были сосредоточены в северо-восточной части Башкортостана, но не полностью – часть их проживала и в северо-западном Приуралье (в смежных районах Татарстана и Башкортостана) (44, с.243). Во-вторых, нами было выяснено, что локализованные в Среднем Приуралье предки пермских татар в XVI – начале XVII вв. также назывались «остяками». Именно с этим населением была связана структурная административно-политическая единица в составе Казанского ханства – «Костяцкая» территория (подробнее см.: 30, 31; 41; 42). Таким образом, выделяется обширный ареал, включающий часть Волго-Уральского региона и Западную Сибирь, где некогда бытовал этноним *иштәк* ~ *уштәк* ~ *костяк* (остяк).

Еще одним аргументом в пользу того, что в Западной Сибири в средневековье под «иштяками» подразумевались не только ханты, может быть вывод, который следует из анализа одной распространенной среди сибирских татар рукописи с полулегендарным содержанием (текст был опубликован в переводе Н.Ф. Катанова (45; см. также: 46, с.85-103). Как указано в источнике (события в нем относятся к XI-XV вв., но в основном датируются концом XIV – началом XV вв.), ко времени, когда проповедники ислама пришли в район р. Иртыш, там жили три «народы»: Хотан, Ногай и Кара-Кыпчак. Потом к ним примкнули некие «бунтовщики Тархан-хана», однако, впоследствии

«бежавшие в Китай». Еще одним «народом» были «Иштяки» (Ичтәк ~ Иштәк) (45, с.20-22). По мнению Н.Ф. Катанова, под «Хотанами» подразумеваются татары (так их звали ханты)*, а под народом *Иштәк* – ханты (45, с.20-22). Остальные этнонимы понятны. Однако есть одна странность в описании *народа Иштәк*, которая ускользнула от внимания Н.Ф. Катанова. Дело в том, что три народа (Хотан, Ногай и Кара-Кыпчак) при появлении проповедников уже были знакомы с исламом, а затем его исповедовали, тогда как народ иштяков бежал в леса и «остался без веры». Но одновременно в рукописи говорится о том, что упомянутые выше три народа были поклонниками «кукол», хотя и частично знакомые с исламом. А про *народ Иштәк* сказано, что он был «одной веры» с ними. При этом возникает вопрос: эта общность веры относится к исламу или к язычеству? Памятуя знакомство трех перечисленных народов с исламом до прихода проповедников, нельзя однозначно утверждать, что единство веры иштяков с ними относится лишь к язычеству. Одним словом, среди *народа Иштәк* могли быть и мусульмане. Поэтому, необходимо пристальнее посмотреть на этнические истоки «иштяков», которых никак нельзя сводить лишь к хантам.

Согласно башкирским генеалогиям, группа «иштяк» в составе башкир имела определенное место среди других народов и свою внутреннюю этническую структуру (47, с. 173-174).

Мораддин → Кинжә → Татар
                   (5-й сын) Мишәр
                                 Нугай
                                 Иштәк → Бикатун → Әйле
   (4-й сын) Юрми
   Байлар
   Байкы
   Иракте

Часть приведенных в генеалогической таблице этнонимов известна среди сибирских татар, правда, в виде топонимов – это *пигәтин*, *юрмы*, *иштәк* (34, с.40). Последние два этнонима, тоже в качестве топонимов, встречаются в районах расселения пермских татар: ермей ~ ермия и *иштәк* ~ *истәк* (31, 175-177 бб.; 30, с.29). Присутствующий в числе сибирско-татарских топонимов этноним

* Возможно, что этноним «хотан» образован от этнонима «киданы».

токуз (34 с.40, 46), в первой трети XVII в. зафиксирован в бассейне р. Иж как тюба волости (племени) *еней* (35, с.37). В свою очередь последний этноним отложился в исторической памяти татаро-башкирского населения Бардымского р-на Пермской обл. в форме имени легендарного предка племени *гайна* ~ *гэйнэ*, которого звали *Эйнэ* (31, 177 б.). Вообще в низовьях р. Агидели, по соседству с племенем *еней*, жили и представители таких племен (волостей), как *байлар*, *иректе* и *терсэк* (35, с.37-38; 31, 177 б.). Первые два из указанных этнонимов, как было показано, фигурируют в рассмотренной выше генеалогии. А этноним *терсэк* (имеется и форма *терсэ* ~ *тирся*) отмечен как среди пермских, так и сибирских татар (30, с.170). В составе башкир племени *эйле* в числе родоплеменных подразделений имела группа *тугуз* (25, с.454). Сам этноним *эйле* (в форме *аялы*) прослеживается и у татар Западной Сибири (5, с.35).

Вряд ли приведение тут соответствия носят случайный характер, тем более, что большинство их имеет отношение к угорскому или тюрко-угорскому миру (25). Обращает на себя внимание и тот факт, что рассмотренные этнонимы бытовали в прошлом в ареале функционирования этнонима *иштэк*. Ранее уже был обоснован вывод о том, что в средневековье, по-видимому, начиная с раннебулгарского времени, за счет передвижения тюрко-угорских групп из Западной Сибири в Волго-Уральский регион, начинает формироваться особая этническая общность «иштяков» (35; 36; 42; 31). Такое направление миграций тюрко-угорских групп прослежено и археологами (48; 49; 50, с.9,20,83; 51, с.224). Этот этнический массив занимал обширную территорию – от района впадения р. Агидели в Каму, далее через Среднее Приуралье (бассейны рек Тулвы, Сылвы и Ирени) до Западной Сибири. Данная этническая общность, постепенно трансформируясь, существовала в Восточном Закамье до конца XIV в. (в течение всего булгарского периода); в Среднем Приуралье – до рубежа XVI-XVII вв. В Западной Сибири датировать время исчезновения «иштяков» пока сложно, но, как будет видно из дальнейшего анализа, эта группа в той или иной мере сохранялась еще и в золотоордынский период.

Этническая близость населения Волжской Булгарии и Западной Сибири может быть обоснована и другими данными, в частности, при разборе вопроса о происхождении названия «Сибирь». В числе «северных областей», которые должен был завоевать Бату-хан, Рашид-ад-Дин упоминает «Ибир-Сибир» (52, с.72). Ал-Омари в состав «царства Кипчакского», т.е. Золотой Орды, включает и

«область Сибирь-Ибирь» (53, с.236), назвав ее в одном случае просто «землей» или «страной Сибирской» (53, с.236). Эти сведения относятся к первой половине XIV в. Во второй половине XIV в. «Ибирь и Сибирь» упоминает Ибн-Арабшах (54, с.460), в начале XV в. – «Аноним Искандера» (в форме «Ибир – Сибир») (54, с. 127).

В русской традиции центром «Сибирской земли» был «град Сибирь» на р. Иртыше (55; 56, с.32, 47, 81). Надо полагать, что во всех случаях в основе отмеченных названий лежит наименование *себер* ~ *сибир* (ибир ~ ибирь – всего лишь его вариант). В свою очередь, город и «земля» были названы скорее всего по «народу» *савыр* ~ *сабыр* ~ *сыпыр*, который, согласно преданиям тобольских татар, жил по среднему течению р. Иртыш до прихода туда татар (6, с.6). Иногда «сыбыров» наши информаторы отождествляли с хантами, но непоследовательно. Во-всяком случае – это народ, который жил очень давно (57).

Напрашивается заключение, что в лице этих *сыбыров-сыпыров* мы имеем дело с *савирами*, появившимися из Внутренней или Центральной Азии вместе с гуннами (58, с.105-106) и участвовавшими в этногенезе хазар, а также волжских булгар (у последних – это сувары, отсюда название г. Сувар – 59, с.16-17, 42, 187). Кстати, название «области» Ибир – Сибир сохранилось в татарском языке в виде устойчивого словосочетания *ыбыр – чыбыр* со значением «мелкий, не имеющий значения, никчемный, малые дети» (60, с.543),

Таким образом, этнические связи тюрко-угорского населения Волжской Болгарии, всего Волго-Уральского региона с Западной Сибирью, не подлежат сомнению. Известны и торговые связи между этими двумя регионами в булгарский период (61, с.136; 62, с.135). По-видимому, существовавший в XII в. торговый путь из Булгара «в Вису» и из него «в области Йуру» (63, с.32-34), проходил по землям, населенным во многом «иштяками» (31, 179 б.). Итоги этих ранних контактов весьма показательны. Так, в XVIII в. выходец из группы *эйле* на вопрос о том, кто он такой (син нинди жирнен, улы, баласы?), дал ответ: «Булгарский иштяк» (Болгарлык иштәкмен) (47, с.27-28, 31-32). Хотя в данном случае «булгарский» скорее означает политоним – принадлежность к Булгарскому улусу (вилаяту, иклиму) периода Золотой Орды, присутствие его в самосознании некоторых тюркских групп Приуралья весьма важно.

В золотоордынский и позднезолотоордынский периоды этнические контакты между населением двух регионов сохранялись. Перейдем к их рассмотрению.

2. Этнические связи золотоордынского и позднезолотоордынского периодов

Образование обширной империи с многоэтничным населением – Улуса Джучи (Золотой Орды), привело к появлению новых направлений этнического взаимодействия тюркского и тюрко-угорского населения Волго-Уральского и Западно-Сибирского ареалов, при сохранении, однако, определенной преемственности с процессами булгарского периода. Основная трудность при изучении этнических процессов золотоордынского времени заключается в том, что практически весь корпус источников, которым мы можем оперировать, относится к началу XV в. или к еще более позднему этапу. Отсюда – некоторая условность в датировке рассматриваемых событий. Поэтому, было решено ограничиться выделением тех общих для Волго-Уральского региона и Западной Сибири этнических компонентов, золотоордынское происхождение которых достаточно очевидно.

Начнем с группы *буркут* (*буркыт*). Согласно Масуду ибн Усману Кухистани, в состав Ак-Орды (точнее, Кок Орды – Д.И.) среди прочих входило и племя *буркут* (64, с.16). В 1428-29 гг., когда Абулхайр хан совершил поход на г. Туру (до 1446 г. столица государства Шейбанидов, позже – Тюменского ханства), «хакимами» там были Адад бек *буркут* и Кибек ходжа бий *буркут* (64, с.43,48; 65, с.42). Но *буркуты* известны и в Приуралье. Так, в родословной, записанной среди татар Бирского уезда Уфимской губ., сказано: «*Бөркет би – Алманчык би – Үрдәк би – Сүнчәли би – Сондык би – Кара жау – Турбай – Истәк...*». Далее в шеджере говорится о том, что Буркыт би жил во времена Чингиз-хана и приводятся сведения об атрибутах этого племени (66, 36, 89 бб.). Нам удалось доказать связь рассмотренной родословной с пермскими татарами (31, 173-174 бб.). Этноним *буркут* упоминается и в шеджере татар из д. Уразаево Актанышского р-на Татарстана (67, с.62). В родословной, найденной в татарской д. Старое Тураево (Дюртилинский р-н Башкортостана), во главе предков башкир рода «шамшадин» указывается Тарагай би, а его отцом называется *Буркат* би. Тарагай би «прибыл из Крыма и переселился в земли по Агидели» (25, с.359). *Боркыт* би назван и в

числе беков, которые жили во времена Чингиз-хана, в известном татарском историческом сочинении XVII в. «Дефтер-и Чингиз-наме» (68, с.145-а).

Во время экспедиции 1992 г. в д. Лайтамак (Тобольский р-н Тюменской обл.) нами была записана легенда об «Илэк алне», воевавшем с «народом сыбыр» (57). Между тем, Илек бий фигурирует в родословной башкир рода *кара-табын* племени *табын* как сын Майкы бия (47, с.164). В шеджере также сказано, что Майкы би во времена Чингис-хана «кочевал в долине р. Миас» (47, с.164). Присутствие же табынцев в Западной Сибири в XV в. будет показано далее. Поэтому, сохранение имени *Илек бия*, *Илэк алпа* в историческом сознании определенных тюркских групп Приуралья и Западной Сибири явно не случайно. Сам же Майкы би, как глава племени *уйшын*, отмечается и в «Дефтер-и Чингиз-наме» (68, с.283-285). В то же время Майкы би присутствует и в ряде поволжско-татарских родословных. Так он отмечен в шеджере татар д. Кызылъяр (Бавлинский р-н Татарстана), но как личность, жившая у р. Оки (36, с.54). В другой родословной (она имеет отношение к д.Исламбаекеево Ермекеевского р-на Башкортостана и к д. Мамалай Сабинского р-на Татарстана) он же, по-видимому, фигурирует после имени Малика, как «Кайкы бий» (36, с.52). Майкы бий (вариант – «Байкы бий») присутствует и в родословной татар Горной стороны (д. Кырык Садак) и некоторых сел Заказанья (д. Бакшанды и д. Б.Сабы Сабинского р-на Татарстана) (36, с.41-42).

В 1429-30 гг. среди «даруг» (даруга-князей), назначенных Абулхаир ханом на «вилает Чинги-Тура» (т.е. в район будущего Тюменского ханства), известен Али ходжа из *эля кушчи* (65, с.91). А среди знати, воевавшей на стороне этого хана против Махмуда ходжа-хана на берегу р. Тобол, упоминается «Кунгур-бай Кушчи» (видимо, читать надо не как «бай», а как «бий» – Д.И.), бывший одним из «самых приближенных и ичкиев» Абулхаир хана (65, с. 148). Топоним *Кунгур* (*Көңгер*) – сначала как название реки, потом как название города (город Кунгур в Пермской обл.) – отложился на вотчинных землях пермских татар (31, 175 б.). Племя *кушчи*, этническая принадлежность населения которого в 1618 г. была определена как «татара и остяки», числилось в составе Уфимского уезда – в ближайшем соседстве с пермскими татарами (70). Хотя позже кушчинцы и считались башкирами, они всегда находились в тесных этнических контактах с пермскими татарами, частично войдя в XX в. в их состав (30, с.16-20).

Приведенные материалы говорят об общности ряда этнических компонентов татаро-башкирского населения Урало-Поволжья и Западной Сибири в золотоордынскую эпоху. Но наиболее ясно эта общность выступает при рассмотрении сведений, относящихся к позднезолотоордынскому времени. Обратимся к ним.

Специального анализа требуют ряд событий второй половины XV в., происходивших на обширной территории от Поволжья до Западной Сибири. Хотя они уже находились в поле зрения некоторых исследователей (см. работы С.В. Бахрушина), изучение этих событий в более широком историческом контексте позволяет глубже осмыслить проблему этнополитических взаимосвязей позднезолотоордынских государств – особенно, Казанского и Тюменского ханств, а также Ногайской Орды.

После захвата в 1487 г. Казани русскими войсками и увода ими из города хана Ильгама, «Алегамовы цареви люди» (Алказый, Тевеккель сеит, Касим сеит, Бегиш с сыном Утешем и «иные их товарищи») выехали в Ногайскую Орду, а оттуда часть из них – в Тюменское ханство. О последних Емгурча мурза из Ногайской Орды в 1491 г. писал Ивану III: «Алгазыя просишь: Алгазыя яз не видал, с Ибраимом царем к Тюмени поехал, ...у Ибраима царя в Тюмени живет» (71, с.94). Не исключено, что князь Алгазый был *мангытом* или выходцем из Ногайской Орды. Приведем отрывок из одной старинной татарской рукописи, в которой, возможно, упоминается именно эта личность. В рукописи сказано: «...город Чаллы был построен Казанским ханом в самом центре Ногайской дороги («даруги» – Мангытского княжества в составе Казанского ханства – Д.И.), т.е. из Казани к ногайскому хану, жившему около Мензелинска. Устроив защиту от ногайцев – город Чаллы на этой дороге, по имени которой и весь здешний край стал называться Нагайской дорогой, Казанский хан поставил здесь одного человека беem... Через некоторое время г. Чаллы очень усилился, стал многолюден и богат; один из его беев – Хаджи или Газы Гирей – решился... отделиться от Казани и объявил себя независимым ханом. Несколько лет спустя ханом в Чаллах сделался Хафиз-Гирей; при нем началась сильная война с Казанью. На второй год войны Казанский хан взял г. Чаллы, разорил и уничтожил его до конца, а Хафиз-Гирей с семейством своим бежал в Бухару. Многие... ушли с Хафиз-Гиреем» (72, с.278-279). Как видно, обнаруживается некоторое сходство имен Алгазый и Гази (Хаджи) Гирей. Совпадают и их титулы – бей (би) – князь. Далее, сопротивление реальной исторической фигуры – князя Алгазый

ставленнику Москвы – хану Мухаммет-Аминю, явно продолжалось несколько лет (с 1487 г. по меньшей мере до 1492 г.). Наконец, уход жителей г. Чаллы «в Бухару» можно трактовать как уход к Шейбанидам, в т.ч. и в Тюменское ханство. Что касается этнической принадлежности князя Алгазы, дополнительные данные на этот счет приводит М.И. Ахметзянов. Согласно ему, в шеджере из д. Б.Менгер (Арский р-н Татарстана) упоминается Алгазы. Кроме того, в д. Ст.Менгер, находящейся рядом, имеются пышные эпитафии, где упоминаются имена султанов и погибших знатных воинов. А в рукописной истории села особо подчеркивается роль коневодства в начальный период истории деревни (36, с.49-50). Учитывая, что жители этих сел связывают своих предков с тысячей воинов – *мең*, можно допустить, что в основе топонимов Менгер лежит этноним *мең*, (73, с.137). Группа (племя) *мең* (мин) входила и в состав ногайцев (74, с.92), а также башкир (25, с.298-312). Скорее всего, этноним “*мангыт*” происходит от этого наименования (*мең* ~ *мәңг* ~ *манг* + монгольский формант мн.числа “*ыт*”~”*ут*”). Показательно и то, что князь Алказый скорее всего действовал с конным войском. Во всяком случае, в русских летописях в 1487 г. говорится: «Един князь татарский именем Алгазы с царем (т.е. ханом Ильгамом – Д.И.) в город (Казань – Д.И.) не полезл..., силе великого князя много дурно учинил... и после того князя сила великого князя прогна за Каму в поле» (74, с.50,96). Да и после того, как «Алегамовы царевы люди» ушли «в поле», они действовали совместно с ногайцами, что видно из ответного письма Ивана III на требование правителя Тюменского ханства Ибрагима об отпущении к нему пленного казанского хана Ильгама (71, с.82). В письме сказано: «... Алказый да Тевеккель сеит, да Касим, да Бегиш с Утешем и иные их товарищи, и тех людей Ивак царь (т.е. хан Ибрагим – Д.И.)..., мырзы у себя держат, да *от них ходячи* (выделено нами – Д.И.) ...лихо те люди чинят нашим землям, моим да и брата и сына моего Магмед-Аминева Цареве земле... С ними мырзины Ямгурчиевы люди, Тувачев брат, да сын, да зять... землю Магмед-Аминову цареву и нашу воевали, грабили..., головы поймали» (71, с.64).

Шейбанид Ибрагим хан был очень тесно связан с Ногайской Ордой. Например, в 1481 г. в русских летописях говорится: «...царь Ивак Шейбанский ... прииде в Нагаи, а ним силы 1000 казаков, и взем с собою шурью свою из Нагаи Мусу мурзу, да Ямгурчей мурзу, а с ним пять на десять тысяч (50 тыс. – Д.И.) казаков ... И

стоя Ивак 5 дней на Ахматова Орде и поиде прочь, а ордабазар с собою поведе в Тюмень» (75, с.95). Брат хана Ибрагима – хан Мамук, имел с ногайцами такие же отношения, как и его брат. Так, в 1491 г. Мухаммет-Амин в письме крымскому хану Менгли-Гирею, пишет: «Ивак, да Мамук, да Муса, да Ямгурчей еже лет на меня войною приходят» (76, л.223). Это была правда: ногайцы нападали на Казанское ханство и в 1490 г. (76, лл. 60, 83). Можно высказать предположение, что активные действия Шейбанидов совместно с Ногайской Ордой против Казанского ханства в конце 1480 – нач. 1490-х гг. были связаны и с нахождением у них группы татарской знати – «Алегамовых людей». Хану Мухаммет-Аминю не помогла и женитьба в 1491 г. на дочери ногайского мурзы Мусы, так как в 1496 г. в Казани на ханский престол при активном участии Ногайской Орды был посажен Шейбанид Мамук (77, с.242-243). Роль ногайцев в этом процессе хорошо видна из русских летописей. В частности, в «Патриаршей» (Никоновской) летописи сказано: «Мамук царь... прииде ратию под Казань со мною силою Нагайскою и со князи Казанскими» (77, с.243.) Из четырех «казанских князей» (их имена: Калимет, Урак, Садыр и Агиш), которые перешли на сторону хана Мамука при его первом наступлении на Казань (в том же 1496 г.), двое скорее всего были мангытами. Это «Калимет» и Урак. Первый из них еще в 1490 г. упоминается в войсках Мухаммет-Аминя как «Канымет князь Итяков брат» (71, с.116). Князь Урак в 1489 г. командовал отрядом татар в 700 человек, посланном ханом Мухаммет-Аминем в помощь московским войскам, действовавшим против вятчан (75, с.50,96). Это была крупная политическая фигура, так как в 1499 г. русские летописи называют его «князем Казанских князей» (77, с.250), т.е. беклерибеком. Что касается князя «Канимета», то его принадлежность к мангытам расшифровывается следующим образом: в «Родословных нагайским князьям и мурзам» среди сыновей ногайского князя Мусы указан «Идяк князь» (78, с.130). Можно допустить, что он и есть брат князя «Канимета»*. Имя князя

* Дополнительно о ногайском (мангытском) происхождении «Канимета» говорят такие данные. В 1505 г. в г. Уфе сидел «Казанский князь» Кара Килимбет (79, с.52), живший, видимо, и у берегов р. Дема (по-башкирски его имя передано как «Кара Гөләмбәт» – 80, 131 б.). Его отцом был как будто бы ногайский мурза Альчагир (сын князя Мусы) (81, с.251). Хотя это и не отмеченный выше князь Калимет-Канимет, убитый казанским ханом Абдул-Латыйфом еще в 1502 г. (75, с.52, 99), его имя, как было

Урака совпадает с именем ногайского мурзы Урака, сына Альчагира (81, с.265). Он известен в 1535- 36 гг. (81, с.245, 247). Жил он очень близко от Казани, что видно из его послания в Москву (1536 г.): «... по лету ... до Казани докочевали, и торговали есми, а в Казань дружбы для есми не дошли, занеже то известное наше кочевие к Казани кочевати...» (81, с.350). После 1536 г. ногайский мурза Урак больше в источниках не упоминается, что скорее всего говорит о его смерти около этой даты. Хронологические совпадения, идентичность имен, близость титулов позволяют предположить, что князь Урак и мурза Урак – это одна и та же личность.

Таким образом, при наступлении Шейбанидов на Казанское ханство в последнем десятилетии XV в. их союз с Ногайской Ордой играл крупную роль. Об этом же говорят и другие данные. В 1496 г. Мамук хан, потерпевший неудачу под г. Арском и преданный «Казанскими князьями», ушел с территории Казанского ханства и по пути умер (77, с.243). Но Шейбаниды после этого не перестали нападать на Казанское ханство. Так, в 1499 г. хан Абдул-Латыйф сообщал в Москву, что «на него идет Агалак царевич, Мамуков брат, да с ним Урак князь Казанских князей» (77, с.250). Войска Агалака, в том числе и Урак, отошли лишь услышав о том, что «идут на них воеводы великого князя с силою» (77, с.250). Видимо, и этот поход был совершен при участии ногайцев, так как через год русские летописи сообщают: «приходиша Нагайска Татарове Муса-мурза да Ямгурчей мурза со многими людьми подь Казань-город... и стояху под градом три недели...» (77, с.253). Спустя несколько лет (в 1505 или 1506 г.), «из Тюмени» на Великую Пермь, на Чердынь, пришли войска Кулук султана, сына хана Мамука (75, с.99; 62, с.264). Так как русские войска догнали их на р. Сылве (62, с.264), получается, что они вторглись и на территорию Казанского ханства, границы которого проходили где-то в этом районе (30; 31; 41; 42).

Совокупность уже рассмотренных исторических материалов показывает, что в новой интерпретации нуждаются и те сведения, которые приводятся в работе Г.Ф. Миллера. Одно из его сообщений связано с князьями, правившими в г. Чимги-Тура, т.е. в центре Тюменского ханства. Г.Ф. Миллер указывает, что вначале в городе князем был Тайбуга, затем его сын Хаджа, а потом сын последнего Мар (10, с.194). Про Мара этот автор пишет, что он «был женат на

показано, было характерно именно для ногайцев (в точной передаче, надо думать, Кил-Мөхәммәт, отсюда – Кил-Мамбет-Калимет).

сестре Казанского хана Упака, который начал с ним войну и коварным образом умертвил Мара. У последнего было 2 сына – Одер (Обдер) и Ебалак, которых победитель в знак своей победы взял с собой в Казань, где они вскоре также окончили свою жизнь. С этих пор город Чингидин или Чимги с подчиненными ему землями находился некоторое время в зависимости от Казани. Махмет, сын Обдера и Ангиш, сын Ебалача, были в детстве, во время нападения Казанского хана, отвезены знатными татарами в безопасное место и тайно там воспитывались. Когда первый из них стал взрослым, то начал думать о том, как бы ему свергнуть Казанское иго, и нашел среди своих людей такую большую и смелую поддержку, что хан Упак, который в то время находился в Чимге, вместе со многими Казанскими татарами, поплатился жизнью» (10, с. 194).

Источником этих сведений для Г.Ф. Миллера явились «Сибирские летописи», с которыми имеется полное текстуальное совпадение (См.: 56, с.46-47 и др.; 55). В «Сибирские летописи» приведенная информация попала, по-видимому, из исторических преданий сибирских татар. Во-всяком случае, Тайбуга би, сын Шах-Мурада, прибывший «из Бухары» и основавший город Искир, упоминается в рукописи сибирско-татарского происхождения (46, с.91).

Для лучшего понимания содержания процитированного сообщения, рассмотрим родословное Тайбути (10, с.192-194; 56, с.46-47; 55)*:

Тайбуга* → Ходжа* → Мар* → Адер → Мамет* → Казым
 (Обдер)
 → Абалак →

Агуш* → Едигер*
 (Ангиш, Агиш)
 → Бекбулат* → Сейдяк*

Из перечисленных князей Сейдяк известен в 1588 г. (19, с.106), а Едигер – в 1555-56 гг. (10, с.209; 83, с.29). Если на три предшествующих поколения (Казым, Мамет, Адер) отведем 75 лет (по стандарту 25 лет на одно поколение), время жизни князя Мара – современника казанского хана Упака – придется на 1460-1480-е годы, что совпадает с периодом политической активности правителя Тюменского ханства Шейбанида Ибрагима (отсюда –

* Звездочкой помечены личности, бывшие князьями.

Ивак~Упак; кстати, в «Ремезевской летописи» он назван «Алымом» (10, с.195), что явно согласуется с именем Ибрагим~ Обреим ~ Алым).

Хотя в это же время в г. Казани правил другой хан Ибрагим (1467-1479 гг.), под Упаком имеется в виду именно Шейбанид Ивак хан (Ибрагим). Доказывается это тем, что казанский хан Ибрагим умер в Казани. Кроме того, именно Шейбанид Ивак после разгрома с помощью ногайцев Ахматовой Орды в Поволжье в 1481 г., вернулся со всем богатством в Тюмень, т.е. в момент своей смерти Упак находился именно в г. Тюмени (Чимги-Туре).

Возникает вопрос о том, почему Упак назван «Казанским ханом»? Причина этого заключается в том, что Шейбанид Ибрагим хан вел активные военные действия в Поволжье, в т.ч. и против Казани. Кроме того, его брат занимал престол Казанского ханства, хотя и недолго. По-видимому, в народной памяти эти два факта слились, в результате возникла фигура «Казанского хана Упака». Но в этом предании имеется ряд совпадений с реальными историческими событиями. Например, рассмотренные данные об уходе в последних десятилетиях XV в. к Шейбанидам в Тюмень групп казанских татар могли дать основание для возникновения в предании сюжета о нахождении при Упаке «многих казанских татар».

Стоит попытаться приподнять и покров таинственности с Тайбугидов. В 1597 г. из Москвы хану Кучуму была отправлена грамота, где говорилось: «...которые ногайские улусы, Тайбутин юрт, которые кочевали с тобою, от тебя отстали, на которых людей была тебе большая надежда..., а иные пошли в Бухары и в Ногаи и в Казацкую Орду...» (21, с.153). Получается, что Тайбугиды правили «ногайскими улусами», следовательно, они сами должны были быть мангытами. Действительно, в Ногайской Орде во второй половине XVI в. отмечена должность «тойбути» ~ «тайбуги»; занимавший эту должность являлся четвертым лицом в иерархии ногайских феодалов (84, с.40-41). Существовали и особые «тайбугины пошлины», собираемые феодалом, занимавшем эту должность (85, с.167). Поскольку к ногайским улусам, подчиненным Тайбугидам, применялся термин «юрт»* и с них собирались «пошлины», то, вероятно, в лице «Тайбугина юрта» мы имеем княжество, входившее в состав Тюменского ханства. Возникновение его относится к достаточно раннему времени. Во всяком случае, в татарском историческом сочинении – «Сборнике

---

* Синонимом его выступает понятие «Тайбугинская страна», упоминаемая в 1586 г. в письме ногайского мурзы Урмамета в Москву (86, с. 16).

летописей» Кадыр-Али бека (1602 г.), есть упоминание о том, что после гибели Идегея, его сын Мансур представляет основателю Тюменского ханства Хаджи-Мухаммету престол и сам «становится его беком» (87, с. 85). Тесные взаимоотношения правителей Тюменского ханства и Ногайской Орды во второй половине XV в. мы уже видели. Добавим только, что в послании казанского хана Мухаммет-Аминя в Москву в 1492 г. сообщается, что Габбас князь и Ямгурчей с Муса мурзой «не в миру..., послали в Тюмень по Иваку царю..., зовут к себе... ногаи кочуют под Тюмень противу Ивака; а Ивак... идет к ним по их речам» (71, с.133).

Тут важно отметить, что существование в Тюменском ханстве отдельного ногайского княжества сближает его с другими позднезолотоордынскими государствами, в т.ч. и с Казанским ханством, имевшими в своем составе «мангытские юрты». А эта идентичность административно-политических структур татарских ханств способствовала возникновению институциональных форм миграции крупных феодалов из одного государства в другое (об этом детальнее см.: 88). В этом плане любопытно упоминание в 1533 г. в русских летописях имени посланника казанского хана Агыш князя (89, с.68), чье имя совпадает с именем сына Тайбугида Ебалака – Ангиша-Агыша.

А в середине XVI в. в Казанском ханстве известны еще «Тюменские князья»: в 1551 г. – Бибарс Растов, в 1552 г. – Кебек (89, с.167, 202). По источникам за 1577 и 1565 гг. в московских войсках упоминаются два служилых князя – Роман и Василий Агишевичи с титулом «Тюменские» (19, с.32, 86). Скорее всего, они жили на территории Касимовского ханства, где позже стали известными представители татарской знати (князья, мурзы) по фамилии Тюменевы, происходившие от Агишевых (90, с.69). Хотя этническая принадлежность «Тюменских князей» в татарских ханствах Поволжья еще нуждается в дополнительном изучении (в частности, нельзя полностью исключить того, что эти князья были выходцами из Тюменского княжества, находившегося в XVI в. в районе устья р. Терек), все-же допустимо и их сибирско-татарское происхождение (этой версии придерживался, например, М.Г. Худяков – 91, с.138).

Наконец, к этому же ряду можно отнести и фиксируемые в источниках случаи нахождения среди знати татарских ханств Поволжья и Западной Сибири представителей одних и тех же племен. Так, попавший в 1587 г. в плен к русским «карача» («думчий») хана Кучума Кадыр-Али бек, владевший в Сибирском

ханстве особым улусом, по племенной принадлежности был из джалаирцев (племя жалаир-ялаир) (67, с.40-45). Известно, что он остался в Касимовском ханстве. Однако в этом ханстве и ранее были джалаирцы. Например, в московских владениях (у хана Дербыша) в 1553 г. отмечен «елаира Кайбуллина княжего меншой брат Кошкайдар» (92, с.113). За его возвращение в Ногайскую Орду хлопотал ногайский князь Исмагиль, следовательно, он имел отношение и к этому государству. Уместно будет отметить, что у казахов род *джалаир* был частью племени *уйсунь* (93, с.208). В этом плане небезинтересно отметить, что часть найденных в Поволжье родословных во главе с Майкы бием имеет отношение к выходцам из Касимовского ханства (36, с.42).

Сейчас обратимся к другому сюжету из работы Г.Ф. Миллера. Он связан с ханом Кучумом. Этот автор приводит сообщение «Ремезовской летописи» о том, что хан Кучум через «два года после своего прибытия (в Сибирь – Д.И.) ездил в Казань, женился там на дочери казанского хана Мурата и привез вместе с ней большое количество русских и чувашских пленных» (10, с.197). Далее, опираясь на ту же летопись, он пишет, что Кучум «привез в Сибирь много духовенства из Казани» (10, с.199). Указанные места из «Ремезовской летописи» содержат некоторые анахронизмы. Действительно, как справедливо указал еще Г.Ф. Миллер, в годы начала правления Кучума в Сибирском ханстве в Казани уже ханов не могло быть. Поэтому он высказал предположение, что Мурат мог быть каким-то претендентом на престол в Казани (10, с.197). Такое объяснение приемлемо, тем более, что после падения Казанского ханства наблюдается активизация Сибирского ханства в Приуралье. Начнем с того, что в «Вычегодско-Вымской летописи» под 1573 г. отмечено: «пришедшу ратью на Пермь Великую Маметкул сын Сибирского царя» (82, с.266). Судя по «Летописи Сибирской», где сказано, что в 1573 г. «Сибирский Салтан», пришедший «ратью», «данных остяков Чагира с товарищи побили, а иных в полон взяли, которые жили около Чусовских городков» (83, с.11), речь идет о бывшей территории Казанского ханства в Сылвенско-Иренском междуречье. В «Вычегодско-Вымской летописи» уже под другой датой – в 1581 г., сказано: «...пришедшу Сибирский царь с вогуличи и югорцы на Пермь Великую на городки на Сылвенские и Чусовские, вотчины Строганова пограбил» (82, с.267). И до этого имели место аналогичные события, так как уже в 1568 и 1570 гг., при обосновании необходимости строительства Чусовского, Сылвенского и

Яйвинского городков, Строгановы указывали, что это нужно сделать для того, чтобы оберегаться от «Сибирских и Нагайских людей» (83, с.6-7). В 1586 г. русские власти в обоснование необходимости строительства г. Уфы, перед ногайцами выдвинули такой аргумент: «...беглый из Сибири Кучюм царь, пришед в государеву отчину в Казанский уезд в башкирцы учал кочевати и ясак... имати» (86, с.20). Кроме того, Кучум, окончательно закрепившийся в Сибирском ханстве в 1563 г., начал действия против Тайбутида Ядигера князя еще в 1556-57 гг. (94,67 б.), когда тюркское население Приуралья возможно и не было окончательно подчинено Москве (79, с.81-82). Не исключено даже, что Кучум женился до падения Казани, будучи султаном. Вероятность его женитьбы на представительнице правящего дома Казанского ханства велика потому, что брачные отношения такого рода известны и для более раннего времени: старшая жена Казанского хана Сафа-Гирея была «сибиркой» – дочерью сибирского хана или князя (95, с.90). Поэтому мы не можем с ходу отбросить данные о появлении при Кучуме в Сибирском ханстве выходцев из Казанского ханства, включая пленных и мусульманское духовенство. Это тем более так, что некоторые факты подтверждают сообщение «Ремезовской летописи».

Во-первых, известно о проживании Кучум султана до его завоевания Сибирского ханства в районе устья р. Сыр-Дарьи (96, с.71) или о его появлении «ис Казачьи Орды» (56, с.48). Между тем, в одной из рукописных татарских «летописей» содержатся указания на миграцию татар после падения Казани в направлении Казахстана и Средней Азии. Там сказано: «...чтобы спастись от рук русских, разбежались в разные стороны... многие переселились на р. Джим и Куан. Смешались с киргизами...» (казахами? – Д.И.). Далее сказано, что около Уфы, на р. Белой, там, где впадает р. Дема, «была крепость Кунгират; жители ее переселились в Ургенч. Там соорудили о крепость и назвали Кунгурат» (97, с.123). Косвенно о таком направлении переселений татар свидетельствует следующее место из послания Ивана IV ногайскому князю Исмагилю (1556 г.): «...А которые люди Казанские беглые к вам приедут или с какими речами... придут, и вы б... (их) велели побити, а живых не отпускали» (92, с.217). Не исключено, что часть беженцев поэтому оказалась в числе подданных Кучума еще до его появления в Сибири.

Во-вторых, в «Сибирских летописях» упоминается об обороне хана Кучума в местности «Чювашево» или «Чуваши-тура» (50, с.52-53; 2, с.63). Между тем, именно в XVI – начале – XVII вв. на территории

бывшего Казанского ханства известны так называемые «ясачные чуваши» («чюваша Арская», в том числе), бывшие, как было нами установлено, одним из этнических компонентов казанских татар (32). Вряд ли случайно и то, что во время полевых исследований 1990 г. в отдельных деревнях сибирских татар тоболо-иртышской группы были обнаружены элементы традиционной культуры казанских татар. Но это не результат позднейших переселений, хотя среди жителей некоторых деревень сибирских татар тоболо-иртышской группы и сохранилась очень смутная память (что и говорит о давности события) о переселениях предков откуда-то «с Запада» (43, ч. 1. – л. 104). Стертость исторической памяти, наряду с особенностями культуры и некоторыми другими факторами, позволяют предположить, что тут мы имеем дело с достаточно ранними переселенцами. Итак, приведенные данные показывают, что проникновение казанских татар в Сибирское ханство продолжалось и во второй половине XVI в.

Но существовало и обратное направление миграции – из Сибирского ханства в Поволжско-Приуральский регион. Довольно интересная информация об этом содержится в рукописной «истории» (родословной) рода (племени) *кара-табын*, записанной Гали Чокрьем (саму «историю» см.: 47, с.164-165; 98, с.77-87; 99, с.119-124). В ней сказано: «...Аймак Кара-Табын произошел (идет) от Майкы бея. Во времена Чингиз-хана Майкы бей находился в местности Миядэк Уральских гор, проживая около р. Миасс... Его звали *Уйшын* Майкы бей. Сын Майкы бея – Илек бей, его сын – Алчэ бей, его сын – Булгаир бей, его сын – Кара Табын бей, которого звали Кара Газиз. Кара Табын бей бросил (оставил) древние земли и переселился на берега р. Чулман. Его сын Чулман бей родился по прибытии туда» (98, с.77). В некоторых вариантах рассматриваемой родословной после Майкы бея идет Кара-Табын бей, а сразу после него – Ахметшеих бей, затем – Абдал бей и только после него – Чулман бей (98, с.78-79). Это говорит о том, что в числе поколений в отдельных вариантах шеджере имеются пропуски или некоторая путаница. Далее в родословной отмечается, что Ахметшеиха его завистливые дяди заставили уйти с мест проживания и он «был вынужден со своими близкими переселиться с берегов Иртыша и построить дом у р. Миасс – там, где позже возник Челябинский уезд». Оставив тут своего сына Абдала, Ахметшеих «поплыл на лодке по Чулману туда, где потом был основан г. Пермь. ...Затем он вернулся и взяв детей отправился в местность, где находился г. Пермь и построил там дом... Тут жена Абдал бея родила мальчика. Его прозвали Чулман беем». Позже и сородичи переселились туда, где затем образовался Бирский уезд. По

мнению автора «истории» Г. Чокря, «...те, кто переселился туда, где потом был создан Мензелинский уезд и те, кто поселился на территории будущего Бирского уезда, себя называли «*башкирами иректе*» (иректэ башкорт буламыз). Это прозвание осталось из-за того, что «Ахметшеих..., (его) отец Кара-Табын... (и) его сородичи назывались именем иректе» (98, с.80-81). К этим сведениям кое-что добавляет дореволюционный башкирский историк М. Уметбаев. Опираясь на исторические предания табынцев, он сообщает, что беи племени *табын* Асади и Шикарали бежали «на запад» тогда, когда в бассейне Иртыша и Ишима воевали между собой два хана – «Ибак» и «Шибак», первый из которых велел убить указанных беев (25, с.282). Хотя в родословной кара-табынцев имен Асади и Шикарали беев мы не найдем, в шеджере башкир племени табын есть имена обоих (*Томән би* – Майкы бей – Султан бей – Ихсан бей – Арслан бей – Аллаберди бей – Асади (Асәт) бей – Курпеч бей – Шикарали бей) (26, с.271).

Теперь попытаемся датировать сообщение Г. Чокря. В своей работе Р.Г. Кузеев время переселения табынцев в район Камы (Чулмана) и в бассейн низовьев р. Белой, а также р. Ик датировал концом XV – началом XVI вв. (25, с.281, 321). В последнее время М.И. Ахметзянов привел данные, которые позволяют датировать это событие 1470-ми годами (67, с.63-64; 36, с.52-53). В связи с тем, что Шейх-Ахмат (Ахметшеих) в 1523 г. получил ярлык от казанского хана Сафа-Гирея на свои владения в районе р. Ик (100, с.24-25; 25, с.320)*, датировку Р.Г. Кузеева следует признать достаточно надежной, но не единственно возможной. Во-первых, упоминаемые в труде М. Уметбаева ханы «Ибак» и «Шибак» – это скорее всего тюменский хан Ибрагим и внук правителя кочевых узбеков хана Абулхаира Мухаммет-Шейбани, которого звали и «Шейбани-ханом». Для вражды у них оснований было более чем достаточно – Ибак (Ибрагим) хан убил дядю Шейбани-хана Шейх-Хайдара хана (96, с.56; 103, с.202). Хотя справедливости ради надо указать, что и одного из дядей Ибрагима (Ибака) хана также звали «Шейбан-Гази» (Шибан- Гази) (65, с.19, 317). Но в таком случае,

---

* М.И. Ахметзянов пытался оспорить мнение Р.Г. Кузеева о проживании иректинцев в 1523 г. в бассейне р. Ик (67, с.63-64; 36, с.52-53). Но его доводы неубедительны. Дело в том, что еще на основе документов XVII-XVIII вв. было выяснено, что Шейх-Ахмет являлся предком жителей Иректинской волости (101, с.205). Между прочим, в этой волости имелся Исянский аймак (102), названный явно по имени одного из потомков Ахметшеиха (См.: 98, с.77).

приход табынцев в Волго-Уральский регион может быть связан с активными действиями хана Ибрагима (Ибака) в Поволжье (1480-е гг.), что ближе к датировке М.И. Ахметзянова. На самом деле переселения могли состоять из нескольких «волн». Во всяком случае в «истории» Г. Чокрия, речь идет именно о поэтапном переселении Ахметшеиха и его сородичей.

Массив проникших из Западной Сибири в Волга-Уральский регион был значительным. Часть из них осела в районе низовьев рек Белой и Ика, став в XVII-XVIII вв. «башкирами» Ирехтинской волости, но уже в XVII в. сильно перемешавшись с «татарами» (32, с.36-44)**. Другие группы дошли до центральных ареалов Казанского ханства. Например, потомок Курпеч бея (на 5-6 колене) Тимершеих, согласно родословным, «переселился в Казанское ханство. Сейчас их предки (потомки? – Д.И.) в Мамадышском уезде» (25, с.271). Исследование М.И. Ахметзянова, в котором показано, что родственники Шейха-Ахмета жили в деревнях Сабинского и Пестречинского районов Татарстана, подтверждает это сообщение (67, с.63-64; 36, с.52-53). От себя добавим, что в бывшем Мамадышском уезде имелась д.Яки (*Жәке*), и одноименное селение входило в прошлом в состав Ирехтинской волости Мензелинского уезда (102). Кроме того, еще одна д. Яки (*Жәке*) существует в Зеленодольском районе Татарстана. На кладбище этой деревни отмечено надгробие XVI в. с этнонимом *табын* (100, с.223. Датировка спорна – см.: 105). Далее, рядом с д. М.Атня найдено надгробие 1524 г. с надписью: «Ябынчы табын Акбулат» (105). Наконец, как видно из родословных Каратабынцев, для них был характерен антропоним Кабан. Целая группа топонимов «Кабан» имелась в прошлом в окрестностях Казани (по «Ногайской дороге» – *Кабан, Селик-Кабан, Иске Кабан*; по «Алатской дороге» – *Өч Кабан* – 106, с.235). Да и топоним Карадуган (от *табын-дуван ~дуган-дуан*) в Балтасинском районе Татарстана имеет отношение к табынцам, так как по башкирским родословным, среди предков башкир – дуванцев был Юлбуга, брат Майки бия. Сказания башкир-дуванцев сообщают об их прибытии «с Алтая» и «с Иртыша» (25, с.213; 47, с.158). Кстати, в одном из родословных, относящихся к башкирам рода *дуван-айле*, отцом Майки бия и Юлбуги указан *Субра* (47, с.218). *Супра-Субра* – это

** Название «волости» – от слова *ирәк* – крепость, укрепление (104, 148 б.) отсюда – *ирәкте*, обозначающее служилых людей, подчиненных казанским ханам (25, с.320). Подчиненность ирехтинцев казанской знати отмечена и в «истории» Г. Чокрия (98, с.77).

название одной из волостей сибирских татар в XVIII в. (относится к иштякско-токузской группе – (2, с.72-74). О связях айлинцев сибирскими татарами см. выше.

Имеющиеся источники надежно фиксируют миграцию значительной группы сибирских татар на территорию Казанского ханства в последней четверти XV в. Есть основания полагать, что эти группы были перемешаны с уграми (тюрко-уграми). Г. Чокрый сообщает на этот счет следующее:

*...Асыл бабам Тобол, Иртыш
Кинаринда будуб ирмеш
Асылда эрми йә чирмеш,
Беленмәй диннәре сарпай...*

Перевод: ...Мои предки находились
в области Тобола и Иртыша
Происходя от эрми и чирмышей
У них совсем не заметно религии ...

Упоминаемые тут эрми – это уже знакомые нам юрмийцы. В Приуралье «чермышами» называли и выходцев из угорских групп (на это обратил внимание Г.В. Юсупов – См.: 100, с.133-135; этот вывод был детально обоснован Р.Г. Кузеевым – 25, с.350). Правда, позже данный этноним был «перекрыт» названием, применяемом для обозначения марийцев.

Заслуживает внимания и отсутствие у предков Г. Чокрая «религии», т.е. они не были еще подлинными мусульманами. Аналогичное явление нами была установлено для XVI в. применительно к пермским татарам (31, 174-175 бб.). Они, как было отмечено, также относились к «иштякам». Следовательно, даже табынцы (включая и их часть – иректинцев), к XV-XVI вв. уже явные тюрки, были сильно перемешаны с уграми (тюрко-уграми) и скорее всего входили в «иштякскую» общность. Это обстоятельство позволяет наметить связующее звено между этническими общностями Волго-Уральского региона и Западно-Сибирского регионов булгарского и позднезолотоордынского периодов – это «иштякская» этническая общность. Интенсивные торговые связи между Казанским и Сибирским ханствами усиливают впечатление того, что в XV- середине XVI вв. сохранялась прежняя модель этнокультурного взаимодействия регионов, которая сложилась еще в X-XIII вв. Действительно, в

1475 г. в русских летописях говорится: «...Татарове Казаньстии побили Устюжан в Каме 40 человек, идучи кь Тюмени торгом» (77 с.158). А в 1481 г. устюжане, воевавшие под Чердынем, «на Каму шедши, да встретили гостей и Тюменских татар», которых «пограбили» (или «посекли») (82, с.263; 75, с.95). Эти события происходили на одном из важнейших торговых путей из Среднего Поволжья в Западную Сибирь – по Каме к Перми, далее по Сылве и Чусовой через Уральские горы (подробнее см.: 107, с.94-95). По указанному пути, как было уже сказано, связи поддерживались и в булгарское время. Об их существовании в XIV в. сообщает Ал-Омари: «...купцы Булгарские ездят до Чулымана, а купцы Чулыманские ездят до земель Югорских...» (54, с.240). О том же для XII в. писал Абу-Хамид ал-Гарнати: «Булгары везут их (мечи – Д.И.) в Вису..., жители Вису везут их в Йуру» (63, с.34).

Рассмотренный в настоящей статье фактический материал не позволяет нам принять концепцию о самостоятельных путях этнического становления сибирских татар в средневековье. Выясняется, что как в булгарский (X-XIII вв.), так и в золотоордынский (XIII–сер.XV вв.), а также в позднезолотоордынский (сер. XV – сер.XVI вв.) периоды существовали достаточно заметные этнические контакты между тюркским и тюрко-угорским населением Волго-Уральского и Западно-Сибирского ареалов. Поэтому, не потеряла свою актуальность гипотеза А.Н. Самойловича о существовании «Окско-волжско-камско-тобольского культурно-географического района». При изучении этнических процессов, происходивших в средневековье в рамках этого обширного «культурно-географического района», одним из ключевых является вопрос о формировании и трансформации локализованной тут «иштяжской» этнической общности. Данный вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

Литература

1. Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. – Томск, 1978.
2. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск, 1981.
3. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. – Новосибирск, 1992.
4. Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). – Томск, 1993.

5. Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв. Историко-этнографические очерки. – Казань, 1980.
6. Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. – Казань, 1992.
7. Зияев Х. Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVII-XIX вв.). – Ташкент, 1964.
8. Зияев Х. Узбеки в Сибири (XVII-XIX вв.). – Ташкент: Фан, 1968.
9. Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI-XIX вв. – Ташкент: Фан, 1983.
10. Миллер Г.Ф. История Сибири. – Т. 1. – М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
11. Самойлович А.Н. К истории культурных и этнических отношений в волжско-уральском крае // Новый восток, 1927. – № 18. –С.210-217.
12. Жәләй Л. Татар телендәге диалектлар // Совет мәктәбе, 1938. – № 5, 6, 8.
13. Тумашева Д.Г. Көнбатыш Себер татарлары теле. Грамматик очерк һәм сүзлек. – Казан, 1961.
14. Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. – Казань, 1977.
15. Дульзон А.П. Диалекты татар-аборигенов Томи // Ученые зап. Томского гос. педагогического ин-та. – Т. 15. – Томск, 1956.
16. Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар (материалы и исследования). – Л.: Наука, 1981.
17. Радлов В.В. Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Наречия барабинцев, тарских, тобольских, тюменских татар. – Т.IV- СПб., 1872.
18. Безсонов А. О говорах казанско-татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам // ЖМНП, 1881. –4.216. –С.200-242.
19. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – Т.2. – СПб., 1864.
20. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – Т.3. – СПб., 1864.
21. Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. – Т.III. Избранные работы по истории Сибири XVI- XVII вв. – Ч.II. История народов Сибири в XVI-XVII вв. – М.: Изд. во АН СССР, 1955. – С. 153-175.

22. Бахрушин С.В. Сибирь и Средняя Азия в XVI- и XVII вв. // Научные труды. – Т.IV Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI-XVII вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 195-214.

23. Валеев Ф.Т. К вопросу об этногенетических и этнокультурных контактах западно-сибирских татар с татарами Поволжья // Языки и топонимика. – Томск, 1976. – С. 138-141.

24. Мухамедьяров Ш.Ф. Сибирско-поволжские этнические связи и этногенез тюркских народов Восточной Европы // Народы и языки Сибири. – Новосибирск, 1980. – С.249-259.

25. Кузеев Р.Р. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – М.: Наука, 1974.

26. Кузеев Р.Р., Моисеева Н.Н. Об этнических связях тюркских народов севера евразийских степей в эпоху средневековья и новое время // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тез. докл. областной научной конф. по этнографии. – Омск, 1984. – С.6-13.

27. Рамазанова Д.Б. Говоры татар Среднего Прикамья. – Автореф дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1970.

28. Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар // Пермские татары. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. – С. 137-154.

29. Юсупов Ф.Ю. Фонетические особенности говора татар Свердловской области // Исследования по диалектологии и истории татарского языка. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1982. – С.68-86.

30. Исаков Д.М. Расселение и численность пермских татар в XVIII – начале XX вв. // Историческая этнография татарского народа. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. – С.5-30.

31. Исаков Д.М. Пермь татарлары // Казан утлары, 1991. – № 6. – 171-179 б.

32. Исаков Д.М. Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI-XVII вв. (критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края) // Советская этнография, 1988. – № 5. – С. 140-146

33. Исаков Д.М. Историческая демография татарского народа (XVIII – начало XX вв.). – Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1993.

34. Тумашева Д.Г. Этнические связи западно-сибирских татар (по материалам топонимии и антропонимии) // Советская тюркология, 1987. – № 2. – С.38-51.

35. Исаков Д.М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX века // К вопросу

этнической истории татарского народа. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. – С.36-65.

36. Ахметзянов М. Татарские шеджере (исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX-XX вв.). – Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1991.

37. Юсупов Г.В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань: ИЯЛИ АН СССР, 1971. – С.217-231.

38. Гарипова Ф. Исемнәрдә – ил тарихы (югары уку йортлары өчен дәреслек-кулланма). – Казан, 1994.

39. Саттаров Р. Ни өчен шулай аталган? (Татарстан топонимнары). – Казан, 1971.

40. Тумашева Д.Г. Себер татарларның этнонимнары // Татар иле, 1995. – № 29 (июль).

41. Исхаков Д.М. К вопросу об «остяцком» компоненте пермских татар и его связи с носителями сылвенской культуры // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа: БФ АН СССР, 1986. – С. 114-122.

42. Исхаков Д.М. Остяцкая земля: локализация и население в XV-XVII вв. // Congress septimus internationalis Finno-Ugristarum. – vol.4. Sessionis sectionum dissertstiones. Ethnologica et folklorica. – Debrecen, 1990. – С.386-391.

43. Архив ОЭ ИЯЛИ АНТ, ф.32, ед.хр. 1, ч.1-2 (полевые дневники Д.М. Исхакова).

44. Кузеев Р.Г. К этнической истории башкир в конце I – начале II тыс. н.э. (опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд) // Археология и этнография Башкирии. – Т.3. – Уфа, 1968. – С.228-260.

45. Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири (по рукописи Тобольского губернского музея). – Казань, 1904.

46. Усманов М.А., Шайхиев Р.А. Образцы татарских народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская археология и источниковедение. – Новосибирск, 1979. – С.85-103.

47. Башкирские шежере. – Уфа, 1960.

48. Казаков Е.П. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников

- гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа, 1987. – С.67-75.
49. Казаков Е.П. О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья // Проблемы древних угров на Южном Урале. – Уфа, 1987. – С.79-87.
50. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М.: Наука, 1978.
51. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. – М.: Наука, 1984.
52. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – Т.2. – М. –Л.: Изд-во АН СССР 1960.
53. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т.П. Извлечения из персидских сочинений. – М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
54. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т.1. Извлечения из сочинений арабских. – Спб., 1884.
55. Книга, именуемая окладная, в ней же описание Сибирской стране городам // ГПБ (Санкт-Петербург), фонд Г-IV, ед.хр.76.
56. ПСРЛ. – Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987.
57. Исхаков Д. Путешествие в Заболотье // Казанские ведомости, 23 декабря 1992 г.
58. Golden P.B. An introduction to the history of the Turkic Peoples (ethnogenesis and state-formation in medeival and early modern Eurasia and the Middle East). –Wiesbaden, 1992.
59. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. – М.: Наука, 1984.
60. Татар теленең анлатмалы сүзлеге. – Т.3. – Казан, 1981.
61. Федорова Н.В. Булгарские сканные украшения Зауралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань: КНЦ АН СССР, 1990. –С.131-142.
62. Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура. До-монгольский период. X – начало XIII вв. – Казань, 1990.
63. Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в восточную и центральную Европу (1131-1153 гг.). – М., 1971.
64. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – М.: Наука, 1965.

65. Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата: Наука, 1969.
66. Ишморат Р. Гомер сукмаклады. Истәлекләр. – Казан, 1987.
67. Ахметзянов М.И. К этнолингвистическим процессам в бассейне р. Ик (по материалам шеджере) // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. – Казань: КФАН СССР, 1985. – С.58-75.
68. Әхмәтжанов М.И. Нугай Урдасы һәм аның татар этник тарихына мөнәсәбәте // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С. 142-160.
69. Сочинения Ч.Ч. Валиханова. – СПб., 1904.
70. Архив Института истории (г.Санкт-Петербург), ф.122, оп.1, ед.хр.447.
71. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией. – Т.І. С 1474 по 1505 гг. Эпоха свержения монгольского ига в России/ /Сборник ИРИО. – Т.41. – СПб., 1884.
72. О Чаллинском городище в Лаишевском уезде, близ д. Чаллы, Шумбутской волости. Сообщение члена-сотрудника, муллы д. Кугарчина М.Б. Зайтова // ИОАИЭ. – Т.3. – Казань, 1884. – С.277-280.
73. Исхаков Д.М. О роли ногайского компонента в формировании татар Волго-Уральского региона // Из истории Золотой Орды. –Казань, 1993. –С. 134-142.
74. Калмыков И.Х. Из истории ногайцев Дагестана, Терека и Ставропольской губернии в 19 – нач. 20 в. // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкессии. – Черкесск, 1935. – С. 78-110.
75. ПСРЛ. – Т.37. Устюжские и Вологодские летописи XVI-XVII вв. – М.: Наука, 1982.
76. Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между и Российскими великими князьями и бывшими в Крыме Татарскими царями с 1462 по 1533 год // Архив Института истории (г.Санкт-Петербург), ф.36, оп.1, ед.хр.33.
77. ПСРЛ. – Т. 11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. – М.: Наука, 1965.
78. Родословная книга // Временник МОИДР. – Кн. 10. – М., 1851. – С. 1-286.

79. Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1960.
80. Башкорт халык ыжаты. Эпос. – Т.3. – Өфе, 1982.
81. ПДРВ. – Ч. VII. – Спб., 1791.
82. Документы по истории Коми // Историко-филологический сборник. – Вып. 4. – Сыктывкар, 1958. – С. 241-270.
83. Летопись Сибирская. Изд. с рукописи XVII в. – Спб., 1821.
84. Кочекаев Б. – А.Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. – Алма-Ата: Наука, 1988.
85. Акты времени правления царя Вас. Шуйского (1606-1610 гг.). – М., 1914.
86. Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Т. X. – № 5, 1872. – С. 1-29.
87. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. – Казань: Изд-во КГУ, 1972.
88. Исхаков Д.М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского XV-сер. XVI вв.) // Панорама-Форум, 1995. – № 3. – с. 195-207.
89. ПСРЛ. – Т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. – М.: Наука, 1965.
90. Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). – Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1993.
91. Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. – Казань, 1990.
92. ПДРВ. – Ч. IX. – Спб., 1793.
93. Жунисбаев К. Кадыргали Джалаири // Великие ученые Средней Азии и Казахстана (8-19 вв.). – Алма-Ата, 1965. – С. 204-218.
94. Атласи Н. Себер тарихы. Сөенбикә. Казан ханлыгы. – Казань 1993.
95. Казанская история. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
96. Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте с пер., прим. и приложениями И. Березина. – Казань, 1849.
97. Из татарской летописи, переписанной Нурмухамметом, сыном Азмедзяна // История Татарии в материалах и документах. – М., 1937. – С. 122-124.
98. Нәзерголов М.Х. Кара табын ыруы шәжәрәсе // Башкирские шежере (филологические исследования и публикации). – Уфа, 1985. – 77-87 бб.

99. Нәзерголов М. Киммәтле комыртка // Агидел, 1985. – № 11. –119-124 бб.
100. Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. – М. Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
101. Филоненко В. История Башкирии с древнейших времен до подданства России // Вестник Оренбургского учебного округа, отд. III, 1913. – № 6. – С.202-207.
102. РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.1879.
103. Ибрагимов С. «Шейбани-наме» Бинаи как источник по истории Казахстана XV в. // Труды сектора востоковедения АН Казахской ССР. –Т. 1, 1959. – С. 190-207.
104. Госманов М., Мөхәммәдъяров Ш., Степанов Р. Яңа ярлык // Казан утлары, 1905. – № 8. –146-151 бб.
105. Ахметзянов М.И. Из древней истории Арского района // Коммунизмга, 1975. – 12 июнь.
106. Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья – Вып.1. – Казань, 1971. – С.272-292.
107. Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI-XVII вв. // Научные труды. –Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI-XVIII вв. –Ч.1. Пути за Урал в XVI-XVIII вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С.72-136.

ВВЕДЕНИЕ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ СИБИРСКИХ ТАТАР *

Этногенез сибирских татар, еще Г. Миллером признанных «первейшим и главнейшим народом в Сибири»¹, по новейшим научным представлениям предстает как длительный процесс смешения разных этнических компонентов (угорские, самодийские, тюркские, монгольские группы)². Но несмотря на неплохую изученность этнической истории сибирско-татарской общности³, сколько-нибудь убедительной концепции ее становления до сих пор выработать не удалось⁴. В целом в этнической истории сибирских татар можно выделить этап формирования основных этнических компонентов (VI – нач. XIII вв.), период сложения средневековой сибирско-татарской общности (XIII – конец XVI вв.), этап распада этой общности (XVII-XVIII вв.) и период национальной консолидации (XIX – XX вв.).

Ранняя этническая история сибирских татар связывается с таинственным народом «сыпыр», выступающим их предшественником⁵ или первоначальным ядром⁶. Между тем, такой

---

* Опубликовано в сокращенном варианте: Введение в этнополитическую историю сибирских татар // «Сулеймановские чтения – 2004». Материалы VIII межрегиональной научно-практической конференции. – Тюмень, 2004. – с. 25-28.

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. – т.1. – М., 1999. – с.166.

² См.: Валиев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири. История и культура / Культура народов России. – т.2. – Новосибирск, 1999. – с.25-59; Сибирские реликвии. Из собрания Тобольского музея. – Тобольск, 2001. – с.129-168.

³ Основные публикации см.: Валиев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX в. Историко-этнографические очерки. – Казань, 1980; Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. – Томск, 1981; Валиев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. – Казань, 1992; Валиев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары...; Файзрахманов Г. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). – Казань, 2002.

⁴ О необходимости новых подходов к изучению этнополитической истории сибирских татар говорится в монографии «Татары» (М., 2001. – с.120-124, 132-135). См. также: Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье. Очерки. – Казань, 2001. – с.70-75.

⁵ Исхаков Д. Путешествие в Заболотье // Казанские ведомости, 23.12.1992; Его же. Себер татарлары янында // Татарстан хәбәрләре, 5.11.1992.

⁶ Валиев Ф.Т. Сибирские татары... – с.6.

народ действительно существовал: под названием «*шибер*» – «*шибир*» он упоминается в монгольских хрониках XIII в. и более позднего времени в числе «лесных народов», покоренных в 1207 г. Джучи⁷. Позже, в начале XIV в. этот этноним появляется в «Джами ат-таварих» Рашид-ад-дина как этникон – название одной из «северных областей» – «Ибир-Сибир»⁸. Ее знает и ал-Омари (ум. в 1348/49 гг.), отметивший «Сибирь-Ибирь» в составе областей, входящих в «царство Кипчакское», т.е. Золотую Орду⁹. Под названием «Ибир-Сибир» эту землю упоминает также ибн-Арабшах (род. в 1388 г.)¹⁰. Наконец, источник начала XV в. – «Аноним Искендера», относит «Ибир-Сибир» к правому крылу улуса Джучи¹¹.

⁷ Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. т.1. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. – М.Л., 1941. – с.175; Данзан Лубсан. Алтан Тобчи (Золотое сказание). Пер. с Н.П.Шастиной. – М., 1973. – с.184. Те народы, которые в “Сокровенном сказании” обозначены как “лесные”, в начале XIII в. жили в бассейне р.Иртыша (Козин С.А. Сокровенное сказание... – с.11).

⁸ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. В трех томах. – т.т.2,3. – М., 2002. – С.71. В другом месте этого сочинения данный термин звучит как «Ибир и Сибир» (см.: Сборник летописей... – т.1. – М., 2002. – с.73).

⁹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из сочинений арабских. – т.1. – СПб., 1884. – С.236. Она выступает то как «земля», то как «страна» (см.: «Страны Сибирския и Чулыманския», «земли Сибирские и Чулыманские». – Там же. – с.238). Ал-Омари сообщает, что территория этой «земли» начинается «за Чулыманом» и доходит до «пределов земель Хатайских» (Там же).

¹⁰ Там же. – с.460.

¹¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из персидских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. – т.2. – М. – Л., 1941. – с.127. Не исключено, что административно-политическим центром этой «области» являлся г. Чимги-Тура или г. Тюмень русских источников. Действительно, по «Анониму Искендера», место где умер (или был убит) около 1404-1405 гг., возможно, даже в 1406 г. хан Тохтамыш, это были «пределы Тулина», т.е. Тюмени. Во всяком случае, в Устюжской летописи под 1406 г. говорится: «Тое же зимы царь Женибек уби Тактамыша в Сибирской земли близ Тюмени» (См.: Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960. – с. 219; Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. – М., 2003. – с. 315; ПСРЛ. – т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI – XVIII вв. – Л.: Наука, 1982. – с. 82).

Существование в среднем диалекте татарского языка устойчивого фразеологизма «*ыбыр-чыбыр*» со значением «мелочь, детвора, незначительный, мелкий»¹² показывает реальное бытование в средневековье данного термина в тюрко-татарском мире. Можно полагать, что главным в этом двойном понятии является термин *сибир* (*чыбыр-сылыр*)¹³, восходящий к этнониму *ишбир* (*ишбер*). Последний, в свою очередь, может быть увязан с группой *савир-сабир-сувар*, хорошо известной среди гунно-болгарских племен¹⁴. О присутствии среди предков сибирских татар этого раннего компонента говорит и название сибирско-татарской волости *Супра* (Супринская волость)¹⁵.

Несмотря на то, что этническая принадлежность раннесредневековых савиров остается дискуссионной – их считают как тюрками, так и уграми¹⁶ – тесные связи этой группы с болгарами (они под названием *сувар* известны и в составе Волжской Булгарии¹⁷) свидетельствуют скорее о ее интегрированности в этнополитические общности ранних тюрков.

¹² Исәнбәт Н. Татар теленен фразеологик сузлеге. Ике томда. Т.2. Л. –Һ. – Казан, 1990. – 261 б.

¹³ Понятие *ибир* (*ибирь*) скорее всего является синонимом термина *сибир* (*сибирь*).

¹⁴ Golden P. An introduction to the history of the Turkic Peoples (ethnogenesis and state-formation in medieval and early modern Eurasia and the Middle East). – Wiesbaden 1992. – p.p. 104-106.

¹⁵ Томилов Н.А. Этническая история...-С.72-74. Показательно, что среди северо-восточных башкир, этнически тесно связанных с сибирскими татарами, известен эпоним *Субра* (Исхаков Д.М. О так называемых «остях» Среднего Приуралья и их этнических связях с населением Западной Сибири // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное население народов Западной Сибири» (12-16 декабря 1999 г., г.Тобольск) – Тобольск-Омск, 1999. –С.96-97). Группы, которые в качестве предка признают Субру, входили в прошлом в обширную общность *иштяк*, в этногенезе которых заметную роль сыграли угры (См.: Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV-XVII в.в.). –Казань, 1998. С.111-174). Не лишней будет и информация о существовании этнонима *супра* среди обских угров (Томилов Н.А. Этническая история... – С.73). Надо заметить, что среди соседних тюркских народов (казахов, узбеков) сибирские татары известны как *иштяки* (*иштәк*). (См.: Томилов Н.А. Этническая история... – С.21).

¹⁶ Golden P. An introduction...-p.104.

¹⁷ Фахрутдинов Р.Г. Очерки истории Волжской Булгарии. – М., 1984. С.14-19 и др.

Вообще, начиная с раннебулгарского времени существовала этническая близость населения Западной Сибири и Волго-Уральского региона. Она сложилась за счет передвижения тюрко-угорских групп из Западной Сибири в Поволжье и Приуралье с начала VI в. или несколько раньше. Отражением этих процессов можно считать применение до позднейшего периода некоторыми тюркскими народами к башкирам и сибирским татарам общего этнонима *иштэк-үштэк*¹⁸. Общность *иштяков*, в значительной мере родственная волжским булгарам, находилась в орбите влияния Волжской Булгарии: известный в XII в. торговый путь из Среднего Поволжья в «области Йуру»¹⁹ явно проходил через земли средневековых иштяков.

К XIV в. ставшая в составе Золотой Орды отдельной административно-территориальной единицей – «областью» *Ибир-Сибир*²⁰ земля шиби́ров была уже населена не только прежними жителями, но и новыми этническими группами. В первую очередь, конечно, речь идет о кимакско-кыпчакских группах²¹. В частности, об этом говорит содержание распространенной среди сибирских татар рукописи о религиозных войнах учеников шейха Багаутдина²². В рукописи говорится, что ко времени прихода в 1394

¹⁸ Об этой проблеме детальнее см.: Исаков Д.М. От средневековых татар... – С.111-174; Его же. Идел-Урал буе һәм Себер татарларынын этник тарихларындагы урталыклар (Болгар, Алтын Урда һәм Татар ханлыклары чорлары) // Мирас, 1998, №3. – 78-93 б.б. Его же. О так называемых «остяках»...

¹⁹ Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153). – М., 1971. – С.32-34.

²⁰ Попавший в «Сибирские летописи» из исторических преданий сибирских татар сюжет, рассказывающий о том, что на р.Иртыше был поставлен «град Сибирь», по которому «и вся страна прозвася Сибирь», также свидетельствует о трансформации этнонима в этникон (См.: ПСРЛ. – т.36. Сибирские летописи. ч.1. Группа Есиповской летописи. – М., 1987. – 32, 38, 47, 81, 108, 119, 129-130).

²¹ О проживавших в XI в. в бассейне Иртыша восточных группах кыпчаков, см.: Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII XIV в.в. – Алма-Ата, 1990.

²² Речь идет о рукописи Сагъди Ваккаса ибн Реджеба, Кашшафа ибн Абу-Саида «Шайхларнинг Гарбий Сибирдаги диний жасторталары», опубликованной Н.Ф. Катановым (См.: О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского музея. 1904 г. – Вып. XIV. – Тобольск, 1905. – С.3-28). Хотя события, излагаемые в рукописи, датируются широко – от XI до XV в.в., основная канва их приходится на XIV-XV вв.

г. в район реки Иртыш проповедников ислама, там жили четыре «народа»: *Хотан, Ногай, Кара-Кыпчак и Иштяк*²³. В последних можно было бы видеть и «остяков», т.е. хантов, но полный уверенности в этом нет²⁴. Что касается первых трех этнических образований, то они явно имеют отношение к кыпчакам²⁵. Похоже, что вследствие монгольских завоеваний кыпчакские формирования были полностью интегрированы в золотоордынские клановые образования – имеющиеся с первых десятилетий XV в. данные применительно к области *Ибир-Сибир* говорят именно об этом. Так, в «Тарихи Абу-л-Хайр-хани» при описании завоевания Шейбанидом Абулхайром в 1428/29 гг. г. Туры (Чимги-Туры), среди знати города упоминаются *буркуты*²⁶. Буркутов обычно причисляют к кыпчакским образованиям, но первоначально они имели скорее всего монгольское происхождение²⁷. Далее, в «Шейбани-наме» при описании событий 1429/30 г. рассказывается о назначении даругами в захваченный ханом Абулхайром «вилаят Чинги-Тура» знатных лиц из племени *кушчи, найман, уйгур, кунграт, дурман*²⁸. Группа *кушчи* отмечается и среди знатных лиц хана Абулхайра во время его сражения в 1430/31 гг. на берегу р. Тобола с ханом Махмудом-ходжой²⁹. Хорезмийский историк XVI в. Утемиш-ходжа в своем сочинении «Чингиз-наме» сообщает о хане Махмудек-ходже, чьи владения находились между Тоболом и Ишимом (ставка – на берегу р. Тобол³⁰), что он «воевал с

²³ Катанов Н.Ф. О религиозных... – С.20-22.

²⁴ О «народе» иштяк сказано, что он из-за того, что бежал в леса, «остался без веры». Но некоторые места из рукописи позволяют думать, что среди этого «народа» имелись также и мусульмане (Исхаков Д.М. Идел-Урал буе... – 82 б.).

²⁵ Сибирские реликвии... – С.129. По данным Н.Ф.Катанова, под «Хотанами» в рукописи подразумеваются собственно сибирские татары – так их называют соседи-ханты. Замечу, что этот этноним может быть образован от этнонима «кидань», т.е. говорит о включении в состав предков сибирских татар монгольских этнических образований.

²⁶ Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII в.в. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата, 1969. – С.42.

²⁷ Об их связи с кунгратами. см.: Bregel J. Tribal tradition and dinastic history // Asian and African Studies. J. Israel Orient. Soc. 1982, Vol.16 – pp.357-398.

²⁸ Материалы по истории... – С.91. Разбор этого места источника, см.: Татары. – С.121.

²⁹ Материалы по истории... – С.148.

³⁰ Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – М., 1965. – С.161.

представителями эля Тура против тюменей кунграт и салжигут»³¹. Таким образом, к уже установленному перечню племен добавляются еще *салжигуты*. Известно, что большинство названных групп находились раньше в составе монголов³², хотя их этнические истоки в ряде случаев надо искать в тюркском мире³³. То же самое можно сказать о племени *табын*, чье присутствие в бассейнах Тобола и Иртыша во второй половине XV в. установлено на основе ряда родословных³⁴.

В XIV-XV вв. район Ибир-Сибир входил в состав владений Ак Орды, на части территории которой, являвшейся улусом Шейбана, по мере распада Улуса Джучи в 20-х годах XV в. правили несколько ханов³⁵. В связи с активной политической деятельностью одного из Шейбанидов – хана Абулхайра, в 1428/29 гг. упоминается г. Тура(Тара), являвшийся центром вилайята Чимги (Чинги) – Тура³⁶, и известный позже как столица Тюменского ханства. С начала XV в. тут выпускали даже монеты³⁷. Когда упомянутый хан Абул-Хайр в 1446 г. стал верховным ханом Шейбанидов в государстве Шейбанидов (Государстве кочевых узбеков), через два года после его ухода с основной частью войск на юг, в г. Чимги-Тура стал править его родственник – хан Махмуд, ставший фактически первым правителем Тюменского ханства. С середины XV в. это ханство наследовал его младший брат – Саид-Ибрагим (Ивак) хан (убит около середины 90-х гг. XV в.). Однако, вилайят Чимги-Тура почти до конца XV в. или даже до 1505-1506 гг. находился в зависимости от могущественного государства Шейбанидов.

В начальный период правления хана Абулхайра (годы правления – 1428/29 –1468/69 гг.) Булгарский вилайят также подчинялся государству Шейбанидов: согласно «Тарих-и гузидэ,

³¹ Вәлиди Т.Ә.-З. Башкорттарзың тарихы. Трек һәм татар тарихы. – Өфө, 1994. – 25 б.

³² См.: Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – Т.1. кн. 1-2. – М. –Л., 1952.

³³ Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаиоров, найманов и киреитов. – Алматы, 1993.

³⁴ Исхаков Д.М. Идел-Урал буе.. – 88-99 б.б.

³⁵ Ахмедов Б.А. Государство... – С.32-44. М.Г.Сафаргалиев полагал, что под Турой (Тарой) подразумевается центр «вилайята Чимги-Тура» город Чинги-Тура (Тюмень) (См.: Сафаргалиев М.Г. Распад... – С.107).

³⁶ Нестеров А.Г. Дорусские государственные образования Урала и Западной Сибири (к постановке вопроса) // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Сб. научн. трудов. – Екатеринбург, 1993. – С.236.

³⁷ Там же.

Нусрат-наме» (ок. 1505 г.), «жители Жанги-Туры (т.е. Чимги-Туры – Д.И.) и Булгара платили ханской (Абулхайра – Д.М.) казне ясак»³⁸. О подконтрольности «правобережной Волги от Булгара до Дербента» хану Абулхайру сообщается и в других источниках³⁹. Существование этнополитических контактов между Булгарским вилайятом и тюркским населением Западной Сибири в XIV – первой половине XV вв. находит подкрепление и в одной из поволжско-татарских «летописей», в которой есть следующее сообщение: «...пришел Мир-Тимур (эмир Тимур – Д.И.) и взял Болгар, разорил (его)», тогда один из сыновей правителя Булгарского вилайята хана Абдуллы (Габдуллы) по имени Алтун бек перешел в «город Казань», где «держал юрт», а другой сын хана – Алим бек, вначале тоже находившийся в этом городе, «не возлюбив Казань, пришел в Тобол-Туру..., держал (там) юрт. Старая Тобол-Тура построена им»⁴⁰. Упомянутый в «летописи» хан Абдулла идентифицируется мною с сыном хана Узбека Абдаллахом⁴¹. Хотя рукописный сюжет об основании города «Тобол-Туры» или «Старой Тобол-Туры», под которым может подразумеваться г. Чимги-Тура, не может быть напрямую связан с отмечанными выше данными источников о подчинении «Булгара с окрестностями» Шейбанидам, он является еще одним подкреплением существования во второй половине XIV – первых десятилетиях XV вв. каких-то пока не вполне ясных

³⁸ Ахмедов Б.А. Государство... – С.19-20, 94.

³⁹ Там же. – С.71. Похожая информация содержится в работе А.–З. Валиди-Тогана со ссылкой на сочинение Утемиша-хаджи «Чингиз-наме». Он пишет: «Шейбанид Хаджи-Мухаммед хан ибн Гали (правил в Сибири в 1420-1430 г.г. – Д.И.) был великим падишахом во всех вилайятах, (завоевав) башкир, алатыр, мукши и город Болгар (с окрестностями), а также известных под именем мангытских поселений город Туру» (Валиди Туган Ә.-З. Башкорттарзың... – 25-26, 24 б.б.)

⁴⁰ Рахим А. Новые списки татарских летописей // Архив ИЯЛИ АН РТ, ф.18, оп.1, ед.хр.6. – л.7. Это сообщение взято из рукописи «Тарджиман Ферхег-наме», введенной в научный оборот еще в первой половине XIX в. (Фахрутдинов Р.А. Очерки... – С.154).

⁴¹ Сафаргалиев М.Г. Распад... – С.125-131; Әхмәтжанов М. Казан ханнары тарихыннан // Идел, 1994, №11. – 60-64 б.б.; Исхаков Д.Ключевой этап татарской истории // Татарстан, 1997, №3. – с.16; Әхмәтжанов М. Тулэк һәм Сусылу хакында дастан // Әдәби мирас. 4 китап. – Казан, 1997. – 336.; Госманов М. Каурый каләм эзеннән. Археограф язмалары. – Казан, 1994. – 261-262 б.б.

взаимоотношений между Булгарским вилайетом и вилайетом Чимги-Тура, в целом с государством Шейбанидов.

Совсем не случайно в «Сибирских летописях» хан Упак (Ивак) выступает как «Казанский хан», с которым в момент его убийства было «много Казанских татар»⁴². Такая оценка хана Ибрагима прежде всего связана с его активной политической деятельностью в Поволжье начиная с 1471 г.⁴³ Но пик его участия в событиях политического характера в этом регионе пришелся на 1480-е – начало 1490-х годов. Так, под 1481 г. сообщается о приходе «царя Ивака Шибанского ... в Нагай, а с ним силы 1000 казаков» и о походе с 50 тысячами ногайцев во главе с «шурьями» хана ногайскими мурзами Мусой и Ямгурчеем на Большую Орду, в результате которой ее правитель – хан Ахмат, был убит и Ибрагим хан с ногайцами ушел обратно, а «ордобазар с собою поведе в Тюмень»⁴⁴. В 1489 г. хан Ибрагим пытался непосредственно вмешаться в дела Казанского ханства после того, как при участии русских войск там был интронизирован хан Мухаммед-Амин⁴⁵. Группа бежавшей тогда казанской знати вначале оказалась в Ногайской Орде, затем частично поехала (после 1489 г.) «с Ибрагимом царем к Тюмени» и в 1491 г. жила «у Ибрагима царя в Тюмени»⁴⁶. В этот же период известны и торговые связи Казанского ханства с Тюменским ханством: под 1475 г. в Патриаршей

⁴² ПСРЛ. – Т.36. Ч. 1 – С.33, 38, 47,128,236,303-304,357; Сибирские летописи. – СПб., 1907. – С.318; Миллер Г.Ф. История... – Т.1. – С.190.

⁴³ После того, как он в 1470 г. стал во главе государства Шейбанидов, на следующий год в связи с борьбой за наследие хана Абулхайра, появился в Поволжье (Нестеров А. Монеты сибирских Шейбанидов // Диалог культур Евразии. – Вып.2. проблемы истории и археологии. – Казань, 2001. – С.276; Шейбанида. История монголо-тюрков на джагайтайском диалекте, с переводом, прим. и прил., изданная И.Березиным. – Казань, 1849. – С.LXI).

⁴⁴ ПСРЛ. – т.37. – С.95. Тесная связь правителей Тюменского ханства с ногайцами (мангытами) прослеживается с первой половины XV в. (См.: Сафаргалиев М.Г. Распад... – С.202, 207). Далеко не случайно в некоторых русских летописях при описании событий 1481 г. хан Ибрагим (Ивак) называется «царем Нагайским» (ПСРЛ. – Т.11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. – М., 1965. – С.203).

⁴⁵ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549г.г. – Махачкала, 1995. – С.18-19, 21.

⁴⁶ Сборник РИО. –Т.41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турциею. – Т.1. – С.1474 по 1505 г.г. Эпоха свержения монгольского ига в России. – СПб., 1884. – С.94.

(Никоновской) летописи говорится: «Татарове Казаньстии побили Устюжан в Каме 40 человек, едучи къ Тюмени торгом»⁴⁷. Еще одно похожее сообщение приводится под 1481 г.⁴⁸ Новый виток участия Шейбанида хана Ибрагима в политической борьбе за обладание «Саинским стулом», т.е. за контроль над центральными районами бывшей Золотой Орды, приходится на 1492 г. Из посланий московских людей видно, что «ногаи кочнуют под Тюмень против Ивака. А Ивак ... идет к ним по их речем»⁴⁹. В итоге хан Ибрагим в 1493 г. оказался в Поволжье и «Саинский стул взял». Как он сам указывал, «на отцов юрт, к Волге пришед, стою»⁵⁰.

Отсюда понятно, что в «Сибирских летописях» причудливым образом смешались реальные события (нахождение Шейбанида хана Ибрагима в Поволжье, его повышенный интерес к Казанскому ханству, кратковременное пребывание его брата хана Мамука на казанском троне, о чем см. ниже) и характерные для такого рода событий легендарные сведения. Но относительно возможности нахождения «в Тюмени» достаточно большого числа казанских татар в последней четверти XV в. этот источник, по видимому, прав. Показательно, что ставший после смерти хана Ибрагима ханом его брат Мамук, в мае 1496 г. наступавший на Казань, имел какие-то связи с правящими кланами в Казанском ханстве, так как летописи указывают, что «Казанские князи... измену чинять»⁵¹. Это не удивительно, имея в виду предшествующую активность Шейбанидов в Поволжье. Далее, в летописном известии рассказывается о том, что после посылки на помощь казанскому хану Мухаммед-Амину московских войск, эти «Казанские князья... выбегоша ис Казани къ царю Мамуку». Последний, «слышав силу многу великого князя къ Казани и възратися во свояси»⁵². Понятно, что при этом с ханом Мамуком ушли и знатные казанские татары, причем они, скорее всего, как видно из дальнейшего, оказались в Ногайской Орде. В Патриаршей летописи сказано: «...Не по мнозе же времени сведавъ царь Мамукъ Шибанский, что воевода великого князя пошелъ ис Казани со всею силою назадъ во свояси,

⁴⁷ ПСРЛ. – Т.11-12. – С.158.

⁴⁸ ПСРЛ. – Т.37. – С.95; Документы по истории Коми. Вычегодско-Вымская (Михайло-Евтихеевская) летопись // Историко-филологический сборник. – Вып.4. – Сыктывкар, 1958. – С.263.

⁴⁹ Посольские книги... – С. 44; Сборник РИО. – Т.41. – С. 168.

⁵⁰ Посольские книги... – С.46.

⁵¹ ПСРЛ. – Т.11-12. – С.242-243.

⁵² Там же.

понеже къ Казани измена бысть.. и вести къ Мамуку ис Казани присылаху; Мамукъ же царь вборзе прииде ратию подь Казань со многуо силою Нагайскою и со князи Казанскими ... приступи ко граду ... и взя Казань»⁵³. Но хан Мамук на казанском престоле закрепиться не смог и из-за противоречий с «Казанскими князьями» он «вскоре поиде отъ Казани въ свояси и на пути умре»⁵⁴. При уходе хана Мамука или несколько позже, к Шейбанидам ушли и некоторые знатные казанские татары.⁵⁵

Одновременно с этими событиями наблюдалось и продвижение значительной группы тюркского населения из Западной Сибири в Приуралье – в восточные районы Казанского ханства: по сохранившимся в родословных «башкирского» племени *табын* сведениям их предки «были вынуждены со своими близкими переселиться с берегов Иртыша (Ишима и Тобола)», к «Чулману». После детального изучения всех доступных материалов относительно этого переселения, его удалось датировать последней четвертью XV в., т.е. временем наибольшей вовлеченности Шейбанидов в политическую борьбу в Поволжье.⁵⁶

Обычная схема развития этнополитического образования сибирских татар после убийства около 1493 г. Шейбанида Ибрагима (Ивака) хана его родственником – князем Мухаммедом Тайбугидом⁵⁷, такова: с этого времени и до 1563 г. существовало независимое от Шейбанидов Сибирское ханство со столицей в г. Искере (Сибири, Кашлыке)⁵⁸. Эта схема основана на «Сибирских летописях», которые сообщают: «...Адеров сын Мааметь казанского царя Упака уби и град свой Чингиден (т.е. Чимги-Тура – Д.И.) разруши, и отиде оттуду внутрь Сибирские земли, а постави себе град на реке Иртише, и назва его град Сибирь»⁵⁹. Однако, есть основания сомневаться в обретении Тайбугидами независимости от Шейбанидов сразу после событий 1493 г. Прежде всего, в

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Подробнее см.: Исхаков Д. Идел-Урал буе...

⁵⁷ Хотя иногда пишут, что хан Ибрагим был убит в 1495 г. (См.: Нестеров А.Г. Дорусские.. – С.235; Его же. Монеты... – С.270), на самом деле точная дата его смерти неизвестна. Его имя из источников исчезает после 1493 г. Согласно «Сибирским летописям», дед Тайбугида князя Мухаммеда был женат на сестре хана Ибрагима (Упака).

⁵⁸ См.: Нестеров А.Г. Дорусские...

⁵⁹ ПСРЛ. – Т.37. Ч.1. – С. 32, 38, 47, 128, 236, 303-304, 357; Сибирские летописи. – С.318.

источниках после этой даты упоминается брат погибшего хана Ибрагима Мамук, названный в 1496 г. «Шибанским царем»⁶⁰. Затем, когда в том же году он умер, в районе Казанского ханства в 1499 г. появляется другой брат Мамука – Агалак «царевич»⁶¹. Правда, в этих случаях можно заподозрить нахождение Шейбанидов в Поволжье – в Ногайской Орде. Но еще одно свидетельство, относящееся к 1505 г. или 1506 г., не оставляет сомнения в том, что Шейбаниды находились в Тюменском ханстве. Под этой датой в Устюжских летописях содержится следующее сообщение: «...на Великую Пермь ... рать пришла без вести ис Тюмени, Кулук салтан Ивака царева сын с братьею и з детьми»⁶². Аналогичное сообщение, датированное годом позже, имеется и в Вычегодско-Вымской летописи⁶³. Получается, что к этому времени «Тюмень», т.е. Чимги-Тура, еще существовала и там явно продолжали править Шейбаниды. Похоже, что относительную независимость Сибирское княжество (именно княжество, а не ханство) Тайбугидов приобрело лишь после 1505-1506 гг., скорее всего это произошло вслед за второй волной ухода Шейбанидов в Среднюю Азию в 1511 г.⁶⁴

О Тайбугидах, имевших титул «Сибирских князей»⁶⁵ и правивших Сибирским княжеством самостоятельно до 1563 г., все еще идет дискуссия. По мнению одних исследователей, род Тайбугидов был местного происхождения⁶⁶. Но проблема в том, как это понимать. Пока что в литературе кроме этой сформулированы еще две гипотезы – о принадлежности Тайбугидов к клану *мангыт*

⁶⁰ ПСРЛ. – Т.11-12. – С.242-243.

⁶¹ Там же. – С.250.

⁶² ПСРЛ. – Т.37. – С.99.

⁶³ Там сказано: «...пришедши из Тюмени на Великую Пермь ратью сибирский царь Кулук Салтан и без вести приступиша. Чердыню не взял, а землю нижнюю воевал всю... догнашу их в Сылве, заднюю побили...» (Документы по истории Коми... – С.264).

⁶⁴ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб., 2000. – С.210-211. Масса ушедших тогда из государства Шейбанидов (Узбекского улуса), по подсчетам Т.И.Султанова, достигала 360 тыс. чел.

⁶⁵ Собрание государственных грамот и договоров, хранившихся в Государственной коллегии иностранных дел. – ч.2. – М., 1819. – С.63.

⁶⁶ Сибирские реликвии... – С.130.

(ногайцам)⁶⁷ и к клану *салжигут*⁶⁸, т.е. об их золотоордынском происхождении.

Не вполне ясна и последовательность правления «сибирских князей». В грамоте Федора Ивановича (1597 г.) говорится о том, что после «царя» Ибака (т.е. хана Ибрагима) на «Сибирском государстве» были следующие князья «Тайбугина роду»: Магметъ князь, затем – Едигерь князь⁶⁹. В документах наиболее раннее упоминание имени последнего относится к 1555 г.⁷⁰ Именно он в этом году обратился к Ивану IV с предложением о вассалитете...: «...сибирской князь Едигерь бил челом... чтобы царь и великий князь пожаловал, Сибирскую землю держал за собою и дань с них имел, а их бы с Сибирские земли не сводил»⁷¹. С одной стороны, такой шаг правителя Сибирского ханства был связан с приближением границ Русского государства после ряда побед в Поволжье вплотную к границам владений Тайбугидов. Но была и другая причина их обращения в Москву – в этот период усилилась угроза вторжения Шейбанидов в их владения: в ноябре 1557 г., например, посол князя Едигера принес послание, в котором говорилось, что их «воевал Шибанский царевич»⁷². Многие авторы полагают, что этим царевичем был султан Кучум, внук тюменского

---

⁶⁷ Frank A. The Siberian chronicles and the Taybughid biys of Sibir/Papers on Inner Asia. №27. – Bloomington. Indiana. 1994.

⁶⁸ Исхаков Д.М. К вопросу о клановой принадлежности Тайбугидов (по русским и тюркским источникам) // Русские старожилы. Материалы III – го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11-13 декабря 2000 г., г. Тобольск). – Тобольск-Омск, – 2000. – С.51-53.

⁶⁹ Сборник РИО. – Т.59. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. – СПб., 1887. – С.479-480. Однако, в «Сибирских летописях» после князя Мухаммеда говорится о княжении его племянника Агиша, а уже затем – сына Мухаммета Казыма (Касыма). (ПСРЛ. –37, ч.1. – с.48, 130, 236, 304, 358). В Ремезовской летописи последовательность их правления иная: Маамет царь, Агиш царь, Мамет, затем сын последнего Сенбахта, после него царь Саускан, отношение которого к предшествующим правителям неясно (Сибирские летописи... – с.318).

⁷⁰ Сборник РИО. – т.59. – С.479-480.

⁷¹ Там же.

⁷² ПСРЛ. – т.13. Патриаршая или Никоновская летопись. – М., 1965; ПСРЛ. – т.29. Летопись начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 1965. – с.251.

Шейбанида хана Мамука (отцом его был Муртаза, названный Г.Ф. Миллером «ханом Большой Бухары»⁷³). Он же, по общепринятому мнению, в 1563 г. воцарился на сибирском престоле после убийства князя Едигера и его соправителя князя Бекбулата⁷⁴.

Но некоторые авторы довольно аргументированно доказывают, что первоначально в Сибирском княжестве на ханский престол в 1563 г. сел Муртаза хан, вскоре однако умерший⁷⁵, а Кучум стал правителем Сибирского юрта после него. Вообще, с новым воцарением Шейбанидов в г. Искере (г. Сибири) есть некоторые неясности. Так, Г.Ф. Миллер, на основе преданий сибирских татар, дает две версии случившегося. Согласно одной из них, после смерти Едигера и Бекбулата в Сибирском княжестве стал править сын последнего Сейдяк, которого затем Кучум принудил бежать в Бухару. По другой версии дело было так: после князя Едигера осталась его беременная жена, но не поладившие между собой относительно правления знатные татары «отправили посольство к хану Большой Бухары Муртазе, прося прислать им в князя одного из своих сыновей». Последний прислал Кучума и тот был признан ханом⁷⁶. О том, что на ханство было приглашение из Сибирского юрта, есть информация и в некоторых русских летописях. В частности в Патриаршей (Никоновской) летописи говорится, что после прихода в Москву посла князя Едигера Чигибена (1563 г.) «Сибирские люди ... изменили ... взяли к себе на Сибирь

---

⁷³ Такое мнение Г.Ф. Миллер высказывал основываясь на устных преданиях сибирских татар (Миллер Г.Ф. История Сибири. – т.1. – с.192). Я бы не спешил отбросить эти сведения, так как в 1550-х годах в Бухаре происходили династические распри за владение городом и вилайятом, которые изучены недостаточно (См: История Бухары с древнейших времен до наших дней. – Ташкент, 1976. – с.111). Более того, именно после прихода к власти в Бухаре Шейбанида Абдуллы хана в 1557 г., в Сибирском юрте появились потомки тюменских Шейбанидов.

⁷⁴ Файзрахманов Г. История сибирских татар... – с.143.

⁷⁵ Копылов Д.И. Ермак. – Иркутск, 1989. – с.72; Абдиров М. Хан Кучум. Известный и неизвестный. – М., 1996. – с.40. Заслуживает внимания следующее место из «Описи» архива Посольского приказа: «Столпик сибирской 7072 году (1563-1564), привозу к Москве сибирсково Муртазы царя татарина Ташкина». Тут обращает на себя внимание титул «царя» (хана) и определение «сибирского», примененные по отношению к Муртазе.

⁷⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. –т.1. – С.192.

царевича»⁷⁷. Практически одновременно с Кучумом в Сибирском юрте оказался и средний сын Муртазы Ахмет-Гирей султан⁷⁸. Согласно Г.М. Миллеру, он был послан ханом Муртазой с «войском» на помощь Кучуму и с ним прибыли «ахун, несколько мулл и абызов, чтобы провести дело обращения... с большой настойчивостью и успехом»⁷⁹. Насчет Ахмет-Гирея есть даже информация, не слишком впрочем надежная, что он некоторое время был ханом в Сибирском ханстве⁸⁰. Но важно другое: приход с Шейбанидами в Сибирский юрт выходцев из Средней Азии подтверждается и историческими преданиями сибирских татар. В одном из таких преданий говорится о нахождении вместе с ханом Кучумом «сартов»⁸¹. Кроме того, заслуживает внимания и рассказ, содержащийся в «Ремезовской летописи», где говорится о том, что «во второе лето» своего правления хан Кучум побывал «в Казани и дочь Казанского царя Мурата» взял «в жены» и тогда «на Сибирку» вместе с ней приехали «многие Чюваши и абызь и русские люди»⁸². В свое время Г.Ф. Миллер уже отмечал, что это известие является сомнительным, так как в это время независимого Казанского ханства не существовало. Тем не менее он сделал допущение, что «Мурат был татарским мурзой, принадлежал прежде к Казанскому царству и после завоевания его... предъявлял еще на это царство свои притязания»⁸³. Как бы то ни было, это сообщение вряд ли возникло на пустом месте – оно может отражать более ранние события, связанные с этнополитическими контактами двух татарских ханств, о которых уже говорилось. Но есть некоторые основания полагать, что за этой информацией могут скрываться и действительно имевшие место события⁸⁴.

Закрепление хана Кучума на престоле Сибирского ханства не означало решения всех проблем, связанных с сохранением политической независимости этого государства. С одной стороны,

---

⁷⁷ ПСРЛ. – т.13. – с.313. Почему-то в летописи имя этого царевича дается как «Едигер царевич Казанской». Возможно, тут имя князя Едигира слито со словом «царевич» (казанский).

⁷⁸ ПДРВ. – ч.Х. – СПб., 1791. – С.322.

⁷⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири. – т.1. – с.194.

⁸⁰ Это могло бы быть в 1574-1578 гг. (См.: Исхаков Д.М. Сеиды в позднесолотоордынских татарских государствах. – Казань, 1997. – с.57).

⁸¹ Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке. – Тобольск, 1896. – с.10.

⁸² Сибирские летописи. – с.319-320.

⁸³ Миллер Г.Ф. История Сибири. – т.1. – с.193,195.

⁸⁴ Детальнее см.: Исхаков Д. Идел-Урал бус... – 88 б.

достаточно явственно обнаруживаются признаки подчиненного положения хана Кучума по отношению к Бухарскому ханству⁸⁵. С другой, Сибирскому ханству постоянно угрожало усиливающееся Казахское ханство⁸⁶. Не удивительно поэтому, что хан Кучум в конце 1560-х попытался улучшить свои отношения с Московским государством и после обмена посланиями в 1569-1570 годах, дело в 1571 г. дошло до предложения о восстановлении тех отношений вассалитета, которые существовали при князе Едигере⁸⁷. В послании Ивана IV за октябрь 1571 г. хану Кучуму, названному «Сибирским начальником», для людей его «улуса», было обещано «великое защищение» и «бесстрашное пребывание»⁸⁸. В записи, подготовленной в Москве и подписанной от имени послов хана Кучума, речь шла об «учинении Сибирской земли в жалованье» (Ивана IV – Д.И.) и о том, чтобы положить «дань на Сибирскую землю на год по тысяче соболей, да посланниковы пошлыны... по тысяче белок»⁸⁹. Однако, хан Кучум это послание не подписал,⁹⁰ оставшись фактически в вассальных отношениях с Бухарским ханством, что отчетливо видно из исторических преданий сибирских татар, описывающих роль Бухары в инвеституре в Сибирском ханстве в 1570-х годах высшего духовного лица – сеида⁹¹. Отношения же с Московским государством в 1570-х – начале 1580-х годов оставались напряженными⁹². Не случайно вплоть до 1580-х годов Сибирское ханство в дипломатических документах Московского государства не упоминается⁹³. Но после успешного похода Ермака против Сибирского ханства в 1582-1585 гг. и убийства в 1588 г. захватившего на короткое время власть в г.

⁸⁵ Исхаков Д.М. Сеиды... – с.53-64.

⁸⁶ Абдиров М. Хан Кучум... – с.57-58.

⁸⁷ См.: Собрание государственных грамот... – ч.2. – с.52-53.

⁸⁸ Там же. – с.64.

⁸⁹ Там же. – с.64-65.

⁹⁰ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск, 1986. – с.94-95; Абдиров М. Хан Кучум... – С.62.

⁹¹ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция... – С.695-97.

⁹² Детальнее см.: Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 54-59; Ислам и мусульманская культура... – с.71-74.

⁹³ Преображенский А. Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященный 75-летию профессора С.Н.Валека. – М. –Л., 1964. – с.385.

Искер Тайбугида князя Сейдяка⁹⁴, судьба Сибирского ханства, несмотря на длительное сопротивление хана Кучума и его детей, внуков⁹⁵, была предрешена – татарский «юрт» в Западной Сибири был присоединен к Русскому государству.

Этнополитическое объединение сибирских татар – Сибирское княжество, затем ханство, надо рассматривать в одном ряду с другими позднесолотоордынскими татарскими государствами XV–XVI вв. Как и в остальных ханствах, в Сибирском юрте обнаруживается существование отдельных княжеств. Достаточно уверенно можно говорить о «Карачине улусе», бывшем владением клана джалаиридов и «Тайбугине юрте», принадлежавшем клану салджигутов⁹⁶. Скорее всего, таких владений было четыре: не случайно в одном из преданий, записанных Н.Ф. Катановым у тобольских татар, рассказывается о делении войск хана Кучума на четыре «отряда», первый из которых имел название Кордак, второй – Туралы, третий – Аялы, четвертый – Бараба. Пятую группу образовывали люди, которые пришли с ханом Кучумом и заняли столичный округ. Их в предании именуют Сартами⁹⁷. Как видим, речь идет о четырехчастном делении, в центре имеющем пятое образование. Такое деление напоминает систему «юртов» – княжеств во главе с карача-беями, хорошо известную в других татарских ханствах – наследниках Золотой Орды.

Из многих источников известно о разделении сибирских татар на «служилых» и «ясачных». Обнаруживаемые в Сибирском ханстве клановые образования скорее надо рассматривать как собственно «татарский» слой сибирско-татарской этнополитической общности. Очевидно, его составляли: хан, султаны, беки, в том числе и карача-беки, мурзы и довольно разветвленная группа мусульманского духовенства, а также рядовые воины-казаки. Не исключено, что татарская группа в XVI в. вела еще кочевой или полукочевой образ жизни. Этот слой не был слишком многочисленным. Например, у правителя Тюменского ханства Ибрагима собственных войск из «казаков» насчитывалось лишь около 1 тыс. человек. В то же время общая

⁹⁴ Согласно «Сибирским летописям», князь Сейдяк, сын князя Бекбулата, прибыл «с воинством многим... из Бухарские земли» (ПСРЛ. – т.36, ч.1. – с.34, 40, 59, 85, 96 и др.).

⁹⁵ Подробнее о борьбе хана Кучума и его родственников, см.: Файзрахманов Г. История сибирских татар... – с.206–211.

⁹⁶ Татары... – с.120–122.

⁹⁷ Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар... – с.9–10.

численность сибирских татар, по подсчетам Н.А. Томилова, достигала 10 тыс. человек⁹⁸. Таким образом, соотношение феодальной верхушки и «черного» населения Сибирского ханства было в пользу последней группы⁹⁹. Именно в ясачных татарах можно видеть потомков более раннего населения («иштяки» или «сыпыры»).

Для XVI в. уже характерны устойчивые названия этнополитической общности сибирских татар. Это «страна Сибирская», «Сибирская земля» (Сибирские земли) или «вся земля Сибирская», «Сибирское царство», «царство бесермянское в Сибири». На татарском языке это государственное объединение называлось «Искер юрты». ¹⁰⁰ Так как г. Искер есть тот же город, что и «Сибирь», получается, что «земля» или «царство» были названы по столице. Доминировавшее в этом государстве этническое образование называется в источниках «татарами» (*татаровя*). Иногда, учитывая исповедование ими ислама, оно определяется как «басурмане», «поганые», «окаянные бусорманы», «нечестивые татары». Редкой формой является выражение «сибирские люди», обозначающие также татар. Это – политоним. Единообразность этнонима и подчеркивание исповедования всеми сибирскими татарами ислама, явно свидетельствует о достаточной консолидированности сибирско-татарского этноса в XVI в. Поэтому, клановые деления, существовавшие у части сибирских татар, надо рассматривать скорее как территориальные кланы или даже феодальные «дома» (со включением в их состав и рядовых сородичей). Возможно, что окончательной консолидации сибирско-татарского этноса в XVI в. помешал кочевой или полукочевой образ жизни части татар. Недаром в некоторых русских летописях население Сибирского ханства делится на тех, кто жил по «волостям» (оседлая часть) и на тех, кто был сосредоточен по «улусам» (кочевая или полукочевая часть).

После присоединения к Русскому государству сибирские татары пережили длительный период деконсолидации, так как объединяющий их фактор в лице центрального государственного аппарата перестал существовать. Но начиная с XVIII-XIX вв. у сибирских татар происходило этническое сближение с татарми Волго-Уральского региона. В итоге активных этнических и этнокультурных процессов второй половины XIX-XX вв.,

⁹⁸ Анализ см.: Татары... – с.123.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. – с.124.

сибирские татары пережили этап национальной консолидации в составе татарской национальной общности¹⁰¹. В последние десятилетия в результате национальной политики периода СССР, в татарской нации появились признаки деконсолидации и среди части сибирско-татарской интеллигенции стало наблюдаться стремление объявить сибирских татар самостоятельным этносом¹⁰². Вокруг этой проблемы в татарской общественности прошла дискуссия. Итоги ее подведены результатами переписи 2002 года, которые показали, что собственно «сибирских татар» оказалось менее 10 тыс. чел.

---

¹⁰¹ Об этих процессах, см.: Татары... – с.155; Исхаков Д.М. Историческая демография татарского народа (XVIII – начало XX в.в.). – Казань, 1993. – с.26-32; Его же. Татары. Краткая этническая история. – Казань, 2002. – с.19-20, 22-24.

¹⁰² Исхаков Д.М. Роль интеллигенции в формировании и современном функционировании национального самосознания татар // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. – Вып. II. – Казань, 1994. – с.18-19.

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ОСТЯКАХ» СРЕДНЕГО ПРИУРАЛЬЯ И ИХ ЭТНИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ С НАСЕЛЕНИЕМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ *

Этническая группа, известная по русскоязычным документам XVI-XVII вв. как «остяки» в пределах Чердынского уезда по бассейнам рек Тулва, Сылва и Ирень, отмечается с 1570-х гг. Примерно с 1630-х гг. в сылвенско-иренском междуречье на смену этнониму «остяки» приходит этноним «татары», а «тулвенские остяки» с начала XVII в. начинают именоваться «башкирами», но параллельно применительно к ним используется и этноним «татары». Позже за «остяками» бассейна р. Тулвы в основном закрепилось наименование «башкиры».

Об этнических истоках рассматриваемых «остяков» были выдвинуты три гипотезы: об их *угорском* (А.А. Дмитриев, А.Ф. Теплоухов, С.В. Бахрушин, А.А. Преображенский, Б.О. Долгих, Б.Н. Вишневский, О.Н. Бадер и В.А. Оборин), *восточно-тюркском* (Д.Б. Рамазанова) и смешанном – *тюрко-угорском* (А.Х. Халиков, Р.Г. Кузеев, Д.М. Исхаков) происхождении [см.: Исхаков 1983: 6-19; 1998: 114-140]. Но при оценке этнической ситуации в XVI-XVII вв. мнения исследователей разделились несколько иначе. А.А. Дмитриев и А.Б. Теплоухов склонились к тому, чтобы признать это население «отатаренным» (или «обашкиренным») уже в XVI – начале XVII вв. С.В. Бахрушин, придерживавшийся мнения о том, что под «остяками» Среднего Приуралья рубежа XVI-XVII вв. имелись в виду манси, все же полагал, что этот вопрос однозначному решению не поддается, поэтому он оставил открытой возможность считать данную группу тюрками (татарами и башкирами). В 1950-60-х гг. в литературе появилось стремление рассматривать «остяков» Пермского края как угров, в основном – манси (А.Л. Преображенский, Б.О. Долгих, Б.Н. Вишневский). Однако даже при таком подходе ученые предпочитали неоднозначные трактовки, подчеркивая, что в источниках XVI-XVII вв. под «остяками» могли скрываться и башкиры или «отатарившиеся» угры. При этом речь шла именно об ассимиляции угров (не всегда хантов или манси) башкирами или поволжскими

* Опубликовано: О так называемых «остяках» Среднего Приуралья и их этнических связях с населением Западной Сибири // Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12-16 декабря 1999 г., Тобольск) – Тобольск-Омск, 1999. – с. 96-97.

татарами. Р.Г. Кузеев, например, подчеркивая ассимиляцию башкирами мансийского населения, признавал, что этот процесс на рубеже XVI-XVII вв. еще не был завершен. Одновременно он указывал, что в Среднем Приуралье башкирское население подверглось «татаризации», иногда достаточно ранней (в XVII в.) [Кузеев 1974:218-337]. Недавно Н.А. Томилов высказал мнение, что среди населения сылвенско-иренского междуречья в XV – начале XVII вв. кроме угров (манси) были и тюрки – сибирские татары, продвинувшиеся в Среднее Приуралье еще в период Сибирского ханства. Он, однако, не слишком уверен в этнической принадлежности «остяков» и «татар» данного края, что видно из его общего замечания относительно того, что район Сылвы и Ирени был в прошлом контактной зоной татар Поволжья, башкир и сибирских татар [Томилов 1981: 30-33; 1992:34-35].

В наших работах была достаточно детально разработана гипотеза о тюрко-угорских этнических истоках «остяков» Пермского края [Исхаков 1986: 114-121; 1990: 386-391]. При этом у наследников этих «остяков» – пермских татар и башкир – были выделены несколько компонентов (поволжско-татарский, ногайско-кыпчакский, тюрко-угорский), последний из которых ближе всего подходит под определение субстратного. Изучение вопроса о формировании этого компонента, связанного с «остяками» Среднего Приуралья письменных источников XVI – первой трети XVII вв., позволило нам сформулировать вывод о необходимости рассматривать процесс складывания так называемой «остяцкой» (иштякской) общности на более широкой территории, включающей не только Приуралье, но и Западную Сибирь. Один из аспектов поставленной проблемы в литературе уже обсуждался – это возможность установления прямой связи между сылвенской археологической культурой IX-XV вв. – угорской, по мнению большинства исследователей – и «остяками» Пермского ареала (см.: В.Ф. Генинг, О.Н. Бадер, В.А. Оборин). Однако памятники этой культуры золотоордынского времени практически не изучены. Поэтому археологи, определяющие этническую принадлежность рассматриваемого населения по данным относительно поздних письменных источников, вынуждены разделять те же трудности, что и историки (невозможность однозначной этнической идентификации «остяков»). Отсюда возникает потребность поиска и других направлений установления этнического облика субстратного для пермских татар и башкир населения.

В этом плане заслуживают внимания некоторые родословные северных групп башкир («история» рода *кара-табын*, исторические предания племени *табын*, родословные групп *айле*, *дуван-айле*, *дуван*) и родо-племенная номенклатура пермских татар и башкир.

По преданиям табынцев и кара-табынцев прослеживается проникновение в Приуралье (включая и Среднее Приуралье) значительных групп из Западной Сибири (бассейны рек Иртыш, Тобол, Ишим, Миасс) в последней четверти XV в. [Исхаков 1998: 78-93]. Направление движения этих групп подтверждается и другими данными. В частности по башкирским шеджере предком группы *дуван* являлся Юлбуга, а из родословной группы *дуван-айле* видно, что отцом последнего считался Субра. В свою очередь это имя совпадает с названием одной из волостей сибирских татар *иштякско-токузской* группы (волость Субра – Супра) [Томилов 1992: 72-74]. Кроме того, в районе проживания «остяков» Среднего Приуралья можно найти и другие соответствия топонимического материала сибирско-татарского происхождения, восходящего к родо-племенной номенклатуре (*ерми-юрми*, *тогуз*, *иштек*, *айле*, *кошчы* и др.) Но самое интересное заключается в том, что из «истории» рода *кара-табын* отчетливо видно, что переселенцы из Западной Сибири не были «истинными» мусульманами. Таковую же ситуацию мы обнаружили и среди «остяков» Сызвенско-Иренского междуречья во второй половине XVI в.

Отсюда можно заключить, что поток переселенцев из Западной Сибири в Приуралье в последней четверти XV в. мог иметь сложный этнический состав, включавший угорские или смешанные тюрко-угорские группы. Имея в виду, что этноним «*иштэк*» был распространен в прошлом и среди сибирских татар [Томилов 1992:34-35], напрашивается вывод, что даже в XV-XVI вв. на сопредельной территории Приуралья и Западной Сибири могла функционировать тюрко-угорская общность «иштяков» (остяков), возможно, стратифицированная (верхи – из тюрок, низы – из угров, в т.ч. и отюреченных). Поэтому, изучение этнической истории населения Среднего Приуралья не только раннего, но и позднего периода, не может вестись оторванно от исследования этнической ситуации в Западной Сибири.

Литература

Исхаков. Д.М. Из истории изучения формирования тюркоязычного населения Пермского края // Пермские татары. Казань, 1983. – с. 6-18.

Исхаков Д.М. К вопросу об «остяцком» компоненте пермских татар и его связи с носителями сылвенской культуры // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1986. – с. 114-124.

Исхаков Д.М. Остяцкая земля: локализация и население в XV-XVII вв. // Congress Septiums Internatinalis Finno-Ugristarum. 4. Dissertationes. Ethnologica et Folklorica. Debrecen, 1990. – pp. 386-391.

Исхаков Д.М. Об общности этнической истории волго-уральских и сибирских татар (булгарский, золотоордынский и позднезолотордынский периоды) // Сибирские татары .Казань, 2002. – с. 24-58.

Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени. Казань, 1998.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск, 1981.

Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX вв. Новосибирск, 1992.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОБЛЕМЫ ТЮРКО-САМОДИЙСКИХ КОНТАКТОВ В ПРИУРАЛЬСКО-ПРИКАМСКОЙ ЗОНЕ *

В литературе довольно основательно представлено направление, доказывающее существование этнокультурных контактов между тюрками и самодийцами в Приуральско-Прикамском ареале в хронологически достаточно широких пределах – от начала до конца I тысячелетия [обзор см.: Васильев, Шитова 1982:18-40]. Правда, по ряду причин обоснованность выводов сторонников данной точки зрения может быть поставлена под сомнение. Прежде всего, наличие в составе самодийцев мощного южного компонента, продвинувшегося с Алтайской зоны [Долгих 1970; Пелих 1972; Хомич 1976; Васильев 1979], где наблюдались ранние контакты тюрков с самодийцами, требует предварительной стратификации имеющихся данных (этнонимия, фольклор и т.д.), что далеко не всегда удается сделать профессионально. Кроме того, многие «самодийские» черты культуры у тюрков Приуралья и Прикамья могли быть привнесены уграми, т.е. иметь опосредованный характер. Наконец, следует иметь в виду и возможность передвижения уже имевших опыт взаимодействия с самодийцами и уграми тюркских групп из Западной Сибири в Приуралье вплоть до времени татарских ханств (XV в.). Один такой случай будет ниже рассмотрен. Особого внимания требует широко применяемый для аргументации гипотезы тюрко-самодийских связей в Приуралье в I тысячелетии материал по топонимике и этнонимии (см., например: Васильев, Шитова 1982). В частности, это относится к группе названий *кара/харё*, лежащей в основе фратриального наименования ненцев *Харючи* (в русскоязычных архивных документах XVII – середины XIX вв. – Карачея, Большая Карачея, Карачейская). Несмотря на традиционность выведения этого этнонима от понятия «журавль» (кара, харе), некоторые исследователи указывают на возможность его связи с тюркским обозначением «черный» (*кара*) [Хомич 1976:109]. Поэтому топонимы и этнонимы, имеющие основу *кара*,

* Опубликовано: О некоторых аспектах проблемы тюрко – самодийских контактов в Приуральско – Прикамской зоне // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10-12 декабря 2001 г., Тобольск). – Тобольск- Омск, 2001. – с. 119-120.

далеко не всегда (особенно, в районах густого расселения тюрков) могут иметь отношение к самодийскому этнокультурному элементу. Даже в случае с ненецким этнонимом Харючи (Карачея, Карачейская) можно предложить еще одну его трактовку – не исключено его восхождение к золотоордынскому термину *карачи*, связанному с правящими кланами в Улусе Джучи и его наследниками [Schamiloglu 1984]. На это наталкивает не только русская передача этнонима (Карачея, Карачейская), но и осмысление самими ненцами фратрии Харючи как «сильных людей» [Долгих 1970:102], что в русских документах XVII в. реализовано в форме «Большая Карачея». В принципе обсуждение вопроса о происхождении рассматриваемого этнонима необходимо продолжать дальше, привлекая и тюрко-монгольские и иные параллели (скажем, этноним *карачай* – у карачаевцев, этноним *карагаши* – у ногайцев и его прямая параллель *карагас* – на Алтае у групп, имеющих тюрко-самодийские истоки).

Несмотря на отмеченные трудности (а круг их можно расширить, в частности, следы почитания журавля явственно сохранились не только у башкир, но и у татар), поиск следов самодийцев в Приуралье и Прикамье или их косвенного влияния на тюркское население этого региона, может оказаться небезуспешным. В указанном русле хотелось бы остановиться на двух группах татарско-башкирского населения – гайнинцах (*гэйнэ*) и иректинцах (*иректэ*).

Племя *гайна* (*гэйнэ*), входившее в состав башкир, уже привлекало внимание отдельных исследователей в связи с присутствием в его фольклоре образа оленя как в хозяйственном, так и в культовом планах [Васильев, Шитова 1982:28-29]. По нашему мнению, эта группа, этногенетически восходящая к уграм (отсюда их русское наименование в XVI – начале XVII вв. как «остяков»), имела отношение к древневенгерскому племени *jeno*: в легендах гайнинцев их родоначальник Гайна (Гэйнэ) имел брата по имени Эйнэ, в котором можно видеть отражение этнонима *jeno*. В XIV в. гайнинцы уже жили в Пермском Прикамье (бассейн р. Тулва) [Исхаков 1998:113-140]. В связи с племенем *гайна* необходимо указать на то, что ближайшие их соседи, в XVI-XVII вв. известные также как «остяки» или «татары и остяки», расселенные в бассейнах рек Сылвы и Ирени, разделялись на улусы, один из которых имел название «Карьев улус» [Исхаков 1998:123]. Центром его было селение Карьево. Несмотря на то, что этот топоним присутствует в генеалогии, начинающейся с Буркут

бей, в котором можно видеть отражение кыпчакского этнонима *буркыт/ буркут*, если принять во внимание, что в начале XV в. *буркуты* жили в «вилайте Чимги-Тура» (предшественник Тюменского ханства) в Западной Сибири, присутствие в Сылвенско-Иренском бассейне в начале XVII в. топонима, возможно, этнонима «карьев» (основа – Кари-Кара, по татарски – Каржау), наталкивает на его сравнение с самодийским Харе/Кара. Кроме того, в тамгах «остяков» этого района «журавлиный» сюжет представлен весьма отчетливо.

Группа *иректэ* является ответвлением группы *табын* и расселяется южнее гайнинцев в низовьях р. Ик. Недавно нами было установлено, что иректинцы сформировались в результате миграции значительной массы табынцев (в первую очередь *кара-табынцев*) из бассейна рек Тобола и Иртыша на запад в последней четверти XV в. [Исхаков 1998:78-93]. Имея в виду первоначальный район проживания группы *табын*, можно предположить ее контакты там с самодийцами. Далеко не случайно существование определенных параллелей в традиционной культуре группы *табын* с культурой самодийцев (детальнее см.: Васильев, Шитова 1982:18-40]. Дополнительным фактором взаимных контактов двух общностей было и долгое сохранение у табынцев языческих верований – ко времени переселения в Приуралье они еще не были окончательно мусульманизированы. В преданиях кара-табынцев (обратим внимание и на данный этноним со структурным элементом «кара») их предки в своей «основе» выступают как «эрмийцы» (в этом этнониме можно видеть отражение угорского этнонима «*юрми*») и «черемисы» (*чирмеш*), что усиливает вероятность присутствия в их составе каких-то самодийских (или угро-самодийских) образований из Западной Сибири. Понятно, что в данном случае эти поздние переселенцы могли привнести в среду тюркского (тюрко-угорского) населения Приуралья новый самодийский элемент, во всяком случае, в плане культуры.

Таким образом, проблема тюрко-самодийских этнокультурных контактов в Приуральско-Прикамской зоне должна рассматриваться в гораздо более широких хронологических рамках, чем это было принято до сих пор. При этом встает вопрос о стратификации имеющихся данных об указанных контактах – далеко не все они должны обязательно рассматриваться как ранние.

Литература

Васильев В.И. Проблема формирования северо-самодийских народностей. – М., 1979.

Васильев В.И., Шитова С.Н. Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме этногенеза башкир) // Вопросы этнической истории Южного Урала. – Уфа, 1982.

Долгих Б.О. Очерки этнической истории ненцев и энцев. – М., 1970. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV-XVII вв.). Научное издание. – Казань, 1998.

Исхаков Д.М. Общие моменты в этнической истории волго-уральских и сибирских татар // Мирас. 1998. № 3. (на татарском яз.).

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. – Томск, 1972.

Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. – Л., 1976.

Shamiloglu U. The qaraci beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1984. № 4.

РАЗДЕЛ II

КОНКРЕТНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ТЮМЕНСКОГО И СИБИРСКОГО ХАНСТВ

ОСОБЕННОСТИ ИСЛАМИЗАЦИИ ВОСТОЧНЫХ ГРУПП ТАТАР В XV-XVI ВВ. (ПРИУРАЛЬЕ И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ)*

Исламизацию Улуса Джучи (Золотой Орды) обычно связывают с ханом Узбеком (1312-1342), отмечая однако сохранение среди тюркского населения (включая и аристократию) этого государства вплоть до середины XV в. так называемого «реликтового шаманизма»¹. Откровенно говоря, никто точно знает, что же на самом деле скрывается за этим довольно странным определением, ибо неясно, в каком соотношении находился этот самый «шаманизм» с исламом. Более того, в литературе до недавнего времени вопрос о том, можно ли считать мусульманами тех, кто еще не полностью отошел от старых верований, применительно к Золотой Орде и более поздних татарских государств, вообще не ставился. Между тем, некоторые сохранившиеся в источниках описания являвшихся наследниками Золотой Орды и казалось бы довольно давно исламизированных тюрко-татарских обществ XV-XVI вв., способны вызвать шок у правоверных мусульман. В частности, это касается населения Ногайской Орды и казахов. Например, дон Хуан Персидский, в 1599-1600 гг. проезжавший в составе посольства через Астрахань, о ногайцах замечает, что они «в делах религии... в высшей степени невежественны»². Ему вторит доминиканский монах де Люк, в чьем описании «ногайских татар» первой четверти XVII вв. говорится: «... не соблюдают правил своей религии, не постят(ся), не собираются на молитву...,

---

* Опубликовано: Особенности исламизации восточных групп татар в XV-XVI вв. (Приуралье и Западная Сибирь) // Доклады международной конференции «Исламская культура в Волго-Уральском регионе (Казань, 8-11 июня 2001 г.). – Istanbul, 2004. – с. 223-233.

¹ Усманов М.Л. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII-XVI веков // Духовенство и политическая жизнь в Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. – М., 1985. – С. 177-185.

² Из рассказов дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию, от Астрахани до Архангельска, в 1599-1600 г. // Чтения в Императорском обществе истории и Древностей Российских при Московском университете. 1899 г. Книга I (188). – М., 1899. – С.8.

магометанские богословы не живут между ними»³. Возможно, можно было бы думать, что в данном случае мы имеем дело с записками не слишком осведомленных наблюдателей. Но дело в том, что и некоторые поздние предания (XIX в.) характеризуют ногайцев в таком же духе. В этом плане можно указать на записанное известным уфимским краеведом Р.Г. Игнатьевым среди башкир историческое предание, в котором сообщается: «Ногаи ... были очень развратны и дурные мусульмане... Слух о их беззакониях и незнании Корана дошел до Бухары и Туркестана, где царствовал святой муж Хузя-Ахмет Ясовей хан ... (Тот) послал ... к Ногаям ученика своего Хусейн бека..., (который сделал) Ногаев добрыми мусульманами, ... обратил многих язычников... После Хусейн бек ходил ... в Мекку ... был главным имамом во всей Башкирии»⁴. Хотя в этом предании, как это бывает в произведениях данного жанра, есть разные исторические наслоения, общий его дух очевиден – он характеризует ногайцев как «плохих» мусульман. Правда, из предания неясно, до какого периода они оставались таковыми.

В другом важном источнике начала XVI в., на этот раз касающемся казахов – в «Михман-наме-йи Бухара» (Записки Бухарского гостя), его автор, просвещенный мусульманин Фазлаллах ибн Рузбихан, рассказывая о походе Мухаммеда-Шайбани хана против казахов зимой 1508-1509 гг., говорит о том, что казахи, накануне похода войск Шайбанидов против них, в специальной фетве, подготовленной улемами по поручению хана Мухаммеда-Шайбани⁵, были обвинены в «язычестве», в «вероотступничестве» и «безбожии». Среди прочих признаков их язычества, как пишет Рузбихан, было налицо существование у них «изображения идола, которому они земно кланяются». И тут автор рассматриваемого сочинения, глубоко разбиравшийся в проблеме исламизации населения Улуса Джучи, попадает в ловушку – несмотря на то, что казахи были причислены к «язычникам», они одновременно оказываются «не настоящими язычниками, потому

³ Описание Перекопских и Ногайских Татар, Черкесов, Мингрелов и Грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского Ордена (1625г.) // Записки Одесского общества истории и древностей. – т. 11. – Одесса, 1879. – с.485.

⁴ Игнатьев Р. Памятники доисторических древностей Уфимской губ. // Справочная книжка Уфимской губернии 1883 г. – Уфа, 1883. С.334.

⁵ Из источника достаточно хорошо видно, что при подготовке данного заключения большую роль играл политический заказ. Этот момент должен постоянно учитываться при трактовке указанной фетвы.

что ... удостоились счастья (принять) ислам..., читают Коран, исполняют молитвы и отдают детей своих в школу, постятся, ... не женятся без брачного договора»⁶. В итоге Рузбихан делает следующее заключение – поскольку казахи практиковали запретное «после принятия ими ислама», они являются «безбожниками и вероотступниками»⁷.

При выработке общего подхода к описываемому тут явлению – как бы мы его не называли (сохранение «реликтового шаманизма», «вероотступничество» или «религиозный синкретизм» и т.д.) – вряд ли возможно следовать средневековым определениям, подобным изложенным Рузбиханом. Хотя надо признать, в этой позиции, за которой стоят улемы из Государства Шейбанидов, определенная логика имеется. Но мне больше импонирует иной подход, который был предложен американским историком А.Дж. Франком в его недавней публикации, посвященной вопросу об исламизации одной из групп западносибирских татар-барабинцев. Как известно, согласно общепринятой точке зрения, барабинские татары усвоили ислам лишь в XVIII в. А.Дж. Франк, обнаружив факты их знакомства с исламом по меньшей мере уже к началу XVII в., далее пришел к заключению, что сохранение среди представителей этой группы выраженных элементов язычества (признаки шаманизма, наличие идольчиков – кукол – *курчаклар*.) нужно рассматривать как специфику функционирования ислама в Западной Сибири. Естественно, барабинских татар при этом он рассматривает как часть исламского мира⁸.

Учитывая это мнение, я бы хотел обратиться к двум конкретным примерам, свидетельствующим о позднем завершении исламизации восточных групп татар, расселенных в Среднем Приуралье и Западной Сибири. На основе анализа материалов по отмеченным ареалам, позже можно будет формулировать одну общую идею, которая, на мой взгляд, важна не только при написании национальной истории татар, но и имеет более широкое значение.

---

⁶ Ибн Рузбихан Исфакхани Ф. Михман-наме-йи Бухара (Записки Бухарского гостя). – М., 1976. – С.63, 104-105.

⁷ Там же. С. 105.

⁸ Frank A.J. Varieties of Islamization in Inner Asia: the case of Baraba Tatars. 1740-1917 // En Islam Siberian (Cahiers du Monde Russe. 41/2-3, April-septembre 2000). – p.p. 245-262.

Конфессиональная ситуация в Среднем Приуралье в XVI в.

Несмотря на то, что ислам в Казанском ханстве являлся государственной религией⁹, в его составе имелось многочисленное языческое население (финно-угорские народы и чуваша). Однако, обычно считается, что собственно тюрко-татарская (не чувашская) часть населения ханства полностью исповедовала ислам¹⁰. Но новейшие исследования позволяют поставить под сомнение эту, пока что общепринятую, точку зрения. В частности мои собственные изыскания позволяют говорить о том, что некоторые группы приуральских тюрков, а именно, предки пермских татар и башкир, расселенные в бассейнах рек Тулвы, Сылвы и Ирени и входившие в Казанское ханство, были мусульманизированы не ранее XVI в. Сразу отмечу, что этническая история этого населения, по русскоязычным источникам XVI в. – начала XVII в. известного как «татары» и «остяки» (по тюркским – *иштәк*) тут рассматриваться не будет в связи с тем, что она была уже предметом специального исследования¹¹. Скажу только, что в этническом становлении данных групп кроме собственно тюрков важную роль сыграли угры (отсюда и наименование «иштәк»).

Теперь я хотел бы привести один отрывок из «Жития св. Трифона Вятского», источника, относящегося к 1570-м годам и написанного очевидцем событий¹². В нем рассказывается о «месте» тулвенских «остяков», которое «...баше кладбище остяцкое, или паки рещи: жертвище идольское. Бяху же ту дерева велики и многоветвены». Далее сказано, что на этом «идольском жертвище» находилось «идоложерственное древо, глаголемое ель, бе бо величаши прочих деревьев, толстота бо баше его кругом полтрети сажени, а ветвие его в длину 4 сажени и вящие». На этом дереве имелись «сребро и злато, шелк и ширинки (холст – Д.И.) и кожи, ...

⁹ Подробнее см.: Исаков Д.М. Сеиды а позднезолотоорлыных татарских государствах. – Казань. 1997.

¹⁰ Усманов А. Этапы... – с. 182.

¹¹ См.: Исаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV-XVII вв.). Научное издание. – Казань. 1997. – С.1 14-140.

¹² Дмитриев А.Л. Житие св.Трифона Вятского как источника сведений о Перми Великой в XVIв. // Труды Пермской УАК. – Вып.2. – Пермь, 1893. – С.20-41; Струминский В.Я. Житие преподобного отца нашего Трифона Вятского чудотворца. С предисловием и примечаниями // Труды Пермской УАК. – Вып.9 – Пермь, 1905. – С.55-75.

приносимые нечестивыми»¹³. Про дерево сами «остяки» сказали приказчику Строгановых: «древу бе молебное бога нашего»¹⁴. Данное жертвенное место имело отнюдь не только локальное значение: обслуживая ответвление живших в бассейне р. Тулвы «муллинских остяков», оно было общеизвестным: «Бе бо ту их агарян и многих язык идольское жертвище и от всех стран с Печеры и с Сылвы и с Обвы и с Тулвы, князи их: остяцкий Амбал, вогульский Бебляк (или Беляк – Д.И.) и инии мнози языци со всеми своими улусы, остяки и вогуличи со всех ловль своих ту во едино место съезжахуся ... нечестивым, по своей поганской вере, идольское жертвы творити под древом»¹⁵. Заслуживает внимания и диалог Трифона Вятского с «начальным человеком остяков» (имя его дается в форме «Зевендук», т.е. Сююндюк, известный по преданиям и генеалогиям). Зевендук говорит Трифону: «...аз верою несмы от тех, иже многия нарицают боги бездушныя и глухия, их же аз почитаю кумиры». Трифон отвечает: «вы бо веруете не небесному творцу и Богу, ... но нечувственным кумиром, глухим и бездушным богом»¹⁶.

Как видим, в лице «остяков» бассейна р. Тулвы и соседних районов Пермского Прикамья, мы как будто-бы имеем дело с языческим населением. Да и предания местного населения, записанные в середине XIX в., рассказывают о том, что их предки усвоили ислам лишь в период правления Ивана IV¹⁷.

Конечно, при трактовке изложенной выше информации необходима определенная осторожность. Например, описанное тут «поклонение» дереву может быть связано и с почитанием старых могил святых. В частности, С.И. Руденко, хорошо знавший традиционную культуру башкир, в свое время отмечая, что они

---

¹³ Житие преп. отца Трифона Вятского чудотворща. Памятник русской духовной письменности XVIIв. (приложение к «Православному собеседнику»). – Казань. 1868. – с.41.

¹⁴ Там же. – С.45.

¹⁵ Там же. – С.41.

¹⁶ Там же. – С.39.

¹⁷ П.И. Небольсин о башкирах Осинского уезда Пермской губ. (потомки тулвенских «остяков»), пишет: «...рассказывают, что они приняли мухаммеданство около времени паря Иоанна IV от татар, которыми были повсюду окружены». Как пример сохранения у них обычая «дальней старинь», этот автор указывает на приношение ими жертвы баранами «Черному нечто» (*Кара нәрсә*). (См.: Небольсин П. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестник РГО. – ч.1, кн.1(IV). – СПб., 1852. – С.18-19).

почитали такие могилы, заметил: «...нередко такими могилами являлись древние курганы, поросшие лесом... Деревья, растущие у таких могил, считались неприкосновенными...»¹⁸. Надо принять во внимание и то, что записки, о которых идет речь, оставлены миссионером, который хотел обратить так называемое «остяцкое» население Пермского края в христианство. Но тем не менее, приведенное описание оставляет впечатление о немусульманском характере верований, образа жизни пермских «татар» и «остяков».

На этом общем фоне довольно неожиданными являются факты, свидетельствующие о знакомстве этих групп с исламом. Прежде всего обращает на себя внимание то, что в «Житие» по отношению к «остякам» несколько раз употреблены термины «агаряне» и «бусурманы»¹⁹, применяемые обычно в синхронных русскоязычных документах для обозначения мусульман. Кроме того, в исторических преданиях отец одного из вождей «остяков» – Зевендука (князя, по родословным – бия Сююндюка), которого звали Маметкулом, живший ближе к первой половине XVI в., выступает как «мулла» или «имам»²⁰. Да и имя отца двух князей (Сююндюка и Урака) тулвенских «остяков» – явно мусульманское.

Похоже, татарско-остяцкое население Пермского края в первой половине XVI в. было уже знакомо с исламом. Не исключено, что исламскими культуртрегерами в этом районе выступали представители золотоордынских татар с клановым делением. Во всяком случае, недавно удалось выяснить, что «мулла» Маметкул и его потомки по племенной принадлежности были буркутами²¹. Однако степень исламизации «народа» этих князей остается полностью не выясненной. Пока что можно осторожно заключить, что это население являлось в XVI в. исламизирующимся населением. На мой взгляд, относительно поздняя исламизация

¹⁸ Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. – М.–Л., 1955. – С.276.

¹⁹ На эти обратил внимание еще И.М. Осокин (См.: Осокин И.М. К вопросу о миссионерской деятельности преподобного Трифона // Труды Пермской УАК. – Вып.6. – Пермь. 1904. – С.25).

²⁰ Из истории башкирского землевладения в Пермском уезде и грамоты башкир // Труды Пермской УАК. – Вып. III. – Пермь. 1893. – С.80.

²¹ Эхмәтжанов М. Пермь өлкәсе шәжәрәләре // Пермь татарлары турында. – Барда, 2000. – С.89; Исхаков Д.М. Некоторые данные о средневековой этнической ситуации в юго-восточных районах Татарстана (XIV-XVI вв.) // Проблемы изучения истории заселения и образования населенных пунктов Альметьевского региона. – Вып. VII. Материалы симпозиума. Альметьевск, 25-27 мая 2000г. – Казань, 2000. С.38-40.

тюркского населения Пермского края объясняется не только особенностями его этнической истории (наличие существенного угорского компонента), но и спецификой конфессиональной ситуации в прилегающих районах Западной Сибири в XV-XVI вв., откуда в конце XV в. в Пермское Прикамье переселилась значительная по численности группа²², исламизация которой еще не была завершена. Детальнее этот вопрос будет рассмотрен далее.

Исламизация тюрко-татарских групп Западной Сибири в XV-XVI вв.

В первой половине XV в. вилайт Чимги-Тура – политический предшественник Тюменского ханства, зависел от Шейбанидского государства, известного также как «Государство кочевых узбеков»²³. Несомненно, это тюрко-татарское этнополитическое объединение, фактически являвшееся одним из наследников Золотой Орды, было исламским государством²⁴. Затем, уже в 1489 г., правитель Тюменского ханства Ибрагим (Сайид-Ибрагим), в послании Московскому великому князю Ивану Васильевичу прямо указывал: «Яз – бесерменской государь, а ты – христианской государь»²⁵, явно имея в виду принадлежность этого ханства к разряду исламских государств. Но реальная религиозная ситуация в XV в. в Западной Сибири была более сложной, о чем свидетельствуют исторические предания сибирских татар и башкир.

Одно из таких преданий, изложенное в двух рукописях на татарском языке, было обнаружено и опубликовано Н.Ф. Катановым²⁶. Несомненно, это многослойный источник. Кроме

²² Об этом см.: Исхаков Д. Идел-Урал буе һәм Себер татарларынын этник тарихларындагы уртаклыклар (Болгар, Алтын Урда һәм Татар ханлыклары чорлары) // Мирас, 1988, №3. – С.88-90.

²³ Детальнее см.: Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – М. 1965.

²⁴ Там же. – С. 46, 99, 101, 117; Материалы по истории казахских ханств в XV-XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата. 1969. – С.143; Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, с переводом, примечаниями и приложением, изданном И.Березиным. – Казань, 1849. – С.LIX.

²⁵ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. – Махачкала, 1995. – С. 19.

²⁶ Катанов И. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея) // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Вып.XIV. – Тобольск, 1905. – С.328.

других данных об этом говорит и то, что в конце рассказа о шейхах, который ниже еще будет рассмотрен, среди тех, кто остался в Западной Сибири «для обучения вере в числе первых шейхов», называется «почтенный Шерпети»²⁷. Между тем, этот шейх жил в Сибирском ханстве при Кучуме и впервые упоминается в 1572 г.²⁸ Тем не менее, основные события, излагаемые в указанных рукописях, скорее всего относятся ко времени «хана Шейбана», под которым в данном случае надо понимать Мухаммеда Шайбани-правителя Шибанидского ханства, умершего в 1510 г. Хотя в источнике он предстает как «хан Средней Орды», некоторые косвенные данные, которые будут приведены ниже, позволяют говорить, что речь идет о хане Мухаммеде Шайбани. Принимая во внимание этот вывод, теперь обратимся к основной сюжетной линии преданий.

Согласно источнику, в бассейне Иртыша находились кочевья трех «народов»: по имени «Хотан» (у хантов это обозначение сибирских татар; по-видимому, происходит от этнонима «кидань»), «Ногай» и «Кара-Кыпчак». Один из ишанов по имени Багаутдин ходжа (скорее всего подразумевается основатель Накшбандийского ордена, живший в первой половине XV в.) поручает 366 конным шейхам пойти к указанным выше «татарам», согласно источнику, «не имевшим истинной веры и истинных понятий» и поклонявшимся «куклам». Шейхам со стороны ишана Багаутдина ходжи было дано указание о том, что если эти «народы» не примут «приглашения... к исповеданию ислама», то с ними следовало «учинить... великую войну за веру». Когда отмеченные шейхи прибыли к хану Шайбану «в степи Средней Орды», тот поддержал их и вооружив 1700 «своих героев... с целью большой войны за веру», отправился с ними на лошадях к Иртышу, где «учинил ... великое сражение за веру». Эта часть источника имеет удивительное сходство с рассказом Рузбихана о походе 1508-1509 гг. Мухаммеда Шайбани против казахов (это и поклонение определенных групп «куклам», отсутствие «истинной» веры; участие религиозных деятелей в выработке решения о начале войны; сам характер войны – великая война за веру, т.е. газа), что и позволило мне отождествить хана Шайбана источника с Мухаммедом Шайбани. Ко времени прибытия воителей за веру, в районе р. Иртыша «некоторые» из трех перечисленных народов,

²⁷ Там же. – С.23.

²⁸ Исхаков Д.М. Сеиды... – С. 56 и след.

оказывается, уже «исповедали веру ислама». Таким образом, мусульманство тут начало распространяться явно раньше.

И вот тут необходимо вспомнить еще одно историческое предание сибирских татар – народно-краеведческое сочинение «Происхождение аула Сала», описанное казанскими исследователями. В этом источнике говорится о том, что основателем селения был человек по имени Сала, отец которого Сулейман-бай, «пришел на эти земли из Бухары в составе людей Тайбуга-бия, сына Шах-Мурада. Вместе Тайбугой прибыли на земли будущего Искира 500 человек, среди которых были муфтий и мударрис... Пришельцы основали город Искир»²⁹. Во-первых, в данном рассказе упоминаются мусульманские священнослужители (муфтий, мударрис). Во-вторых, в нем фигурирует Тайбуга-бий, в котором можно видеть основателя династии «сибирских князей» – Тайбугидов. В одной из своих работ я обосновал вывод о том, что этот князь, по клановой принадлежности бывший салджигутом, жил ближе к первой половине XV в.³⁰ Следовательно, прибытие мусульманских вероучителей в Западную Сибирь надо датировать этим временем, что вполне согласуется с данными рассмотренных выше рукописей о знакомстве с исламом населения бассейна р. Иртыша и до времени правления Мухаммеда Шайбани хана.

Вернемся опять к рукописям, опубликованным Н.Ф. Катановым. В них далее сообщается, что под напором пришедших с ханом Шайбаном войск, те, кто еще не был мусульманизирован, «испугавшись тоже обратились к вере ислама». Но битва за веру была очень тяжелой и большинство пришедших с ханом пали. Сам хан ушел обратно к «народу Средней Орды». Небольшое число оставшихся шейхов «стали обучать основам веры тех из народов Ногай, Хотан и Кара-Кыпчак, которые исповедовали ислам». Затем

---

²⁹ Усманов М.А., Шайхиев Р.А. Образцы татарских народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская археография и источниковедение. – Новосибирск, 1979. – С. 91. Обращает на себя внимание то, что эта рукопись вопрос об основании г. Искира трактует иначе, чем «Сибирские летописи». По последним «град Сибирь» т.е. Искир, был основан Тайбугидом Маметом спустя долгое время (через три поколения) после Тайбуги (ПСРЛ. – Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи. – М. 1987. – С.47 и др.).

³⁰ Исхаков Д.М. К вопросу о клановой принадлежности Тайбугидов (по русским и тюркским источникам) // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». (11-13 декабря 2000 г., г. Тобольск). – Тобольск-Омск, 2000. – С.51-53.

и большинство шейхов отправились обратно в «Священную Бухару». Наконец, в источнике приводится ряд данных относительно мусульманских святых мест в Западной Сибири (они связываются с теми шейхами, которые распространяли в этом районе ислам).

Еще один, совершенно самостоятельный источник — башкирские предания, связанные с племенем табын,³¹ позволяет говорить о том, что жившие на рубеже XV-XVI вв. в Западной Сибири (упоминаются реки Тобол, Иртыш, Миасс) тюрко-татарские группы действительно были еще не исламизированы или исламизированы не полностью. Так, известный татарско-башкирский ученый Г. Чокрый (1829-1889), бывший из рода каратабын и записавший исторические предания своих предков, с удивлением констатировал, что «религии у них не заметно»³². В поэтическом изложении это место звучит так:

Асыл бабам Тобол, Иртыш,
Кинаринда буллуб ирмеш.
Асылда әрми йә чирмеш,
Беленмәй диннәре сарпай.

Мне уже ранее приходилось писать о том, что группа табын в последний четверти XV в. в силу политических событий продвинулась в Приуралье, осев в нижнем течении рек Белой и Ика на территории Казанского ханства (некоторые группы проникли далеко вглубь центральных районов ханства)³³. Замечу, что переселенцы были явно смешаны с уграми — на это указывают этнонимы «әрми» (юрми) и «чирмеш». Не исключено, что они оказались и в Пермском Прикамье, так как в их преданиях этот район упоминается.³⁴ Поэтому, одной из (но не единственной) причин сохранения язычества среди предков пермских татар и башкир вплоть до XVI в. может быть и эта миграция западно-сибирского населения в Приуралье.

Во второй половине XVI в. — в период правления хана Кучума — Сибирское ханство уже предстает как мусульманское

³¹ См.: Исхаков Д. Идел-Урал буе...

³² Там же. — С. 89.

³³ Там же.

³⁴ Там же. — С. 88. Более детально этот вопрос был рассмотрен в моем докладе на тему «Этнополитические контакты тюрков Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в.».

государство³⁵. Хотя глубина проникновения ислама в народные массы и для этого времени остается под вопросом.

Мне представляется целесообразным в конце статьи еще раз вернуться к формуле А.Дж. Франка. На самом деле, могут ли считаться мусульманскими те тюрко-татарские общества, о которых шла речь и которые находились на периферии бывшего Улуса Джучи, и которые имели тесные контакты с языческими группами (в данном случае – с уграми)?

Сложность этой проблемы заключается в том, что применительно к тюрко-татарскому населению Западной Сибири создается впечатление, что оно, несмотря на достаточно раннее начало его исламизации, никак не могло «доисламизироваться», если можно так выразиться. Действительно, уже Идегей мог начать распространение ислама в Западной Сибири, так как известный пассаж Руи Гонсалеса де Клавихо, относящийся к началу XV в. и гласящий: «...Едигей обращал и обращает татар в магометанскую веру, еще недавно они ни во что не верили, пока не приняли веру Магомета»³⁶, вряд ли применим к его собственному племени (мангытам), исламизированному явно раньше³⁷. Этот пассаж, возможно, надо связывать с походом Идегея совместно с султаном Чекре «в страну Сибирь», совершенном около 1405-1406 гг.³⁸ Затем в течении XV в. мы наблюдаем волны исламизации населения данного ареала. Но тем не менее в конце-концов среди некоторых групп сибирских татар исламизированность оказывается под вопросом вплоть до XVIII в.

Скажу более: мне самому во время экспедиций к сибирским татарам (группа заболотных татар) приходилось слышать о существовании у них кукол (*курчаклар*) в довоенное время и даже позже. А одна пожилая женщина, являющаяся прямым потомком обращавшего местное население в ислам, шейха (по терминологии сибирских татар *яхшылар*), рассказывала, что в трудные моменты жизни она взывает к их поддержке и безусловно ее получает.

³⁵ Исхаков Д.М. Сеиды... – С. 53-64.

³⁶ де Клавихо Руи Гонсалес. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). – М., 1990. – С. 144.

³⁷ См., например: Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань. 2001.

³⁸ Шилтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Пер. Ф.К. Бруна. – Баку. 1984. – С.35; Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960. – С. 182,190-191.

На только что закончившейся в г. Тюмени конференции на тему «Национально-культурные проблемы тюркских народов Сибири» («Сулеймановские чтения-2001»), местный краевед Х.С. Хазанова в докладе «Верования туралинцев, аялинцев», привела интересные данные о том, что татары в массовом порядке бросили в р. Иртыш свои домашние куклы в ходе Гражданской войны, «когда пришли красные». Тем не менее, иногда и сейчас, оказывается, эти куклы сохраняются, причем их «кормят» три раза в день (это называется «асрау»). Но дело в том, как этот обычай оценивается самими сибирскими татарами. Как отмечала Х.С. Хазанова, те татары, которые придерживаются этого обычая, прямо заявляют, что «поклонение идолу (*потка табыну*)» для них недопустимо; они кукол рассматривают как каких-то местных (домашних) хозяев (*ияләр*). В этой связи замечу, что и у поволжских татар вера в *ияләр*, правда, без овеществления, жива до сих пор. А чем отличаются посещения могил святых в Поволжье от поклонения *яхшылар* сибирскими татарами? Думаю, что это однопорядковые явления.

И последнее. То, о чем было сказано применительно к современности, совершенно закрытая и очень плохо изученная страта нашей культуры. Безусловно, она не имеет отношения к исламу. Но мешает ли нам быть мусульманами сохранение этих, традиционных элементов культуры? Вряд ли. К тому же, если мы будем переходить полностью к «чистому» – теоретическому исламу, останемся ли мы татарами, вот в чем вопрос. Поэтому, я присоединяюсь к А.Дж. Франку и считаю тюрко-татарские общества XV-XVI вв., несмотря на всю их специфику, мусульманскими обществами. По моему мнению, дело ученых как раз заключается в том, чтобы изучать эту специфику и объяснять народу, что нельзя стыдиться и скрывать то особенное, что является частью нашей прошлой истории и культуры.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ХАНСТВА В XV-XVI ВВ. *

Необходимо начать с уточнения: в данном случае «Сибирское ханство» (его татарский вариант – «Искер Йорты») употреблен в некотором собирательном смысле, имея в виду, что для XV в. данное этнополитическое формирование можно называть и по другому – «Тюменским ханством» или «вилайятом Чимги-Тура».

Приходится констатировать, что относительно этнической общности, формировавшейся в рамках Сибирского ханства, существующие исследования страдают концептуальной непроработанностью. Поэтому в литературе об этой общности возникли две точки зрения: одни исследователи полагают, что сибирские татары консолидировались в феодальную народность в XV-XVI вв. (Валеев Ф.Т., 1980; 1992), другие же считают, что даже к началу XX в. единого этноса сибирских татар не существовало, они представляли из себя до конца не консолидированную, так называемую метатническую общность (Томилов Н.А., 1978; 1992). Понятно, что эти две позиции не могут быть примирены друг с другом, хотя такая попытка, не слишком впрочем, убедительная, в литературе и была предпринята (Валеев Ф.Т., Томилов Н.А., 1996).

По нашему мнению, для решения проблемы консолидированности сибирско-татарской этнополитической общности XV – XVI вв. следует воспользоваться той моделью, которая была использована при изучении этноистории волго-уральских татар (в рамках Касимовского и Казанского ханств). При ее создании были приняты во внимание и данные по Крымскому ханству (Исхаков Д.М., 1998). Общий подход при этом может быть резюмирован следующим образом:

1. Татарские народности, сформировавшиеся в рамках отдельных ханств, были стратифицированы на две этносословные страты – ясачное население (чернь), являвшееся генетически более ранним образованием и слой феодалов, состоявший из золотоордынских «татар» с клановым делением.

2. Формирование позднезолотоордынских этнополитических объединений в XV в. не привело к их взаимной изоляции – они продолжали сохранять многочисленные политические и

---

* Опубликовано: Некоторые итоги исследования этнополитической истории Сибирского ханства в XV-XVI вв. // Сулеймановские чтения – 2002. – Тюмень, 2003. – с. 113-115.

этнокультурные связи, а также единство этнического суперстрата, институционально поддерживаемого княжествами, существовавшими в ханствах и возглавлявшимися общими для ряда ханств, кланами (институт карача-беев).

Изучение этнополитической истории Сибирского ханства с изложенной выше позиции показывает, что такой подход позволяет по новому оценить этническую ситуацию в этом государстве.

Выясняется, что в Сибирском ханстве, как и в других татарских государствах того времени, существовали две сословные страты: служилые татары (около 20%) и ясачные татары (остальная часть татарского населения). Первая группа была не слишком многочисленной (для конца XVI- нач. XVII вв. – около 2 тыс. чел.). Такое же положение, скорее всего, было характерно и для более раннего времени (известно, например, что у правителя Тюменского ханства хана Ибрагима во время похода против Большой Орды совместно с мангытами в 1481 г., собственных казаков насчитывалось только 1 тыс. чел.). Нельзя исключить того, что служилые и ясачные татары вели разный образ жизни. В частности, в «Сибирских летописях» отчетливо прослеживается деление татар на тех, кто жил по «воlostям» и на тех, кто был сосредоточен по «улусам». Это важно отметить потому, что ряд знатных татар (хан Кучум, Тайбугиды) были связаны с «Бухарой», где явно существовали, во всяком случае в XVI в., кочевые тюркские группы (так называемые «узбеки»).

В источниках сохранились некоторые сведения о клановой структуре служило-татарского слоя сибирских татар. Особого внимания заслуживает одно историческое предание, записанное Н.Ф. Катановым у сибирских татар. Там рассказывается о делении «войск» хана Кучума на 4 «отряда»: Кордак, Туралы, Аялы, Бараба. Имелась и пятая группа – она состояла из «сартов», которые пришли с ханом Кучумом и осели в столичном округе (Катанов Н.Ф., 1896). Такое деление напоминает систему юртов (княжеств) во главе с карача-беем, хорошо известную по другим татарским ханствам. Оказалось, что на основе источников в Сибирском ханстве можно выделить два княжества: «Карачин улус» – владение клана Джалаир и «Тайбугин юрт» во главе с кланом Салджигут (в последнем случае прослеживается и связь с группой Аялы, бывшей «народом» Тайбугидов). Рассмотрение других источников позволяет сформулировать гипотезу о том, что служило-татарское сословие в Сибирском ханстве было золотоордынско-тюркского (кокординского, Шибанидского) происхождения. Правда, полная картина клановой структуры феодальной верхушки Сибирского ханства остается еще не выясненной. В этой связи следовало бы

обратить более пристальное внимание и на контакты «Булгарского вилайята» с «вилайятом Чимги-Тура» в первой половине XV в., затем, во второй половине XV в., Казанского и Тюменского ханств (Исхаков Д.М., 1998, №3; Татары, 2001).

Этическая история ясачного населения изучена несколько лучше (см. труды Ф.Т. Валеева и Н.А. Томилова). Похоже, что в «ясачных татарах» Сибирского ханства можно видеть более раннее тюркское и тюркизированное угорское население («иштяки», «сыпыры»).

Несмотря на разнотничное происхождение двух страт сибирских татар, этнополитическая общность, формировавшаяся в рамках Тюменского и Сибирского ханств, обладала значительной консолидированностью. Об этом свидетельствует устойчивость наименований отмеченного этнополитического объединения. По русским источникам оно известно как «страна Сибирская», «Сибирская земля» или «вся земля Сибирская» («Сибирские земли»), «Сибирское царство», «царство бесерменьское в Сибири» (ПСРЛ. – т.36. – ч.1; т. 13). На татарском языке это «царство» (или «земля» – кстати, последнее обозначение скорее всего является калькой с термина «вилайят») называлось в XVI в. «Искер йорты» (Радлов В.В., 1872). Понятно, что ядром этого наименования является название столичного центра «царства» – «града Сибири» (он же – город Искер).

В большинстве случаев государствообразующее, т.е. политически доминировавшее в данном ханстве этническое формирование, именуется в источниках «татарами». Иногда оно в русских документах определяется как мусульмане: «босурмане», «окаянные бусорманы», «поганные», «нечестивые татары» (ПСРЛ, т.36, ч.1). Несмотря на неполное усвоение ислама некоторыми группами сибирских татар в ханское время, приведенные характеристики указывают в целом на исламский облик этого сообщества.

Так как тут мы имеем единообразие использовавшегося по отношению к сибирским татарам этнонима, образование названия их государства по той же модели, что и в других татарских ханствах, признание этой общности мусульманской, следует полагать, что в XVI в. сибирско- татарская народность уже реально существовала. Тем не менее, она обладала определенными особенностями. Во-первых, часть сибирских татар могла вести кочевой или полукочевой образ жизни. Во-вторых, клановые деления, имевшиеся в Сибирском ханстве, надо рассматривать скорее как территориальные кланы или даже как феодальные «дома», включавшие в свой состав и рядовых сородичей.

В-третьих, эта народность была относительно немногочисленной (10-12 тыс. чел. на конец XVI в.).

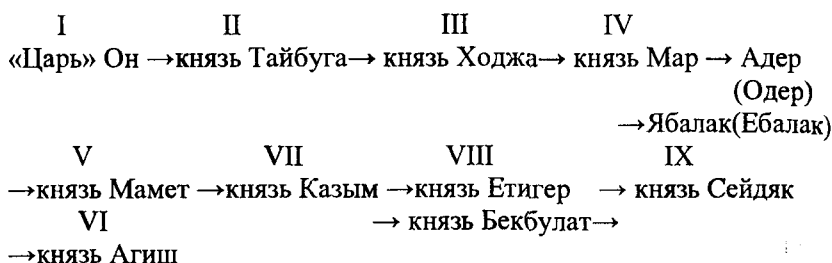
В целом, этническая общность сибирских татар периода ханства вряд ли отличалась по своей социальной структуре от синхронных позднезолотоордынских ханств. Тем не менее, сам набор правящих кланов в государстве явно было уникальным, что скорее всего объясняется былым вхождением территории вилайята Чимги-Тура в государство кочевых «узбеков» (Шибанидов). Однако, этот вопрос также нельзя рассматривать слишком упрощенно.

Литература

1. Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары. Историко-этнографические очерки. – Казань, 1980.
2. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. – Казань, 1992.
3. Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири. История и культура / Культура народов России. – т. 2. – Новосибирск, 1996.
4. Исхаков Д.М.. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV-XVI вв.). Научное издание. – Казань, 1998.
5. Исхаков Д.М. Общие моменты в этнической истории татар Волго-Уральского региона и сибирских татар (периода Булгарского государства, Золотой Орды и татарских ханств) // Мирас. – 1998. – №3. – С.73-93 (на тат.яз.).
6. Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке. – Тобольск, 1896.
7. ПСРЛ. –т. 36. Сибирские летописи ч.1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987.
8. ПСРЛ. – т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965.
9. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. ч.IV. – СПб., 1872.
10. Татары. – М.: Наука, 2001.
11. Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. – Томск, 1978.
12. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XIX вв. – Новосибирск, 1992.

К ВОПРОСУ О КЛАНОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТАЙБУГИДОВ (по русским и тюркским источникам) *

Носители титула «Сибирский князь» – Тайбугиды, возводимые в сохранившихся в составе так называемых «Сибирских летописей» родословных к некоему князю Тайбуге [см.: ПСРЛ. 1987. Т. 36], являются довольно загадочной группой знати из Сибирского ханства. Родословная их, согласно «Сибирским летописям», выглядит так:

Несмотря на то, что в информации из «Сибирских летописей» имеются легендарные сюжеты, рассматриваемая генеалогия может быть введена в определенные хронологические рамки. Так, по летописным данным, князь Мар был женат на сестре «казанского царя» Упака. Под последним надо понимать Шейбанида хана Ивака (Ибрагима), правителя Тюменского ханства [о причинах именовании его «Казанским ханом», см.: Исхаков 1998:86]. После 1493 г. его имя в источниках больше не встречается. Далее, о князе Мамете (Маомете) в указанных источниках сказано, что он убил «царя Упака». Получается, что этот князь жил в конце XV в., а князь Мар – ближе к середине XV в. С другой стороны, по сохранившимся русским источникам известно, что князь Сейдяк упоминается еще в 1588 г., а князь Едигер – в 1555-1556 гг. [Миллер 1937:209; Летопись Сибирская 1821:29]. Если на три поколения, которые идут в родословной перед этими двумя князьями, в общей сложности дать 75 лет (по принятым стандартам

* Опубликовано: К вопросу о клановой принадлежности Тайбугидов (по русским и тюркским источникам) // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11-13 декабря 2000 г., г. Тобольск). – Тобольск – Омск, 2000. – с. 51-53.

по 25 лет на поколение), то время жизни князя Мара, современника Шейбанида Ибрагима (Ивака) хана, будет приходиться на 1460-1480-е гг. Как видим, обе методики подсчета дают достаточно близкие даты.

Титул Тайбутидов, за исключением основателя их рода – Она, которого «Сибирские летописи» определяют как «царя», во всех случаях называется как «князь», точнее, «Сибирский князь». Полагаю, что этот титул необходимо рассматривать в ряду известных в XIV-XV вв. титулов «Болгарский (он же – Казанский) князь», «Мещерский князь», «Астраханский князь», фиксируемых русскими летописями в Волго-Уральском регионе. В основе этих титулов лежит наименование этнополитического центра конкретных вилайетов Золотой Орды, позже переживших процесс обособления. «Князь Сибирский» также был правителем такого центра: в «Сибирских летописях» приводится сообщение о том, что после смерти «царя Упака» князь Мар основал «град Сибирь», по которому «прозвася вся страна».

Вопрос о клановой принадлежности «Сибирских князей» до сих пор остается невыясненным. Недавно эту проблему проанализировал американский историк А. Франк, высказавший мнение о ногайской этнической принадлежности Тайбутидов [Frank 1994]. Близкий вывод содержится и в моей статье, на которую я выше уже ссылался. Тут приведу один интересный документ, как будто бы подтверждающий этот тезис – речь идет о грамоте, отправленной в 1597 г. хану Кучуму из Москвы. В ней сказано: «которые ногайские улусы, Тайбугин юрт, которые кочевали с тобою, от тебя отстали, на которых людей была тебе большая надежда..., а иные пошли в Бухары и в Ногаи и в Казацкую Орду». Действительно, в Ногайской Орде во второй половине XVI в. известна должность «тойбуги» (тайбуги) [Кочакаев 1988:40-41; Трепавлов 1997/98:96-107¹]. Существовали и особые «тайбугины пошлины», собираемые этим должностным лицом [Акты времени правления царя Василия Шуйского 1914:165]. В связи с тем, что по отношению к улусам, подчиненным тайбуге, применяется термин «юрт» и с них собиралась «пошлина» (очевидно – ясак), в «Тайбугине юрте» можно видеть отдельное кочевое княжество (не исключено и наличие оседлой части населения), входившее в состав Сибирского ханства.

¹ Б.А.Кочакаев считал, что занимавший эту должность, являлся четвертым лицом в иерархии ногайских феодалов. В.В. Трепавлов полагает, что эта должность была третьей по значению.

Возникает вопрос: не следует ли рассматривать этот «юрт» в ряду других мангытских юртов [о них см.: Исаков 1998], характерных для остальных татарских ханств?. Это заманчивое предположение, тем более, что о крупной роли ногайцев в Тюменском, затем в Сибирском ханствах писали многие авторы (обзор см. в работе А. Франка). Это же подчеркивал и автор XVI в. Утемиш-хаджи, полагавший, что под «Турой» (подразумевается столица вилайета Чимги-Тура – центр Тюменского ханства) надо понимать осевших на землю *мангытов* (ногайцев) [Вәлиди Туган 1994:23-25]. Такой вывод, однако, выглядит преждевременным хотя бы потому, что В.В. Трепавлов достаточно убедительно показал, что должность тайбуги в Ногайской Орде возникла лишь в 1584 г., когда из-за походов Ермака часть улусов Сибирского ханства (в данном случае, подчиненных Тайбугидам) откочевала и вошла под протекторат Ногайской Орды. Именно тогда во главе их мог быть поставлен представитель мангытской знати. Кроме того, отец Сибирского князя Едигера был женат на сестре правителя Ногайской Орды князя Исмагиля [Трепавлов 1997/98:100], а дочь последнего вышла замуж то ли за князя Едигера, то ли за его сына [ПДРВ. 1793. Ч. IX:315; 1795; Ч. X:322]. Сомнительно, что женщины из правящего дома Ногайской Орды выходили замуж за своих близких родственников. Общий вывод: Сибирские князья не принадлежали к клану Мангыт.

То, что «Тайбугин юрт» как особое владение существовало и ранее его вхождения в состав Ногайской Орды, видно из замечания Утемиша-хаджи о том, что клан Найман (*Найманнар*) пребывал в бассейне р. Иртыш в «Тайбугином юрте» [Kafali:1976:44]. Так как сочинение этого историка написано по поручению Шибанида Иш-султана (убит в 1558 г.) в первой половине XVI в. [Утемиш-хаджи 1992:5], приведенное высказывание Утемиша-хаджи подтверждает существование отмеченного выше владения в районе р. Иртыша не позже первой половины XVI в., причем в составе населения этого «юрта» имелись и *Найманы*.

Подсказка относительно клановой принадлежности Тайбугидов содержится в работе А.–З. Валиди-Тогана. Он, опираясь на имевшуюся в его распоряжении полную версию рукописи Утемиш-хаджи «Чингиз-наме», сообщает о сыне князя (бея) «салжавутского тумена» Тайбуги, мурзе Ядигаре [Вәлиди Туган 1994]. Полагаю, что этот Тайбуга и есть основатель династии Сибирских князей – князь Тайбуга из родословных. Кстати, то, что Тайбуга был реальной личностью, вытекает и из одной рукописи, обнаруженной

у сибирских татар. В ней говорится о том, что во главе 500 человек «из Бухары» пришел Тайбуга бий, сын Шах-Мурада и основал г. Искер [Усманов, Шайхиев 1979:91]. Связь этих князей с Бухарой отчетливо прослеживается и по «Сибирским летописям». Когда хан Кучум захватил г. Сибирь (т.е. Искер) и убил Сибирских князей братьев Едигера и Бекбулата, сын последнего князя – Сейдяк, бежал именно в Бухару, а во время похода Ермака вновь появился в Сибирь «из Бухарские земли» [ПСРЛ. 1987. Т. 36:48-59].

Еще одно направление поисков – это данные башкирских родословных. В одной из генеалогий башкирского племени *ай* (*эйле, эйзе*) речь идет об их проживании «на Сыр-Дарье» или близ Бухары [Кузеев 1974:198-199]. Говорится и об их нахождении вблизи Хорезма, Ургенча, Хивы, Кунграта [Башкирские шежере 1960:171-172]. Уместно отметить, что в преданиях башкир-айлинцев упоминается Сейдаш богатырь, будто-бы женатый на дочери «каракалпакского и киргизского хана» и сам являвшийся «ханом» [см.: Катанов 1896:9-10]. Последний факт говорит о высоком статусе этого человека. Но любопытно, что Сейдаш богатырь затем бежал в долину р. Миасс (Миач). Как видим, имя «богатыря» созвучно имени Сибирского князя Сейдяка, как уже указывали, пришедшего «из Бухарских земель» в сопровождении какого-то казахского султана. Тут необходимо напомнить, что в составе сибирских татар имеется группа аялы [Валеев 1980:35; Томилов 1992:46; Кузеев 1974:207], несомненно, связанная с башкирами-айлинцами [Кузеев 1974:196]. Наконец, именно у башкир-айлинцев имеется подразделение *сольют*, т.е. *салжигут* [Валиди Туган 1994:25]. В плане обсуждаемой проблемы интерес представляет и следующее место из рукописи Утемиш-хаджи, приводимое в работе А. –З. Валиди-Тогана. Автор рукописи, рассказывая о хане Махмуд-ходже (он был современником ханов Абулхайра и Хаджи-Мухаммеда), чьи владения находились между Тоболом и Ишимом (ставка – на берегу р. Тобол), пишет, что тот «воевал с представителями эля Тура против тюменей (племен) кунграт и салжигут» [Кузеев 1974:232-238].

Таким образом, Сибирских князей по клановой принадлежности можно считать *Салжигутами*. Но они были всего лишь правящим кланом, а сама их дружина, скорее всего, имела более сложный этнический состав. Об этом, прежде всего, мы можем догадаться из сообщения «Сибирских летописей», в котором о приходе князя Сейдяка из «Бухарские земли», говорится: «...И собрався со всем домом своим и с воинскими людьми» (или «с

воинством многим»). Возможно, что это воинство состояло из *аялинцев*. Кстати, то, что *аялинцы* оказались частично в составе башкир, скорее всего, связано с подчинением «Тайбугина юрта» после 1584 г. Ногайской Орде. Не исключено и присутствие в этом юрте *Найманов*.

Обращает на себя внимание и локализованная в Зауралье группа башкир – представители племени *сальют*, многие аспекты этнической истории которых еще предстоит выяснить. В этой связи, по-видимому, можно ставить вопрос о позднем характере разделения некоторых групп Приуральско-Западносибирского региона на «башкир» и «татар».

Литература

Акты времени правления царя Вас. Шуйского (1606-1610). М. 1914.

Башкирские шежере. Уфа, 1960.

Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XIX вв. Историко-этнографические очерки. Казань, 1980.

Вәлиди Туган Ә.-З. Башкорттарзың тарихы. Төрк һәм татар тарихы. Өфе, 1994.

Исхаков Д. Идел-Урал буе һәм Себер татарларының этник тарихларындагы уртаклыклар // Мирас, № 3, 1998.

Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV-XVII вв.). Казань, 1998.

Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке. Тобольск, 1896.

Kafalı M. Altın orda hanlığının kuruluş ve yükseliş devirleri. - İstanbul, 1976.

Кочекаев Б.А. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. Алма-Ата, 1988.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав. История расселения. М., 1974.

Летопись Сибирская. Изд. с рукописи XVII в. СПб., 1821.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М. –Л. 1937.

Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М., 1987.

ПДРВ. Ч. VIII – Ч. IX. 1793; Ч. X. СПб., 1795.

Усманов М.А., Шайхиев Р.А. Образцы татарских народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979.

Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск, 1992.

Трепавлов В.В. Тайбуга. «На Мангытском юрте третий государь» // Tatarica. № 1, 1997/98.

Утемиш-хаджи. Чингыз-наме / Факсимиле, перев., транскр., текстол. прим., исслед. В.П. Юдина. Коммен. и указ. М.Х. Абусеитовой. – Алма-Ата: Гылым, 1992.

Frank A. The Siberian chronicles and the Taybughid biys of Sibir // Papers on Inner Asia. № 27. Bloomington, Indiana, 1994.

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ТЮРОК ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В XV В. *

Вопрос о политическом и этническом взаимодействии тюрко-татарского населения Волго-Уральского региона и Западной Сибири в период формирования и укрепления позднесолотоордынских татарских государств в XV в. в отечественной историографии остается изученным весьма слабо. Эту тему в свое время вскользь затрагивал Г.Ф. Миллер, но преимущественно применительно к XVI в. [Миллер 1937:194-199]. После него о контактах между населением и политическими образованиями двух регионов более раннего времени писали лишь С.В. Бахрушин и Б.А. Ахмедов. Первый из них в статье, посвященной сибирским служилым татарам (1937 г.), обратил внимание на два хорошо документированных случая ухода в Западную Сибирь знатных казанских татар – после 1487 г. «в Тюмень» и в 1496 г. вместе с ханом Мамуком, видимо, туда же [Бахрушин 1955:165]. Второй исследователь обратил внимание на то, что в некоторых источниках имеются сведения о вхождении в определенный период XV в. в состав так называемого Государства кочевых узбеков (Государство Шибанидов) наряду с предшественником Тюменского ханства – вилайетом Чимги-Тура, и Булгарского вилайета [Ахмедов 1965:94]. Далее он высказал предположение о том, что Шейбанид Ибрагим (Сайид-Ибрагим) хан в конце 1470-х – начале 1480-х годов захватил на короткое время казанский престол [Ахмедов 1965:61]. Из зарубежных ученых некоторые новые данные об этнополитической ситуации в интересующем нас районе в XV в. привел в своем исследовании, посвященном истории башкир, известный турецкий ученый башкирского происхождения А.-З. Валиди Тоган. В частности, опираясь на полную версию рукописи «Чингиз-наме» историка XVI в. Утемиша-хаджи, он высказал мнение о подчинении основателю Тюменского ханства Шейбаниду Хаджи-Мухаммеду (правил между 1420/21 – 1428/29 или 1430 годами) наряду с прочими

---

* Опубликовано: К проблеме этнических и политических связей тюрок Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. / Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9-11 декабря 2002 г., Тобольск). – Тобольск – Омск, 2002. – с. 173-181.

территориями и владений в Среднем Поволжье – «Алатыря, мокши и города Болгара с окрестностями» [Вәлиди Туган 1984:24-26].

Несмотря на то, что обсуждаемая проблема заслуживает серьезного анализа, ее разработка невозможна без расширения источниковой базы. К уже имеющимся источникам нам удалось добавить два новых – данные поволжско-татарских «летописей» [Архив ИЯЛИ АНТ. Ф. 18. Оп. I. Д. 6] и сведения, содержащиеся в родословных башкир из племени табын и его подразделений [Исхаков 1998]. На основе ранее известных и новых источников появилась возможность говорить о двух значительных этнополитических контактах тюрко-татарского населения Волго-Уральского региона и Западной Сибири в XV в. (в первых десятилетиях этого столетия и в его последней четверти).

Взаимодействие тюрко-татарских этнополитических объединений двух регионов в первой половине XV в.

В совершенно независимых друг от друга трех источниках сохранились интересующие нас сведения, относящиеся к периоду от конца XIV в. до 1430-х годов. Частично они перекликаются между собой, но в некоторых моментах остаются уникальными. Это, прежде всего, сообщение из анонимного сочинения «Тарих-и гузидэ, Нусрат-наме», написанного на староузбекском языке и завершеного около 1505 г. [Ахмедов 1965:19-20]. Согласно ему, «жители Жанги-Туры (Чимги-Туры – Д.И.) и Булгара платили ханской казне(т.е. казне Абулхайра – Д.И.) ясаку» [Ахмедов 1965:94]. Б.А. Ахмедов, кроме того, указывает, что о подконтрольности хану Абулхайру «правобережной Волги от Булгара до Дербента» сообщается еще в двух источниках – в сочинении XVI в. Хафиз-и Таниша «Абдулла-наме» (оно известно и под названием «Шараф-наме-йи шахи» [Хафиз-и Таныш ибн Мирх Мухаммад Бухари 1983: 4]) и в труде первой половины XVII в. «Бахр-ал-асрар» Махмуда ибн Вали [Ахмедов 1965:71]. Для Б.А. Ахмедова, фактически впервые введшего эту информацию в научный оборот, она оказалась трудной для осмысления. В итоге он никак ее не комментировал, а при определении границ Государства кочевых узбеков в его состав Среднее Поволжье не включил [Ахмедов 196:94]. Но, похоже, что приведенные данные рано или поздно придется принять во внимание. Кроме уже указанных источников, аналогичное сообщение содержится и в сочинении «Чингиз-наме» историка XVI в. Утемиша-хаджи [Бартольд

1973:164-109], о чем мы знаем благодаря работе А.-З. Валиди Тогана. Он пишет о том, что в труде этого историка сказано следующее: «...Шейбанид Хаджи-Мухаммед хан ибн Гали был великим падишахом во всех вилаятах, (завоевав) башкир, алатыр, мукши и город Болгар (с окрестностями), а также известных под именем мангытских поселении город Туру» [Валиди Туган 1984:25-26]. Уже комментируя фактически это место из источника, А.-З. Валиди Тоган отмечает, что «...сыновьям (потомкам) Шейбана, правившим башкирскими родами, кроме Западной Сибири и бассейна Чулмана (т.е. Камы – Д.И.) подчинялись болгары и район Алатыра» [Валиди Туган 1984:24]. На самом деле при анализе генеалогии Шейбанидов он приводит еще одно доказательство их правления в Булгарском вилайете [Архив ИЯЛИ АНТ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 6], которое в силу некоторых причин тут пока анализироваться не будет. Но даже сказанного достаточно для того, чтобы сделать заключение о существовании в среднеазиатских исторических источниках XVI-XVII вв. устойчивой традиции, подчеркивающей зависимость тюркского населения Булгарского вилайета от Шейбанидов, особенно в первых десятилетиях XV в., возможно, до образования Казанского ханства (при ханах Хаджи-Мухаммеде, Абулхаире).

Эта традиция сама по себе заслуживает пристального внимания, так как политическая история периода распада Золотой Орды известна очень фрагментарно. Но в данном случае важно другое: существование на рубеже XIV-XV вв. (шире – в первых десятилетиях XV в.) этнополитических контактов между тюркским населением Поволжья и Западной Сибири находит неожиданное подкрепление в одной из поволжско-татарских «летописей»¹ [Катанов, Покровский 1906:303-348; Фахрутдинов 1984:153-166] из коллекции известного татарского ученого А.Рахима. В источнике сказано: «...пришел Мир-Тимур (эмир Тимур – Д.И.) и взял Болгар, разорил (его)». Тогда, согласно источнику, один из сыновей правителя Булгара хана Абдуллы (Габдуллы) по имени Алтун бик, оказался на новом месте – он «с остатком своего народа держал юрт в городе Казани». Другой сын хана, которого звали Алим бик, вначале также находившийся со своим братом, «не возлюбив Казань, пришел в Тобол-Туру. Придя туда держал (там) юрт. Старая Тобол-Тура построена им» [Архив ИЯЛИ АНТ. Ф. 18. Оп. 1.

¹ Несмотря на давнюю традицию использования этих рукописных «историй» летописного характера, полного системного анализа их до сих пор не проделано.

Д. 6). Это сообщение взято А. Рахимом из татарской рукописи «Тарджимаи Ферхег-наме», введенной в научный оборот еще в первой половине XIX в. [Фахрутдинов 1984:154].

Сами личности, о которых идет речь в рукописи, широко известны из многих других татарских письменных источников [Усманов 1972:116-120; Фахрутдинов 1984:155-156]. По некоторым версиям историков, упомянутый выше Абдулла хан может быть идентифицирован с сыном хана Узбека ханом Абдаллахом, правившем в 1361-1363 гг. в Орде беклерибека из клана Кият Мамай, в 1367 г. – в г. Сарае, затем (примерно с 1368 г.) находившийся в Крыму (до 1370 г.) [Сафаргалиев 1960; Әхмәтжанов 1994; Исаков 1997]. Позже он мог оказаться в Булгарском вилайете [Әхмәтжанов 1994:62; 1997:33; Госманов 1994:261-262]. В таком случае легендарные сведения татарских «летописей» о хане Абдулле (Габдулле) и его сыновьях, приобретают определенную историчность. Правда, рукописный сюжет об основании «Тобол-Туры» или «Старой Тобол-Туры» выходцами из Булгарского вилайета не может быть напрямую связан с данными других источников о подчинении «Булгара с окрестностями» Шейбанидам. Тем не менее, он подтверждает факт существования в конце XIV – первых десятилетиях XV вв. пока не поддающихся однозначной трактовке контактов между населением двух этнополитических центров. Понятно, что вся эта информация не укладывается в сложившиеся исторические представления. Но для более детального их разбора необходимы новые источники.

Взаимодействие Казанского и Тюменского ханств в последней четверти XV в.

Наличие торгово-экономических связей между Казанским и Тюменским ханствами во второй половине XV в. подтверждается русскими летописями. Например, под 1475 г. в Патриаршей (Никоновской) летописи сказано: «Татарове Казаньстии побили Устюжан в Каме 40 человек, едучи кь Тюмени торгом» [ПСРЛ 1965:158]. Через шесть лет (в 1481 г.) в русских летописях появляется другое сообщение, в котором речь идет об устюжанах, воевавших под г. Чердынем. Про них далее говорится: «...на Каму шедши, да встретили гостей и Тюменских татар», которых устюжане «пограбили» (или «посекли») [ПСРЛ 1965:95; Устюжские и Вологодские летописи 1982; Документы по истории 1958:263]. Не исключено, что тут имеются в виду торговые татары, плывшие из

Тюменского в Казанское ханство, или наоборот. Но реальные контакты между двумя этнополитическими образованиями во второй половине XV в. были гораздо более обширными.

Еще Г.Ф. Миллер, опираясь на «Сибирские летописи», писал о «Казанском хане Упаке», укротившем Тайбугида Мара и подчинившем «город Чингидин или Чимги ... с землями». Этот автор далее указывал, что внук этого Тайбугида по имени Махмет, в конце концов, убил хана Упака, находившегося в момент смерти в «городе Чимги» со «многими Казанскими татарами» [Миллер 1937:194]. Это сложное по содержанию сообщение, попавшее в «Сибирские летописи» скорее всего из исторических преданий сибирских татар [Бахрушин 1916:28], по многим причинам заслуживает внимания.

Что касается самой фигуры «хана Упака», то под ним надо понимать правителя Тюменского ханства Шейбанида Ибрагима (полное имя – Сайид-Ибрагим), известного в русских источниках как Ивак (Ибак). Из источников его имя исчезает после 1493 г.² Следовательно, события, которые описываются в «Сибирских летописях» в связи с этим ханом, случились до середины 1490-х годов. Что это за события и почему «Сибирские летописи» называют Шейбанида Ибрагима «Казанским ханом», да еще упоминают рядом с ним «многих Казанских татар»?

Прежде всего, Шейбанид Ибрагим хан в 1480-х – начале 1490-х годов принимал активное участие в политической жизни Поволжья. Так, хорошо известна его вовлеченность в 1481 г. в действия против Большой Орды³. Затем в 1489 г. он пытался непосредственно

² Хотя иногда пишут, что он был убит в 1495 г., на самом деле точная дата его смерти неизвестна.

³ В Устюжской летописи (Архангелогородский летописец) по этому поводу сказано: «...царь Ивак Шибанский ... приде... в Нагаи, а с ним силы 1000 казаков. И взял с собою шурью свою из Нагаи Мусу мырзу да Ямгурчей мырзу, а с ними силы пять на десять тысяч казаков ... приде безвестно с мырзами ... А царь Ивак... вскочи в белу вежу цареву Ахматову и уби его своими руками... А шибаны с нагаи начаша ахматову орду грабити... И стоял царь Ивак 5 дней на Ахматове орде и поиде прочь, а ордобазар с собою поведе в Тюмень, не грабя, а добра и скота и полону... бесчисленно поимал и за Волгу перевел» [ПСРЛ. Т. 37]. В Патриаршей (Никоновской) летописи событие изложено короче, а убийцей хана Ахмата назван «шурин ... царя Ивака Нагайского ...Нагайский мурза Ямгурчей» [ПСРЛ. Т. 11-12]. Но первое появление хана Ибрагима в Поволжье относится еще к 1471 г. Оно было связано с борьбой за наследие хана Абулхаира [Шейбанида. 1849; Нестеров А.Г.: 2001].

вмешаться в казанские дела, что было связано с уходом после низложения в 1487 г. при участии русских войск казанского хана Ильгама и интронизации на это место московского ставленника Мухаммета-Амина, целой группы казанской знати вначале в Ногайскую Орду, а затем, возможно частично, в Тюменское ханство [Сборник РИО 1884:129]. Об этом становится известно из послания 1491 г. мурзы Ямгурчи из Ногайской Орды Ивану III. Мурза пишет: «...Алгазыя просишь: Алгазыя яз не видал, с Ибраимом царем к Тюмени поехал, ... у Ибраима царя в Тюмени живет» [Сборник РИО 1884:94]. Упомянутый тут Алгазый, бывший достаточно крупной политической фигурой, известен по некоторым русским летописям. В частности, в Устюжской летописи (Архангелогородский летописец. Список Мациевича) под 1487 г. говорится: «Един князь татарский именем Алгазы с царем (Ильгамом – Д.И.) в город (т.е. в Казань – Д.И.) не полезл..., силе великого князя много дурна учинил... И после того князя сила великого князя прогна за Каму в поле» [ПСРЛ 1982:50, 97]. В сентябре 1489 г. имя этого князя всплывает в грамоте, присланной из Муром в Москву по поводу ногайских послов (в их составе был и «Иваков слуга» князь Чюмгур). Там сказано, что послов «Подем» провожали «Алказый, да Бегиш, да сын его Утеш, да Чет, да и Кайсым Сегит» [Посольские книги 1995:85]. Очевидно, эта группа «Алегамовых царевых людей»⁴ тогда еще находилась в Ногайской Орде, так как привезший в ноябре 1489 г. в Москву грамоту хана Ибрагима князь Чюмгур прибыл «из Нагаи» [Посольские книги 1995:19]. Хан Ибрагим в своей грамоте предлагал Ивану III отпустить к нему опального хана Ильгама [Посольские книги 1995:21], видимо, имея планы в дальнейшем использовать его в политических целях, тем более, что из ответного послания Ивана III видно, что «Алказый, да Тевекел Сеит, да Касым Сеит, да Бегиш с сыном, с Утешем, и иные их товарищи и тех людей Ивак да и мырзы у себя держат» [Посольские книги 1995:21]. Они еще находились недалеко от территории Казанского ханства, ибо из грамоты Ивана III вытекает, что они вместе с людьми мурзы Ямгурчи «землю Магмет-Аминева цареву... воевали» [Посольские книги 1995:22]. Но, как явствует из послания мурзы Ямгурчи в Москву за 1491 г., затем князь Алгазый поехал с ханом Ибрагимом «в Тюмень». Их отъезд, возможно, был связан с

⁴ Среди них было много знатных лиц. Это не только двое сеидов, одни из которых – Тевеккель сеид, являвшийся, скорее всего, верховным сеидом, но и Бегиш с сыном, бывшие по клановой принадлежности Ширинами [Сборник РИО 1895:131]. Не исключено, что Бегиш был женат на сестре хана Мухаммет-Амина [См.: Сборник РИО 1895:133].

тем, что мангытская знать посадила на престол другого хана – Абдел-Фатта («Абелек Еменака царя»). Последний в своем послании Ивану III (октябрь 1490 г.) сообщал: «Апася князь (ногайский князь Габбас – Д.И.), Муса, Ямгурчей мырза, и их дети и их братиа царем мя себе держат. С мангыты из старины братья и товарищи есмя» [Посольские книги 1995:33]. Однако из-за внутренних противоречий в Ногайской Орде на престол в 1492 г. опять был приглашен хан Ибрагим. Вот что говорится об этом в послании московских людей, находившихся у мурзы Мусы: «...А Опас... да Ямгурчей с Мусою не в миру, а рекши... Опас да Ямгурчей послали в Тюмень по Ивака... царя, а зовут к себе». Далее в документе отмечается, что «ногаи кочуют под Тюмень противу Ивака. А Ивак ... идет к ним по их речем» [Посольские книги 1995:44]. Другое сообщение, датированное 27 октября 1492 г., подкрепляет эту информацию: «А Нагаи Муса да Ямгурчей мурза Ивака да Мамука цари учинити идут, к Астрахани были пошли, и как слышавши назад к Тюмени покочевали...» (Сборник РИО 1884:168). Но все-таки хан Ибрагим в итоге оказался в Поволжье, о чем свидетельствует его послание в Москву, отправленное в ноябре 1493 г. В сопровождении к грамоте сказано, что оно «от царя от Ивака, от Нагайского». Хан Ибрагим пишет: «...Тимер Кутлуева сына убивши, Саинский есми стул взял. Да ещо: сам с братьями и з детми условившыся, а великого князя детей на княженье учинив, на отцов юрт, к Волзе пришед, стою». Далее он просит Ивана III, чтобы тот отправил к нему опального казанского хана Ильгама [Посольские книги 1995:46].

Глубокая вовлеченность Шейбанида хана Ибрагима в дела Казанского ханства видна и из других документов. Например, казанский хан Мухаммет-Амин в грамоте крымскому хану Менгли-Гирею (19 января 1491 г.) указывает: «Ивак, да Мамук, да Муса, да Ямгурчей, *еже лет* (выделено нами – Д.И.) на меня войною приходят» [Архив Института истории (г. Санкт-Петербург). Ф. 36. Оп. 1. Д. 83. Л. 223]. Действительно, о походе «некоторых Нагайских мурз» против Казанского ханства известно и из сообщения московского посла от 29 октября 1490 г. [Архив Института истории (г. Санкт-Петербург). Ф. 36. Оп.1. Д. 83. Л. 60]. В мае 1496 г. до Москвы дошло послание казанского хана Мухаммет-Амина, в котором говорилось, что «идет на него Шибанский царь Мамук со многою силою». Причем хан Мамук имел какие-то связи с правящими кланами в Казанском ханстве, так как летописи указывают, что «Казанские князи... измену чинять». Это не удивительно, имея в виду предшествующую активность

Шейбанидов в Поволжье. Далее в летописном известии рассказывается о том, что после посылки на помощь казанскому хану Мухаммет-Амину московских войск, эти «Казанские князья... выбегоша ис Казани къ царю Мамуку». Последний, «слышав силу многу великого князя въ Казани и възвратися во свояси» [ПСРЛ 1965:242-243]. Понятно, что при этом с ханом Мамуком ушли и знатные казанские татары, причем они, скорее всего, как видно из дальнейшего, оказались в Ногайской Орде. В Патриаршей летописи сказано: «...Не по мнозе же времени сведавъ царь Мамукъ Шибанский, что воевода великого князя пошелъ ис Казани со всею силою назадъ во свояси, понеже къ Казани измена бысть... и вести къ Мамуку ис Казани присылаху; Мамукъ же царь вборзе прииде ратию подъ Казань со многою силою Нагайскою и со князи Казанскими ... приступи ко граду ... и взя Казань» [ПСРЛ 1965:242-243]. Но хан Мамук на казанском престоле закрепиться не смог и из-за противоречий с «Казанскими князьями» он «вскоре поиде отъ Казани въ свояси и на пути умре» [ПСРЛ 1965:242-243].

При уходе хана Мамука или несколько позже⁵, к Шейбанидам ушли и некоторые знатные казанские татары. В частности, это вытекает из «вести», присланной новым казанским ханом Абдыл-Латыфом в Москву в 1499 г. Хан отмечает, что «на него идет Агалак царевич, Мамуков брат, да Урак князь казанских князей» [ПСРЛ 1965:250]. Судя по этому сообщению, князь Урак, известный в Казанском ханстве с 1489 г. [ПСРЛ 1965:50, 96], являлся беклерибеком (князь князей), т. е. был весьма влиятельной политической фигурой. Надо думать, что он из ханства ушел не один, а со своими сторонниками и родственниками. В русских летописях сказано, что узнав о приближении посланных на помощь Казани московских войск, «Агалак ... и Уракъ... побегоша во-сваяси» [ПСРЛ 1965:250]. Имея в виду, что в этом вторжении участвовало войско численностью до 80 тыс. чел. [ПСРЛ 1982:51, 98], можно предположить, что оно также проходило при участии ногайцев. Об этом может свидетельствовать сообщение, рассказывающее о последующем вторжении ногайцев на территорию Казанского ханства, состоявшемся через год. Под 1500 (7008) г. в Патриаршей (Никоновской) летописи сказано: «Того же лета приходиша Нагайския татарове... со многими людьми подъ Казань-городъ ... стояху три недели...» [ПСРЛ 1965:253]. Хотя в данном сообщении не сказано о

⁵ Судя по некоторым русским летописям, один из «Казанских князей», сотрудничавших с ханом Мамуком-Калимет, был убит ханом Мухаммет-Амином лишь в 1502 г., причем «в Казани». [ПСРЛ Т. 37:52, 99].

присутствии в составе этого войска ушедшей к Шейбанидам казанской знати, она скорее всего находилась там.

На основе изложенного материала вернемся к рассказу о «казанском хане Упаке», сохранившемся в «Сибирских летописях». Несмотря на то, что в Казанском ханстве между 1467-1479 гг. правил хан Ибрагим из династии Улу-Мухаммеда, у нас нет оснований соглашаться с гипотезой Б.А. Ахмедова о возможности нахождения на рубеже 1470-80-х годов Шейбанида Ибрагима (Ивака) на казанском престоле. Имея в виду, что «Сибирские летописи» отражают данные, сохранившиеся в народной памяти сибирских татар, скорее надо говорить о том, что в них причудливым образом смешались реальные события (нахождение Шейбанида хана Ибрагима в Поволжье, его повышенный интерес к Казанскому ханству, кратковременное пребывание хана Мамука на казанском троне) и характерные, для такого рода источника, легендарные сведения. Но относительно возможности нахождения «в Тюмени» достаточно большого числа казанских татар в последней четверти XV в. этот источник прав – как мы уже видели, два случая ухода знатных казанских татар к Шейбанидам (после событий 1487 и 1496 гг.) документированы достаточно надежно.

Однако нельзя полагать, что движение населения было только из Казанского ханства в Западную Сибирь. Наблюдалась и обратная миграция, о чем достаточно красноречивые данные сохранились в родословных башкир племени табын. В частности, в рукописной «истории» подразделения кара-табын, записанной Г. Чоккрыем (1826-1889) [Сокорый 1995:48-58; Башкирские шежере 1960:164-165; Нәзерголов 1985:77-87; 1985a:119-124], говорится о том, что Ахметшейх бей «был вынужден со своими близкими переселиться с берегов Иртыша» или «Иртыша и Тобола» вначале в район р. Миасс, а затем к «Чулману, где потом был основан г. Пермь». Позже они оказались на территориях Бирского и Мензелинского уездов Уфимской губернии, о чем сказано так: «...те, кто переселился туда, где потом был создан Мензелинский уезд и те, кто поселился на территории будущего Бирского уезда, себя называли «башкирами иректе» (*иректә*). Далее автор «истории» пишет: «Это прозвание осталось из-за того, что Ахметшейх..., (его) отец Кара-Табын... (и) его сородичи назывались именем иректе».

Чтобы детальнее разобраться в этой информации, вначале необходимо обратиться к той части рассматриваемой «истории», в которой речь идет о родословной кара-табынцев. В одном из вариантов шежере она выглядит так: «...Аймак Кара-Табын

произошел от Майкы бея. Во времена Чингиз-хана Майкы бей находился в местности Миядык (Миядэк) Уральских гор, проживая около р. Миасс... Его звали Уйшын Майкы бей. Сын Майкы бея – Илек бей, его сын – Алчэ бей, его сын – Булгаир бей, его сын – Кара Табын бей, которого звали Кара Газиз. Кара Табын бей бросил (оставил) древние земли и переселился на берега р. Чулман. Его сын Чулман бей родился по прибытии туда»⁶. В некоторых вариантах родословных кара-табынцев после Майкы бея идет Кара-Табын бей, а после него сразу – Ахметшейх бей; затем стоят имена Абдал бея и идущего вслед за ним Чулман бея. Это говорит о том, что в отдельных вариантах родословных в числе поколений имеются пропуски и определенная путаница звеньев родословных. Тем не менее, в наиболее полной версии шеджере, которая цитировалась выше, про Ахметшейх бея рассказывается, как завистливые дяди заставили его уйти «с берегов Иртыша» туда, где «позже возник Челябинский уезд» и он, оставив там своего сына Абдала, «поплыл на лодке по Чулману». Затем он вернулся и, взяв детей, «отправился в местности, где находился г. Пермь («где потом был основан г. Пермь») и построил там дом... Тут жена Абдал бея родила мальчика. Его прозвали Чулман беєм». Далее в «истории» рода Кара-Табын приводятся еще ряд имен и рассказывается о последующих событиях.

Несмотря на то, что в изложении событий и расстановке имен в рассматриваемом источнике есть определенные противоречия, на основе имеющихся документов эту «историю» можно ввести в более конкретные хронологические рамки. Еще Р.Г. Кузеев, впервые обратившийся к родословной кара-табынцев, пришел к выводу, что один из предводителей «иректенцев» (т.е. кара-табынцев) – Ахметшейх бей, упоминается в 1523 г. в жалованной грамоте, полученной от казанского хана Сафа-Гирея по поводу владения землями в бассейне р. Ик. [Кузеев 1974:320; Юсупов 1960:24-25]. Так как в «истории», описывающей переселение кара-табынцев из Западной Сибири в Приуралье, это событие связывается с отцом Ахметшейх бея (в некоторых версиях и с ним самим), оно может датироваться последней четвертью XV в.⁷

⁶ В «истории» Г. Чоккры сказано:

...Асыл бабам Тобол, Иртыш

Кинаринда булуб ирмеш...

⁷ Р. Г. Кузеев предлагал датировку от конца XV до начала XVI вв. [Кузеев 1974: 281, 321].

Нам представляется, что исторические предания башкир племени табын, записанные башкирским историком М. Уметбаевым (1841-1907), позволяют высказаться в пользу именно такой датировки данного события. М. Уметбаев указывает, что беи племени табын Асади и Шикарали бежали «на запад» тогда, когда в бассейне Иртыша и Ишима была война между ханами Ибаком и Шибаком; первый из них приказал убить беев. Можно предположить, что упоминаемые в преданиях ханы, это уже известный нам правитель Тюменского ханства Ибрагим (Ивак, Ибак) и внук правителя кочевых узбеков Абулхаира Мухаммет-Шейбани, которого звали и Шейбани-ханом (отсюда – «Шибак»)⁸. Для вражды у них оснований было более чем достаточно – например, известно, что хан Ибрагим убил дядю Мухаммета-Шейбани хана Шейх-Айдара [Ибрагимов 1959:202]. Хотя в родословных кара-табынцев мы не найдем имен Асади бея и Шикарали бея, родословная племени табын содержит имена Майкы бея, Шикарали и Асади беев (она выглядит так: Тюмэн би – Майкы бей – Султан бей – Ихсан бей – Арслан бей – Аллаберди бей – Асади (Эсэт) бей – Курпеч бей – Шикарали бей [Кузеев 1974:271]). Имея в виду, что хан Ибрагим умер до середины 90-х гг. XV в., уход табынцев «на запад», т.е. в Приуралье, надо относить ко времени до смерти хана Ибрагима. В итоге наиболее приемлемой датой переселения табынцев (с ответвлением кара-табын) на запад оказывается последняя четверть XV в., т.е. время наибольшей активности в Волго-Уральском регионе Шейбанидов из Тюменского ханства. Мы не исключаем, что переселение табынцев из Западной Сибири происходило в несколько этапов – «история» кара-табынцев говорит именно о поэтапной миграции [Ахметзянов 1985:63-64; 1991:52-53].

О былом нахождении группы табын в Западной Сибири свидетельствуют ряд данных. Начнем с того, что своим родоначальником табынцы признавали Майкы бея, племенная принадлежность которого определена как «уйшыны» (уйсунь)⁹. Между тем, группа уйсун в 30-60-х годах XV в. входила в состав улуса Шейбанидов («кочевых узбеков») [Султанов 1982:8]. Далее, согласно казахской традиции, ответвлением уйсуней считается племя *джалаир*

⁸ Справедливости ради надо отметить, что дядю хана Ибрагима также звали Шейбан-Гази (Шиба-Гази). Но, исходя из исторического контекста, эта фигура меньше подходит для роли хана «Шибака».

⁹ Согласно поволжско-татарской традиции, зафиксированной в «Дефтер-и Чингиз-наме» (XVII в.), принадлежность Майкы бея к группе уйшыны подтверждается [Дәфәре Чыңгыз-намә, 2000].

(жалаир) [Жунисбаев 1965:208; Аргынбаев, Муканов, Востров 2000: 38]. Как известно, «думчий» (карача) хана Кучума, попавший в 1587 г. в плен к русским – Кадыр-Али бек, был из клана джалаир [Жунисбаев 1965:208; Усманов 1972:116-120]. А у башкир группы дуван и дуван-айле (этноним *дуван* это вариант *табына*) в качестве предка указан брат Майкы бея Юлбуга, а отцом их назван Субра. Причем дуванцы отмечали приход предков «с Алтая» и «Иртыша» [Кузеев 1974: 213; Башкирские шежере 1985:158, 218]. В свете этих данных заслуживает внимания то, что имя Субра отложилось в названии одной из волостей сибирских татар (иштякско-токузская группа), известной в XVIII в. [Томилов 1981:72-74]. Наконец, нами среди заболотных татар (д. Лайтамак Тобольского района Тюменской обл.) было зафиксировано весьма интересное предание с признаками древности, в котором фигурирует «Илэк альп», воевавший с «народом сыбыр (сыпыр)» [Исхаков 1987]. Имя же этого богатыря фигурирует и в родословных кара-табынцев (он там назван сыном Майкы бея). Приведенных данных вполне достаточно для заключения о том, что группа табын (ответвление уйсуней) в XV в. действительно проживала в Западной Сибири. Последним штрихом, подтверждающим наш вывод, являются строки из «истории» Г. Чокрия:

Мои предки находились
в области Тобола и Иртыша
Происходя от эрми и чирмышей
у них совсем не видно религии

Татарский текст:

Асыл бабам Тобол, Иртыш
Кинаринда булуб ирмеш
Асылда эрми вә чирмеш
Беленмәй диннәре сарпай...

Интерпретируя эти строки, нами ранее уже высказывалось мнение, что они говорят о смешанности табынцев с уграми (по нашему мнению, на это указывают этнонимы «*эрми*» и «*чирмеш*») [Исхаков 1998:90]. Полагаем, что это еще одно доказательство проживания табынцев в Западной Сибири.

Следует отметить, что массив проникших из Западной Сибири в Волго-Уральский регион групп был значительным, и переселенцы осели не только в низовьях рек Белой и Ика, но дошли и до центральных районов Казанского ханства. [Исхаков 1998:89]. Во всех случаях, несмотря на наименование позже кара-табынцев

«башкирами», по языку и культуре они идентичны татарам. Думается, что это результат не только смешения в XVII-XVIII вв. жителей населенной кара-табынцами – «башкирами» Ирехтинской волости, с татарами [Исхаков 1985:36-44], но и связано с этнической историей ставших «башкирами» тюрок из Тюменского ханства.

Таким образом, вполне очевидно, что этнополитическую историю тюркского населения Западной Сибири и Волго-Уральского региона XV в. следует изучать в неразрывной связи. При этом в общий контекст исторических исследований нужно интегрировать и контакты с еще одним татарским государством – Шибанидским государством кочевых «узбеков». Только при таком подходе этнополитическая история тюрко-татарских образований двух смежных ареалов применительно к позднезолотоордынскому (татарско-ханскому) периоду может быть реконструирована на новой основе.

Литература

Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Ахметзянов М.И. К этнолингвистическим процессам в бассейне р. Ик (по материалам шеджере) // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985.

Ахметзянов М.И. Татарские шеджере (исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX-XX вв.). Казань, 1991.

Бартольд В.В. Отчет о командировке в Туркестан // Сочинения. Т. VIII. М., 1973.

Башкирские шежере. Уфа, 1960.

Бахрушин С. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при императорском Московском университете. № 3-4, 1916.

Документы по истории Коми. Вычегодско-Вымская (Михайло-Евтихьевская) летопись. // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958.

Жунисбаев К. Кадыргали Джаилаири // Великие ученые Средней Азии и Казахстана (VIII-XIX вв.). Алма-Ата, 1965.

Ибрагимов С. «Шейбани-наме» Бинаи как источник по истории Казахстана XV в. // Труды сектора востоковедения АН Казахской ССР. Т. I. Алма-Ата, 1959.

Исхаков Д. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX века // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985.

Исхаков Д. Путешествие в Заболотье // Казанские ведомости, 23 декабря, 1987.

Исхаков Д. Ключевой этап татарской истории // Татарстан. № 3, 1997.

Катанов И.Ф., Покровский И.М. Орывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве // Известия ОАИЭ. т. XXI. Вып. 6, 1906.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.

Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв. Извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата, 1969.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М. –Л., 1937.

Нестеров А.Г. Дорусские государственные образования Урала и Западной Сибири (к постановке вопроса) // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993.

Нестеров А.Г. Монеты сибирских Шейбанидов // Диалог культур Евразии. Вып. 2. Проблемы истории и археологии. Казань, 2001.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. Махачкала, 1995.

ПСРЛ. Т. 11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965.

ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI-XVIII вв. Л., 1982.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Сборник РИО. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турциею. Т. I. С 1474 по 1505 гг. Эпоха свержения монгольского ига в России. СПб., 1884.

Сборник РИО. Т. 95. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 3. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. 1508-1521 гг. СПб., 1895.

Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI –первой четверти XIX вв. Томск, 1981.

Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. Казань, 1972.

Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984.

Хафиз-и Таныш ибн Мирх Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). М., 1983.

Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, с переводом, примечаниями и приложениями, изданная И. Березиным. Казань, 1849.

Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М. – Л., 1960.

Аргынбаев Х., Муканов М., Востров В. Казак шежіресі хақында. Алматы, 2000.

Вәлиди Туган Ә.-З. Башкорттарҙың тарихы. Төрк һәм татар тарихы. Өфө, 1984.

Госманов М. Каурый каләм эзеннән. Археограф язмалары. Казан, 1994.

Госманов М., Мөхәммәдъяров Ш., Степанов Р. Яңа ярлык // Казан утлары, № 8, 1965.

Дәфтәре Чыңгыз-намә. Казан, 2000.

Исхаков Д.М. Идел-Урал буе һәм Себер татарларының этник тарихларындагы уртаклыклар (Болгар, Алтын Урда һәм Татар ханлыклары чорлары) // Мирас, № 3, 1998.

Нәзерголов М.Х. Кара-табын ыруы шәжәрәсе // Башкирские шежере (филологические исследования и публикации). Уфа, 1985.

Нәзерголов М.Х. Киммәтле комыртка // Агидел, №11, 1985.

Сокорый Г. Шәм яктысы. Өфе, 1995

Әхмәтжанов М. Казан ханнары тарихыннан // Идел, № 11, 1994.

Әхмәтжанов М. Түләк һәм Сусылу хақында дастан // Әдәби мирас, № 4. Казан, 1997.

Архив Института истории (г. Санкт-Петербург). Ф. 36. Оп. 1. Д. 83.

Архив ИЯЛИ АН Татарстана. Ф.18. Оп. 1. Д. 6.

НЕИССЛЕДОВАННЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ХАНСТВА КОНЦА XV-XVI ВВ. *

В литературе распространенной является точка зрения о том, что независимое Сибирское ханство или, что точнее, княжество возникло около конца 1494 – начала 1495 г. в результате убийства тюменского хана Саид-Ибрагима (Ивака, русских источников) своим родственником – князем Махмутом (Маметом) Тайбугидом¹. Это мнение основывается на информации из русских летописей, обобщенно именуемых «Сибирскими» и содержащих сведения, восходящие к преданиям и, возможно, письменным источником татарского происхождения². Вот что сообщают эти летописи: «...Адеров сын Мааметь Казанского царя Упака (т.е. Ивака – Д.И.) уби и град свой Чингиден разруши, и отиде оттуда внутрь Сибирские земли, а поставил себе град... и назвал его град Сибирь»³.

---

* Опубликовано: Не исследованные аспекты истории Сибирского ханства конца XV–XVI вв. // «Сулеймановские чтения – 2005». Материалы VIII межрегиональной научно-практической конференции. Тобольск, 12-13 мая 2005 г. – Тюмень, 2005. – с. 83-86.

¹ См., например: Нестеров А.Г. Дорусские государственные образования Урала и Западной Сибири (к постановке вопроса) // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург, 1993. – с. 235-237; Его же. Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.). // Сибирские татары. – Казань, 2002. – с. 17-23.

² Бахрушин С. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при императорском Московском университете, 1916, № 3-4. – с. 2-28; Исхаков Д.М. Об одном тюркском источнике сибирского летописания // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». 9-11 декабря 2004г., Тобольск. – Тобольск, 2004. – с. 31-32.

³ ПСРЛ. – т. 36 Сибирские летописи. ч. 1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987. – с. 47, 81, 108, 118, 129, 232, 303-304, 357. Заметим, однако, что в части Сибирских летописей, например, в краткой Сибирской или Кунгурской, Ремезовской это сообщение имеет несколько иное содержание: «...Маметь царь Казанского царя Алима победил и на устье речки Сибирки град Кашлык учинил, царство в Сибири распроставив и поддани учинил ...» (См.: Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). – СПб., 1880. – с. 6; Сибирские летописи. Издание Императорской археографической комиссии. – СПб., 1907. – с. 318).

Но такая схема политического развития владения Тайбугидов в Сибири не вполне согласуется с имеющимися источниками. Прежде всего, брат названного выше тюменского хана Саид-Ибрагима Мамук, согласно русским летописям в мае 1496 г. наступавший «со многою силою Нагайскою» на Казань, также был известен как «царь Шибанский»⁴, что скорее всего говорит о его правлении во владении своего брата, т.е. на тюменском престоле, правда, опираясь на Мангытов. Последнее, однако, было характерно и для времени правления его предшественника – хана Саид-Ибрагима⁵, поэтому не может свидетельствовать против предложенного вывода. На самом деле в пользу именно такой трактовки явно говорит еще одно сообщение некоторых русских летописей, описывающих под 1505 г. (или 1506 г.) приход на г. Великую Пермь рати «ис Тюмени, Кулук салтана Ивакова царева сына с братьею и з детьми»⁶. Обращает на себя внимание и такое обстоятельство: несмотря на то, что брат Мамука Агалак в Патриаршей (Никоновской) летописи в связи с походом на Казань в 1499 г. был назван «царевичем»⁷, как и в 1505 (1506) г. его родственник Кулук – «салтаном», в Вычегодско-Вымской (Михайло-Евтихеевской) летописи есть противоречивое выражение «сибирский царь Кулук Салтан»⁸. Мимо этого факта пройти невозможно потому, что в таком совершенно самостоятельном восточном источнике, как «Бахр ал-Асрар фи манакиб ал-ахйар» Махмуда ибн Вали, написанном между 1634-1640/41 годами⁹,

⁴ ПСРЛ. – т. 11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. – М.: Наука, 1965. – с. 242.

⁵ Исхаков Д.М. Об общности этнической истории волго-уральских и сибирских татар (булгарский, золотоордынский и позднезолотоордынский периоды) // Сибирские татары... – с. 38-40; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Изд-во «Восточной литературы» РАН, 2001. – с. 113-115.

⁶ ПСРЛ. – т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. – Ленинград: Наука, 1982. – с. 99; Документы по истории Коми. Вычегодско-Вымская (Михайло-Евтихеевская) летопись // Историко-филологический сборник. – Вып. 4. – Сыктывкар, 1958. – с. 264.

⁷ ПСРЛ. – т. 11-12. – с. 250.

⁸ Документы по истории Коми. Вычегодско-Вымская (Михайло-Евтихеевская) летопись... – с. 264.

⁹ См.: Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (Письменные памятники). – Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1985. – с. 67.

Агалак также назван ханом, правда, без уточнения места его правления¹⁰.

Похоже, что Тюменское ханство во главе с Шибанидами продолжало существовать и после смерти хана Саид-Ибрагима – по меньшей мере до 1505-1506 гг. Можно высказать предположение, что окончательная его ликвидация была связана с плохо изученной второй волной ухода Шибанидов в Среднюю Азию в 1511 г.¹¹, когда центр политической власти переместился из г. Тюмени (Чимги-Туры) в г. Бухару, куда ушли и тюменские Шибаниды. Для такого заключения есть определенные основания.

Начнем с Г.Ф. Миллера, который в «Сибирской истории», опираясь на устные предания сибирских татар, сообщает о приглашении «знатными татарами» после смерти Сибирского князя Едигера Тайбугида в 1563 г. «править в Сибири» среднего сына Шибанида Муртазы-Кучума, указав, что Муртаза тогда являлся «ханом Большой Бухары»¹². Имея в виду, что в 1550-х годах в Бухаре происходили недостаточно изученные династические распри за владение городом и вилайетом¹³, я бы не спешил отбросить возможность нахождения Муртазы некоторое время на ханском престоле в Бухаре или его участия в борьбе за него. Во всяком случае, в литературе уже обращалось внимание на следующую запись в «Описи Посольского приказа» (1614 г.): «Столпик сибирской 7072-го году (1563-1564), привозу к Москве *Сибирского Муртазы царя татарина Ташкина*»¹⁴. Поскольку посол Ташкин известен и по другим документам, в том числе и более ранним¹⁵, некоторые исследователи высказывали даже мнение, что в первое время после смерти Сибирского князя Едигера Тайбугида в его владении кратковременно ханом стал Муртаза¹⁶. Хотя установить точно, где именно Шибанид Муртаза был коронован – в Бухаре или во владении Тайбугидов в

¹⁰ Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата, 1969. – с. 347-350.

¹¹ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб., 2000. – с. 210-211.

¹² Миллер Г.Ф. История Сибири. – т. I. – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 1999. – с. 192.

¹³ История Бухары с древнейших времен до наших дней. – Ташкент, 1976. – с. 111.

¹⁴ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года / Под. ред. С.О. Шмидта. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. – с. 97.

¹⁵ Небольсин П. Покорение Сибири: Историческое исследование. – СПб., 1849. – с. 32.

¹⁶ Копылов Д.И. Ермак. – Иркутск, 1989. – с. 72-74.

Сибири, пока невозможно, его ханское достоинство ясно видно из приведенного выше документа, как и совпадение его титула и с титулом Кулук-салтана «сибирский царь» (см. выше). Не лишним будет и такое замечание: активизация «тюменских» Шибанидов в Сибири¹⁷ совпала с временем прихода к власти в Бухаре другой ветви Шибанидов-Абдуллы хана (1557 г.).

Таким образом, определенная связь между Сибирским юртом Тайбугидов и Бухарой явно намечается. На самом деле число такого рода данных можно увеличить.

Так, еще один факт, свидетельствующий о существовании особых взаимоотношений двух политических центров, приводит Г.Ф. Миллер, сообщая, что «беременная вдова Едигера бежала (после смерти мужа – Д.И.) в Большую Бухару и там у одного сеита ... нашла очень сочувственное отношение к себе». Далее говорится, что этот сеид «принял ... изгнанницу ... и предоставил ей все необходимое. Здесь у нее родился (сын – Д.И.) Сейдяк»¹⁸. Как «князь Сейдяк» эта личность фигурирует и в Сибирских летописях (правда, там он назван сыном соправителя Едигера Бекбулата), появившись в Сибирском ханстве в ходе похода Ермака против хана Кучума, именно «из Бухарские земли»¹⁹.

При рассмотрении этих сведений важно иметь в виду, что во владении Тайбугидов еще до прихода в Сибирский юрт Кучума, «хан Большой Бухары» Муртаза рассматривался как сюзерен. В частности, в уже отмеченном рассказе о «знатных татарах», которым после смерти князя Едигера не удалось достичь «согласия относительно того, кому править в Сибири», говорится об отправке к хану Муртазе «посольства..., прося его прислать в князя одного

---

¹⁷ Именно в ноябре 1557 г. посол Сибирского князя Едигера Тайбугида принес в Москву послание, в котором говорилось о том, что владение князя «воевал Шибанский царевич» (ПСРЛ. – т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. – М.: Наука, 1965. – с. 276; ПСРЛ. – т. 29. Летопись начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. – М.: Наука. 1965. – с. 251).

¹⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. – т. 1. – с. 192.

¹⁹ ПСРЛ. – т. 36. Сибирские летописи. ч. 1. Группа Есиповской летописи... – с. 58-59. Некоторые соображения о князе Сейдяке, см.: Исхаков Д.М. К вопросу о клановой принадлежности Тайбугидов (по русским и тюркским источникам) // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11-13 декабря 2000 г., г. Тобольск). – Тобольск – Омск, 2000. – с. 51-53.

из своих сыновей»²⁰. О том, что такое приглашение из Сибирского юрта действительно было, скорее всего говорит и следующее место из отдельных русских летописей, датируемое 1564 г.: «...Сибирские люди ... изменили (Московскому царю – Д.И.) ... взяли к себе на Сибирь царевича»²¹.

Теперь следует обратиться к другому кругу источников, имеющих отношение к инвеституре сеидов в Сибирском юрте во второй половине XVI в. Под ними имеются в виду два исторических предания сибирских татар, записанные и опубликованные В.В. Радловым²². В одном из них, озаглавленном «О том, что Ильяс мулла слышал от своего отца», говорится о «шейху-ль-исламе Искерского юрта», в другом, названном В.В. Радловым «Родословное сеида», речь идет о восстановлении родословной живших в Сибири сеидов, утерянной во время похода Ермака. Эти предания внутренне связаны: если в первом из них главным действующим лицом является «Ширбетъ шейх», то во втором рассказ ведется прямо от его имени (он назван «Шербети шейхом»). Фактически последнее предание относится ко времени после смерти Ермака (1584 г.), когда многие участники описываемых событий еще были живы, и оно дошло скорее всего в письменном виде, тогда как рассказ муллы Ильяса был записан лишь в XIX в., хотя и посвящен тем же самым событиям (но возможно оно также опирается на письменный источник). Из-за того, что в источниковом плане эти предания были уже

²⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. – т. 1. – с. 192. На это место обратил внимание и А. Франк (См.: Frank A. The Siberian chronicles and the Taybyghid biys of Sibir / Papers on Inner Asia, № 27. – Bloomington, Indiana. 1994).

²¹ ПСРЛ. – т. 13. – с. 313; ПСРЛ. – т. 29. – с. 323. На самом деле это сообщение, доставленное послом князя Едигера Чигибеном, относится к 1563 г.

²² Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркские племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. – ч. IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. – Спб., 1872. – с. 212-215, 217-220. На русский язык их перевел и опубликовал Н.Ф. Катанов (см.: Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер статья 1. // Ежегодник Тобольского музея. – Вып. VII. – Тобольск, 1897. – с. 51-61). Татарский историк Х. Атласи использовал эти публикации, но он еще ссылается на «Асар» Р. Фахретдинова, использовавшего несколько иную, чем у В.В. Радлова, версию предания (Атласи Һ. Себер тарихы // Себер тарихы. Сөембикә. Казан ханлыгы. – Казан, 1993. – с. 75-78).

проанализированы мною раньше²³, позволю себе сосредоточиться лишь на главной канве событий, излагаемых в них – они, как мне представляется, способны прояснить вопрос о характере отношений Бухарского и Сибирского ханств времени правления хана Кучума, а также высказать некоторые соображения об особенностях этих отношений в более ранний период, когда в Сибирском юрте правили Тайбугиды.

В «Родословной сеида» рассказывается о приходе «Хан-сеида из Ургенча к Искерскому хану Кучуму для обучения Сибирского народа исламу». Ведущее место в рассказе Шербети шейха занимает происходивший от сеидов Дин-Али ходжа, про которого сказано: «...из его рода (были) имамы великих людей в Бухаре (и) Ургенче». По словам Шербети шейха, его и Дин-Али ходжу в Сибирь послал бухарский хан Абдулла, придавший им старшего брата Кучум хана султана Ахмет-Гирея.

Это событие, происходившее в 1572 г., целиком выглядело так. Вначале в Бухару от хана Кучума прибыло посольство с просьбой прислать «еще одного шейха». Когда хан Абдулла принимал решение отравить ургенчскому «хакиму» письмо по этому вопросу, рядом с ним находился некий бухарский «хаким» по имени мулла Якуп, с которым хан советовался. Затем было подготовлено письмо ургенчскому хакиму Хан-ходже (Хан-сеиду) с распоряжением отправить к Кучуму «сеитзоде Ярым сеида и шейхзоде Шербети-шейха». С указанным письмом послы хана Кучума выехали в Ургенч и вручили его хакиму Хан-сеиду. В письме говорилось: «...По указу муфтиев и (опираясь) на шариат..., передайте послу сибирского хана Кучума ... Ярым сеида и Шербети шейха..., с почетом и (обеспечив) дорожные расходы, придав им 10 добрых, средних лет попутчиков, отправьте их». Когда эта группа дошла до г. Искера, посол сообщил хану Кучуму о прибытии духовенства. Тот со своими нукерами переправился через р. Иртыш, чтобы приветствовать прибывших. После этого все переправились на другой берег, в г. Искер. Хан Кучум поставил Ярым сеида творить правосудие и выносить решения (*хокем кылгагы*). А Шербети шейх, по его собственным словам, занялся тем, что «сделал известными подножия (могил) святых (на) Тоболе». Через два года Ярым сеид умер и Шербети шейх уехал в Ургенч. Но тут от хана Кучума прибыл новый посол, через которого хан передал, что для «обучения шариату и отправления правосудия нет человека, пришлите опять одного сеидзоде и шейха». История повторилась:

²³ Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. – Казань, 1997. – с. 11, 53-64.

Абдулла хан рассмотрел дело и отдал распоряжение, а хаким Ургенча подготовил к отправке Дин-Али ходжу, приходящегося племянником покойному Ярым сеиду (он был сыном его младшего брата) и уже знакомого нам Шербети шейха. Эти двое выехали вначале в Бухару и попросили у хана Абдуллы послать вместе с ними дядю хана Кучума Ахмет-Кирея, обосновав свою просьбу тем, что «дорога была опасна». Хан выполнил их просьбу и дал им еще 100 человек сопровождающих. Когда они приехали в Искер, хан Кучум уступил свой престол султану Ахмет-Гирею и тот правил четыре года, затем был убит «своим тестем – ханом чолказахов Шыгаем». Кучум опять стал ханом и отдал свою дочь Лейлу (Лягыл) – ханшу замуж за Дин-Али ходжу. Некоторое время все они жили в г. Искере, затем «юрт пошел прахом» (*бозылды*), Кучум умер.

Главная фабула рассказа муллы Ильяса, следующая. Когда в Искерском юрте ханом был Ахмет-Гирей, умер шейх-уль-ислам. Хан обратился к «хану города Бухары» с просьбой прислать нового религиозного деятеля-шейх-уль-ислама. В ответ на эту просьбу, бухарский хан написал письмо «хану Ургенча» с приказом отправить в Искерский юрт шейх-уль-ислама. Тот снарядил в дорогу шейха Ширбети, который должен был в Искерском юрте стать шейх-уль-исламом, придав ему еще сына своего «великого визиря» (*олы вәзир*) по имени мулла Муса, муллу Якупа, ахунов, мурз (мирз) и слуг – всего 500 человек, и который выехал со своими спутниками в Искерский юрт. По прибытии их встретил хан Ахмет-Гирей, «оказавший великие почести шейх-уль-исламу, мулле Якупу и прочим муллам, давший каждому должность». Через год Ахмет-Гирей хан умер, ханом стал Кучум.

На основе одной даты, которая содержится в «Родословной сеида», первый приход сеида Дин-Али ходжи и шейхи Шербети в Сибирское ханство, следует датировать 1572 г. По этой дате можно определить хронологию и других событий²⁴.

Но в данном случае для нас более интересно обращение хана Кучума к верховному правителю кочевых узбеков Абдулле хану, находившемуся в г. Бухаре, с просьбой прислать в Искерский юрт высших духовных лиц. Это весьма напоминает упомянутое выше обращение «знатных татар» к «хану Большой Бухары» с аналогичной просьбой прислать «в князя» одного из сыновей «хана». Далее, когда хан Абдулла перед второй отправкой духовенства в Искерский юрт (около 1574/1575 гг.) решает послать вместе с ними султана Ахмет-Кирея со 100 сопровождающими, в

²⁴ Подробнее об этом см.: Исаков Д.М. Сеиды...

результате прибытия которых хан Кучум уступает трон своему дяде, это также напоминает выполнение вассалом распоряжения сюзерена. Ряд сведений, содержащихся в рассматриваемых преданиях, приводят к такому же заключению²⁵.

Мне думается, что имеющиеся материалы однозначно свидетельствуют о том, что Сибирское ханство (Искерский юрт) в период правления хана Кучума (1563 – 1598 гг.) находилось в вассальной зависимости от Бухарского ханства, на что уже в литературе указывалось²⁶. Этот вывод остается в силе даже если принять во внимание грамоту хана Кучума Ивану IV (1570 г.), начинающуюся со слов «Волной человек Кучюм царь»²⁷. Хан Кучум был «волен» тогда по отношению к Москве, но не к Бухаре. Похоже, что и до Кучума Сибирское княжество Тайбугидов находилось в вассальных отношениях с Бухарским ханством – иначе трудно объяснить действия знати из Сибирского юрта по приглашению после смерти «Сибирского князя» правителя из Бухары. Мне кажется, что строки из грамоты московского царя Федора хану Кучуму (1597 г.) о том, что «...После деда твоего Ивака царя были на Сибирском государстве князи Тайбугину роду...»²⁸, также говорят о сходном статусе Сибирского княжества. Правда, обращение в 1555 г. князя Едигера в Москву от имени «всей земли», чтобы московский государь «всю землю Сибирскую взял в свое имя»²⁹, как будто бы свидетельствует о суверенности Сибирского княжества. Однако, не следует забывать, что именно после этого обращения в Сибири появились Шибаниды, умертвившие Едигера и взявшие под контроль Сибирский юрт.

Поэтому, Сибирское княжество Тайбугидов с самого начала формирования (скорее всего, с 1505-1511 гг.) надо рассматривать как зависимый от Шибанидов юрт. Это заключение требует рассматривать историю Сибирского ханства в общем контексте истории государства Шибанидов (Государства кочевых узбеков) XV в. и государств – наследников XVI в. (в первую очередь, Бухарского ханства).

²⁵ О них детальнее см. там же. – с. 60-61.

²⁶ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск, 1982. – с. 109.

²⁷ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. – ч. 2. – М., 1819. – с. 52.

²⁸ Там же. – с. 132.

²⁹ ПСРЛ. – т. 13. – с. 248; ПСРЛ. – т. 29. – с. 333.

ОБ ОДНОМ ТЮРКСКОМ ИСТОЧНИКЕ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ*

После издания в 1916 г. статьи С.В. Бахрушина [Бахрушин 1916:3-28], посвященной выявлению в составе «Сибирских летописей» элементов нерусского происхождения («туземных легенд»), этот вопрос в дальнейшем не привлек внимания исследователей как самостоятельная тема. Хотя о том, что в сибирском летописании имеются элементы, заимствованные, например, из татарских источников, говорилось уже давно [Миллер 1999:185; Андрианов 1893:525-550], дело обычно ограничивается общей констатацией, без детального разбора вопроса. Между тем проблема заслуживает серьезного внимания, в т.ч. и потому, что в русских летописях необходимо отделить фольклорные элементы и наследие, попавшее в сибирское летописание из сибирско-татарских письменных источников, в т.ч. и летописного характера. О возможном существовании летописания у сибирских татар говорит ссылка Есиповской летописи на «татарского летописца» [Андрианов 1893; Бахрушин 1916:10].

В связи с поставленной проблемой интерес представляет текст одного записанного среди сибирских татар *дастана* «Илдан белән Гәлдән», находящегося в хранилище рукописей ИЯЛИ АН РТ (г. Казань). Недавно он был опубликован [Мирас 2002:17-31]. Ознакомление с текстом этого *дастана* позволяет утверждать, что, кроме прочего, его содержание дает возможность решить вопрос об одном из тюркских источников сибирского летописания. Дело в том, что в *дастане* фигурируют многие легендарные сибирские правители, перечисляемые в «Сибирских летописях» в разделе «О сибирских царях и князях».

В *дастане* упоминается Чингис хан из «*Алтай уба*» и Ишем хан из его войск. Последний обосновался в бассейне р. Сурай, где построил город – *тора*. Он имел двоих сыновей – старшего звали Ансам, младшего Иртешәк. Против этого хана выступили «черные» (*каралар*) во главе с Илданом, и Иртешәк бежал за р. Сонгар в степи Куан (*Куан сахрасы*). В это время жил другой самостоятельный правитель – *Чангы би*, враждовавший еще с

---

* Опубликовано: Об одном тюркском источнике сибирского летописания // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9-11 декабря 2004 г., Тобольск). – Тобольск-Омск – 2004. – с. 31-32.

Ансам ханом. Он пришел с войной на Кызыл Тора, покорил «черных» и стал там ханом. Впоследствии этот правитель ушел в сторону «Урал уба» и построил там новый город – «Чангы Тора», а в Кызыл Тора остались его тарханы (*тархан*). Затем сбежавший Иртешек опять захватил Кызыл Тора, убив там тарханов *Чангы бия*, и покорил многие города в бассейне р. Сонгар. Именно он велел назвать эту реку своим именем – отсюда название р. Иртыш.

Его сестра – «*Баыр ана*» правила народами в «степях Куан», поэтому эту страну называли «Страной Бараба» (*Бараба иле*).

Таким образом в дастане упоминаются Чингис хан и Ансам хан, известные и по «Сибирским летописям». Далее, в дастане фигурирует Чангы би, именем которого назван тот город, который был, согласно «Сибирским летописям», основан князем Тайбугой. Похоже, что речь в данном случае идет об одном и том же человеке, но названном в двух источниках по-разному. Некоторые данные дастана повторяются в Ремезовской летописи: там сказано, что Онсом царь на устье р. Ишима поставил град Кызыл-Тура (на Красном Яру); после него правил царь Иртышак, именем которого названа р. Иртыш; наконец, в летописи говорится о том, что «Чингыз царь Тюменской... преодолев» Иртышака [Сибирские летописи 1907:318] – этому сюжету в дастане соответствует сообщение о победе Чангы бия над Иртышэком. Как видно, тут этот би перепутан с Чингис ханом (царем).

В целом можно заключить, что одним из источников Сибирского русского летописания возможно является дастан сибирско-татарского происхождения «Илдан белэн Гелдан». Однако, «Сибирские летописи» явно имели и другие татарские источники, так как они содержат ряд имен и сюжетов, которых нет в данном дастане. Поэтому исследования в направлении выяснения этих источников необходимо продолжить дальше.

Литература

Адрианов С.А. К вопросу о покорении Сибири // ЖМНП. ССLXXXVI (апрель). 1893. – С. 522-550.

Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при императорском Московском университете. № 3-4. – М., 1916. – С. 2-28.

Илдан белэн Гелдан (дастан) // Мирас 2002. № 3, С. 17-31.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. – М., 1999.

Сибирские летописи. – СПб., 1907.

РАЗДЕЛ III

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СИБИРСКОГО ХАНСТВА

ВВЕДЕНИЕ

Не будет большим преувеличением, если сказать, что подлинная история Сибирского ханства – одного из наследников «северных областей» Золотой Орды (Улуса Джучи) – еще не написана. По отношению к тюрко-татарской государственности этого региона, чей государствообразующий этнос еще Г.Ф. Миллером был назван «главнейшим народом Сибири», с уточнением, что его история уходит «к таким далеким временам, каким не может похвалиться ни один из европейских народов»¹, подобный результат не вполне объясним. Тем более, что Сибирское ханство и его исторические предшественники не были обойдены вниманием историков². Пожалуй, «узким местом» в исследовании истории тюрко-татарской государственности Западной Сибири является слабость источниковой базы, о которой писал еще Г.Ф. Миллер³. В то же время было бы опрометчивым утверждать, что мы вообще лишены источников для написания целостной истории Сибирского ханства и др. государственных образований, предшествовавших ему. Проблема скорее заключается в недостатках концептуальных подходов, на основе которых можно было бы предлагать новые трактовки даже известных источников⁴. К тому же, наш опыт работы с источниками, преимущественно русского происхождения, но не только, убедил нас в том, что историками информация, содержащаяся в них, использована далеко не в полной мере. К такому же выводу подводит и исследование А. Франка (см. выше). Одна из причин такого положения – узко регионалистский подход к имеющимся источникам.

Дело в том, что существует довольно значительное число исторических сочинений первой половины XVI в., созданных в

---

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. – т. 1. – М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра РАН», 1999. – с. 166.

² Последнюю по времени библиографию по истории Сибирского ханства и сибирских татар, см.: Файзрахманов Г.Л. История татар (с древнейших времен до начала XX века). – Казань: «Фэн», 2002.

³ Миллер Г.Ф. История Сибири. – т.1. – с. 166.

⁴ См., например, очерки «К вопросу о клановой принадлежности Тайбугидов (по русским и тюркским источникам)», «Не исследованные аспекты истории Сибирского ханства конца XV – XVI вв.», «Об одном тюркском источнике Сибирского летописания» и ряд др.

Бухарском ханстве⁵, в которых на широком историческом фоне описывается история Шибанидов и говорится о существовании их официальной хроники. В связи с тем, что в Сибирском ханстве и предшествовавшем ему Тюменском ханстве правила ветвь Шибанидов, а Искерское княжество Тайбугидов являлось вассальным по отношению к Бухарскому ханству, этнополитическим образованием⁶, указанные выше труды следует рассматривать в числе источников по истории Сибирского ханства и других тюрко-татарских образований Западной Сибири XV–XVI вв. Другое дело, что информация применительно к ним из этих исторических трудов пока в должной мере не вычленена и не введена в научный оборот.

Вообще, существует проблема «выстраивания» цепочки этнополитических формирований постзолотоордынского времени на политическом пространстве Кок Орды, ибо они не только были тесно связаны между собой и временами взаимопроникали, но и в определенной мере следовали друг за другом – скажем, в случае с Тюменским ханством, Искерским княжеством Тайбугидов (термин был предложен А.Г. Нестеровым) и Сибирским ханством это достаточно очевидно.

В то же время этнополитическая ситуация собственно золотоордынского времени в Западной Сибири, выходящая в целом за рамки настоящего исследования, но частично затрагиваемая в отдельных очерках, включенных в эту книгу, выглядит далеко не ясной. Скажем, не совсем понятно, что имеется в виду в восточных источниках XIV – начала XV вв. под «областью» с характерным названием «Ибир-Сибир»~«Сибирь-Ибирь», выступающей то как «земля», то как «страна» (у ал-Омари – «Земли Сибирские и Чулымские», «Страны Сибирская и Чулымская»)⁷. Кроме того, когда в главе 1 настоящего исследования мы ведем речь о политических событиях XV в. на территории Кок Орды, строго говоря, это не совсем правильно. Вопрос заключается в том, что владения потомков Шибана (Сыбана) не входили в левое крыло Улуса Джучи – Кок Орду, а относились к его правому крылу – Ак

⁵ О них см.: Исаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Научно-методическое пособие. – Казань: И-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2004. – с. 102–103.

⁶ См. очерк «Не исследованные аспекты истории Сибирского ханства конца XV–XVI вв.»

⁷ Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. – М., 2003. – с. 107.

Орде⁸. Но по мере распада Золотой Орды, особенно с начала XV в., Шибаниды оказались глубоко вовлеченными в противоборство различных группировок на территории Кок Орды⁹, поэтому старые традиции обособленной политической жизни левого крыла Улуса Джучи оказались нарушенными.

Следует особо отметить, что в собственно исторических исследованиях по истории Сибирского ханства историки обычно довольно упорно избегают проблем этноистории – формирования тех этнополитических общностей, которые и образовывали тюрко-татарские государства на обширных пространствах Кок Орды и бывших владений Шибанидов. В данном случае мы сознательно отошли от этого традиционного подхода, уделив внимание таким аспектам истории государственных образований XV–XVI вв. на территории Западной Сибири, как клановая структура, социально-политическое устройство государств, связанных с ней, этнообразование и т.д. В значительной степени эти сюжеты являются обобщением тех конкретных материалов, которые излагаются в отдельных очерках, содержащихся в I и II-м разделах настоящей работы. Анализ этноисторической проблематики, предлагаемый тут, потребовал новых концептуальных подходов, которые были разработаны автором в предыдущих исследованиях¹⁰, затем применены к этнополитической ситуации XV–XVI вв. в тюрко-татарской среде Западной Сибири и сопредельных территорий.

Конечно, предлагаемые в «Краткой истории Сибирского ханства» трактовки в дальнейшем нуждаются в уточнении и углублении. Полагаем, что по мере накопления новых исторических данных, это будет сделано, возможно, уже в ближайшее время.

---

⁸ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. – М. – Л., 1941. – с. 127.

⁹ См.: Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960; Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – М., 1965.

¹⁰ См.: Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVI вв.). Научное издание. – Казань: И-т истории АН РТ, 1998; Его же. Тюрко-татарские государства...; Татары. – М.: Наука, 2001. – с. 101–141.

ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КОК ОРДЫ

Политическая история левого крыла Улуса Джучи (Кок Орды; в русских источниках – «Синяя Орда», позже – «Заяицкая Орда») весьма сложна и тут она затрагивается лишь в связи с формированием в XV в. на его территории Узбекского ханства, Тюменского (Сибирского) ханства и Ногайской Орды. Два последних этнополитических образования фактически выделились из состава более раннего государства Шибанидов (Узбекского ханства). Но они в его рамках уже существовали в виде самостоятельного вилайята (вилайят Чимги-Тура) или племенного иля (Мангытский иль).

Государство Шибанидов (Узбекское ханство). После смерти Идегея (1420 г.) в восточной части Улуса Джучи началась борьба за власть между несколькими ханами, среди которых видная роль принадлежала потомкам Шибана – Шибанидам и Мангытскому илю¹. В итоге противоборства разных политических групп² в 1428/29 г. предводителями многих племен, в числе которых выделялся внук Мангыта Идегея-Ваккас, на ханский престол был посажен Шибанид Абулхайр, положивший начало Шибанидскому государству. Столицей нового государства стал г. Тура, в котором исследовали видят административно-политический центр «вилайята Чимги-Тура» – г. Чимги-Туру, известный также как г. Тюмень³. В этом качестве он оставался до 1446 г. Но постепенно сфера интересов Шибанидского государства из юго-западной Сибири начала сдвигаться в бассейн Сыр-Дарьи, где в 1446 г. ханом Абулхайром были захвачены ряд городов⁴. Столица государства тогда переместилась в г. Сыгнак.

¹ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960. – с. 202 – 204. Известно, что сын Идегея Мансур был беклярибеком при Шибаниде Хаджи-Мухаммеде (Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М., 2001. – с. 93).

² Об этом подробнее см.: Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – М., 1965. – с. 32-46.

³ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 48; Сафаргалиев М.Г. Распад... – с. 207.

⁴ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 57-58.

По-видимому, в пределах Шибанидского государства оставались полусамостоятельные владения во главе с отдельными ветвями дома Шибанидов (некоторые исследователи полагают, что они вообще были независимы от хана Абулхаира)⁵. Поэтому, между ними постоянно шла борьба за верховенство. В итоге этого противоборства и из-за отделения около 1447 г. Мангытского иля (см. далее), а также под воздействием внешних факторов (война с калмыками), вскоре после смерти хана Абулхаира (1468/69 г.) государство Шибанидов распалось, но его этнополитическое ядро ещё продолжало сохраняться. Параллельным наименованием этого государства было название «Узбекский улус», «вилайт-и узбек», восходящее к имени хана Узбека⁶.

Государство Шибанидов (Узбекское ханство) было построено по принципу других позднезолотоордынских этнополитических образований. Беклярибеком при хане Абулхаире являлся Ваккас би из клана Мангыт⁷. Но сама структура системы карача-беев в этом ханстве остается не раскрытой. Хотя в «Шейбани-наме» сохранился список знати, назначенной ханом Абулхаиром на территорию вилайята Чимги Тура «даругами» – речь идет о кланах Конграт, Дурман, Уйгур и Кушчи⁸. А.–З. Валиди–Тоган эти племена относил к числу «правлящих» (хаким), называя их «карачинскими»⁹. Правда, если учесть весь набор кланов, включая и Мангытов, число их оказывается больше, чем в традиционной системе карача-беев. На самом деле первоначальное их число, скорее всего, равнялось четырем – не случайно в «Фирдавс ал-икбал» (XIX в.), где говорится об административной реформе Абу-л-Гази хана в Хивинском ханстве – одном из наследников Государства Шибанидов – речь идет о разделении им племен на 4 группы (тупе, т.е. тюба): 1-я – уйгуры и найманы, 2-я – конгураты и кийяты, 3-я нукузы и мангыты, 4-я – канглы и кыпчаки¹⁰. Эти группы (с инкорпорацией в их состав других кланов), надо думать, являются отражением былого деления на систему карача-беев (с «удвоением» из-за существования

⁵ Там же. – с. 60-65.

⁶ Там же. – с. 11-17.

⁷ Трепавлов В.В. История... – с. 98.

⁸ Татары... – с. 121.

⁹ Валиди Туган Ә.–З. Башкорттарзың тарихы. Төрк һәм татар тарихы. – Өфе, 1994. – 34 б.

¹⁰ Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI – XVIII вв. (письменные памятники). – Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1985. – с. 125.

подразделения на левое и правое крылья). Действительно, согласно «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» (XVI в.) кланы дурман, конграт, кошчи, курлеут входили в левое крыло, а уйгур, найман и мангыт – в правое¹¹. Как бы то ни было, в XVI в. в Бухарском ханстве найманы, дурманы и кушчи относились к самым известным кланам¹². Если учесть, что ещё в XVIII в. в этом ханстве мангыты участвовали в церемонии поднятия на белом войлоке хана на престол¹³, их тоже надо относить к правящим кланам. Тем не менее, следует признать, что политическая основа Государства Шибанидов (Узбекского ханства) требует дальнейшего изучения¹⁴.

Тюменское (Сибирское) ханство. Вряд ли можно сомневаться в том, что Тюменское ханство сформировалось на месте так называемого «вилайята Чимги (Чинги) – Тура» (г. Тюмень и есть г. Тура или Чимги-Тура восточных источников). Но о времени образования этого ханства до сих пор идут дискуссии, хотя в основном называют годы правления Шибанида хана Хаджи-Мухаммета (1420/21 – 1430 гг.) или его сына хана Махмутека (Махмуда)¹⁵, правившего предположительно до середины XV в.¹⁶

Таким образом, формирование Тюменского ханства традиционно относится к периоду между 1420-1450 гг. Но сомнительно, чтобы это было так. Имея в виду господство тогда в Кок-Орде Шибанида Абулхайра, чья столица до 1446 г. вообще находилась в центре вилайята Чимги-Тура – г. Чимги-Тура (Тюмени), где пребывали и назначенные ханом Абулхайром «даруги», трудно допустить, чтобы этот вилайят существовал как самостоятельное этнополитическое образование. В то же время нельзя полностью исключать нахождения в этой части Государства кочевых узбеков самостоятельной ветви

¹¹ Там же. – с. 39.

¹² Там же. – с. 60.

¹³ Сведения «Тухват ал-хани» (XVIII в.) – см. там же. – с. 114.

¹⁴ На эту мысль наталкивает информация «Тухват ал-хани» об участии в церемонии посажения на ханский престол в Бухарском ханстве кроме Мангытов ещё представителей кланов Утарчи, Бахрин (Барын) и Сарай (Там же. – с. 118). Кроме того, в Хивинском ханстве в XVIII в. отмечаются ополчения не только найманов, конгратов и мангытов, но и кийотов (Там же. – с. 112). Обычно племенные ополчения были связаны с карача-беями. Правда, тут речь идет о поздних реалиях, которые могли претерпеть существенную трансформацию.

¹⁵ Сафаргалиев М.Г. Распад... – с. 208-209, 222-224.

¹⁶ Нестеров А.Г. Монеты сибирских Шейбанидов // Восток-запад: диалог культур Евразии. Вып. 2. Проблемы истории и археологии. – Казань, 2001. – с. 276.

дома Шибанидов – потомков хана Хаджи-Мухаммета¹⁷, но скорее как зависимых от хана Абулхайра правителей. Хотя допустимо, что кто-то из них ещё при жизни Абулхайра был провозглашен ханом, например, при поддержке отколовшегося около в 1447 г. от Государства Шибанидов Мангытского иля. Во всяком случае, когда тюменский хан Саид-Ибрагим, приходившийся внуком Шибаниду Хаджи-Мухаммету, появился в Поволжье около 1471 г.¹⁸, он был связан именно с этим илем¹⁹. Нахождение этого хана в Тюменском ханстве надежно документировано: после взятия в 1481 г. в союзе с ногайцами ставки Большой Орды, он «Ордобазар с собою поведе в Тюмень»²⁰. Пребывание этого хана и в 1491/92 гг. «в Тюмени» видно и из других русских источников²¹. Следует, однако, иметь в виду, что Шибанид Саид-Ибрагим хан был вовлечен в борьбу за «Саинский стул», т.е. фактически за господство в Кок-Орде²², поэтому его юрт вряд ли можно считать суверенным в полном смысле (хотя известны даже несколько его монет)²³. Тем более, учитывая «симбиотическое» состояние его домена с Мангытским илем, позволяющее даже определять в русских летописях хана Саид-Ибрагима «царем Нагайским»²⁴.

В литературе высказывалась точка зрения о том, что лишь после убийства около конца 1494 – начала 1495 г. хана Саида-Ибрагима своим родственником князем Махмутом (Маметом) Тайбутидом, возникло независимое Сибирское (Искерское) княжество или ханство²⁵. Такая

¹⁷ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 61.

¹⁸ Нестеров А.Г. Монеты... – с. 276.

¹⁹ Ахмедов Б. А. Государство... – с. 67-68.

²⁰ ПСРЛ. – т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI – XVII вв. – Л., 1982. – с. 95.

²¹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489 – 1549 гг. – с. 18-19, 21; Сборник РИО. – т. 41. – СПб., 1884. – с. 94.

²² Нестеров А.Г. Монеты... – с. 276. Как он сам сообщает, в 1493 он даже «Саинский стул взял», оказавшись в «отцовском юрте», который он поместил около Волги (См.: Посольские книги... – с. 46). Отсюда, кстати, вытекает, что его отец – Махмутек хан, был также вовлечен в общую борьбу Шибанидов.

²³ Нестеров А.Г. Монеты... Место чаканки монет обозначено как «Орду Базар».

²⁴ ПСРЛ. – т. 11-12. – с. 203.

²⁵ Нестеров А.Г. Дорусские государственные образования Урала и Западной Сибири (к постановке вопроса) // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург, 1993. – с. 235-237; Его же.

схема развития этого этнополитического образования основана на сообщении «Сибирских летописей», где сказано: «Адеров сын Мааметь Казанского царя Упака (т.е. Ибака – Д.И.) уби и град свой Чингиден (Чимги-Туру – Д.И.) разруши, и отиде оттуду внутрь Сибирские земли, а поставил себе град... и назвал его град Сибирь». Но имеющиеся данные не позволяют так однозначно трактовать это событие. Во-первых, брат хана Саида-Ибрагима Мамук в 1496 г. назван «Шибанским царем»²⁶, т.е. он, скорее всего, правил сразу после убийства брата все в том же Тюменском ханстве. Во-вторых, нахождение Шибанидов в г. Тюмени и в более позднее время подтверждают некоторые русские летописи: в них под 1505 г. (или 1506 г.) сказано о приходе рати «ис Тюмени, Кулук салтана Ивака царева сына с братьею и з детьми»²⁷. Несмотря на то, что братья хана Мамука – Агалак и Кулук в русских летописях выступают только как «царевичи» (султаны)²⁸, в отдельных восточных источниках Агалак назван ханом²⁹, правда, без уточнения, где он правил. Во всяком случае, приведенная выше информация свидетельствует, что Сибирское (Тайбугидское) княжество относительную независимость приобрело лишь после 1505-1506 гг., скорее всего это произошло вслед за второй волной ухода Шибанидов в Среднюю Азию в 1511 г. Но даже после этого данное княжество, похоже, продолжало зависеть в какой-то мере от своих верховных сюзеренов, находившихся уже в Бухаре³⁰.

То, что Сибирское княжество Тайбугидов являлось прямым политическим наследником Тюменского ханства или вилайята Чимги-

---

Искерское княжество Тайбугидов (XV– XVI вв.) // Сибирские татары. – Казань, 2002. – с. 17-23.

²⁶ ПСРЛ. – т. 11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. – М.: Наука, 1965. – с. 242-243.

²⁷ ПСРЛ. – т. 37. – с. 99; Документы по истории Коми. Вычегодско-Вымская (Михайло-Евтихеевская) летопись // Историко-филологический сборник. – Вып. 4. – Сыктывкар, 1958. – с. 264. В последнем сообщении обращает на себя внимание противоречивое выражение «сибирский царь Кулук Салтан».

²⁸ ПСРЛ. – т. 11-12. – с. 250; т. 37. – с. 99.

²⁹ Речь идет о «Бахр ал-Асрар фи манакиб ал-ахйар» (См.: Материалы по истории казахских ханств XV – XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата, 1969. – с. 347-350).

³⁰ См.: Исахов Д.М. Сеиды в позднесолотоордынских татарских государствах. – Казань: изд-во «Иман», 1997. – с. 53-64; Его же. Сеиды в Сибирском ханстве // Сибирские татары. Материалы I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (14 – 18 декабря 1998 г., Тобольск). Тобольск, 1998. – с. 136.

Тура, подтверждает и русская традиция смешения правителей Тюменского ханства и Сибирского (Искерского) княжества: в свое время М.Г. Сафаргалиев полагал³¹, что среди предков Тайбутидов трое – Хаджа, Мар, и Ебалак, соответствуют последовательно Хаджи-Мухаммету, Махмутеку и Иваку (Саид-Ибрагиму). Но у этой точки зрения есть свои сложности³². Зато имеются прямые высказывания некоторых русских источников о тождестве для правителей Московской Руси Тюменского ханства и Сибирского (Искерского) княжества. Так, в грамоте царя Федора Ивановича (1597 г.) хану Кучуму сказано: «...после деда твоего Ибака царя были на Сибирском государстве князи Таибугина роду Магмет к(нязь), (по)сле его Казыи князь, а после Казыи Едигерь князь»³³.

Таким образом, окончательное обособление собственно Сибирского княжества, ставшего затем ханством, относится к первому десятилетию XVI в.

Политическая основа Сибирского (Искерского) юрта состояла из традиционной для позднесолотоордынских государств системы карача-беев, причем она была четырехчастной, о чем говорит одно историческое предание сибирских татар, рассказывающее о делении войск хана Кучума на четыре «отряда» (Кордак, Туралы, Аялы и Бараба). Пятую группу образовывали пришедшие с Кучумом из Средней Азии «сарты»³⁴. Специальное изучение вопроса о карача-беях в Сибирском ханстве показало³⁵, что одним из «улусов», т.е. княжеств в этом юрте было владение клана Джалаир во главе с собственным князем, именовавшемся «карача». Другим таким княжеством было владение Тайбутидов, являвшихся «сибирскими князьями», в которых надо видеть беклярибеков. Тайбугин «юрт», по одной версии, являлся княжеством клана

³¹ Сафаргалиев М.Г. Распад... – с. 221.

³² Дело в том, что по «Сибирским летописям» князь Мар был женат на сестре «царя» Упака и если исходить из гипотезы М.Г. Сафаргалиева, то получается, что хан Махмутек (т. е. Мар) был женат на собственной дочери, что маловероятно. Правда, точные родственные отношения хана Саид-Ибрагима и хана Махмутека до сих пор не выяснены (обычно Махмутек считается отцом первого).

³³ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. – ч. 2. – М., 1819. – с. 132.

³⁴ Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Вып. 5. – Тобольск, 1896. – с. 1-13.

³⁵ Татары. – М.: Наука, 2001. – с. 120-124.

Мангыт³⁶, по другой – клана Салджигут³⁷. Что касается Тюменского ханства, уже говорилось о том, что бекарибеками там были представители клана Мангыт. А в самом г. Тура (Чимги-Тура) в момент его завоевания ханом Абулхайром «хакимими» были представители клана Буркут, связанного с конгратами. Как указывалось, в составе вилайята Чимги-Тура к началу 1430-х гг. находились «даруги» из кланов Конграт, Дурман, Найман, Кошчи. Не исключено, что они потом оказались в составе собственно Тюменского ханства и Искерского (Сибирского) юрта (во всяком случае, некоторые из них). Но пока невозможно проследить в полной мере преемственность клановых основ этих двух этнополитических образований, хотя в некоторых случаях и можно высказывать по этому поводу гипотезы³⁸.

Столицей Тюменского ханства являлся г. Чимги-Тура или Тюмень (последнее название употреблялось в основном в русских источниках)³⁹. Затем центр этого этнополитического образования в конце XV в. или в начале XVI в. переместился в г. Сибирь (по татарски – «Искер» – «Иске + ор», т.е. «Старая крепость»)⁴⁰. Согласно русской традиции, возможно, опирающейся на татарские предания, название «Сибири» было присвоено новому политическому центру князем Махмутом Тайбугидом (см. выше).

---

³⁶ Frank A. Siberian chronicles and the Tayhughid biys of Sibir // Papers on Inner Asia. Bloomington (Ind.) – № 27, 1994 – p.p. 1-27.

³⁷ Исхаков Д.М. К вопросу о клановой принадлежности Тайбугидов (по русским и тюркским источникам) // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11-13 декабря 2000г., г. Тобольск). – Тобольск – Омск, 2000. – с. 51-53.

³⁸ Об этом см.: Татары... – с. 120-124; Исхаков Д.М. К вопросу...

³⁹ Наиболее раннее упоминание сохранилось в Устюжских летописях и относится к 1406 г.: «в Сибирской земле близ Тюмени» (ПСРЛ. – т. 37. – с. 82). Затем в 1475 г. этот город появляется и в Патриаршей (Никоновской) летописи (ПСРЛ. – т. 11-12. – с.158). В последний раз он в русских летописях упоминается в 1505 (1506) г. (ПСРЛ. – т. 37. – с. 99; Документы по истории коми... – с. 264). М.Г. Сафаргалиев полагал, что под «пределами Тулина», где умер Тохтамыш, «Аноним Искендера» (1414 г.) также имеет в виду этот город (Сафаргалиев М.Г. Распад... – с. 219).

⁴⁰ Еще одним тюркским названием этого города было наименование «Кашлык».

ГЛАВА 2.

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ШИБАНИДОВ, ТЮМЕНСКОГО И СИБИРСКОГО ХАНСТВ

Государство Шибанидов. В период могущества кочевых узбеков при хана Абулхаире Шибанидское государство на севере простиралось до вилайята Чимги-Тура, на юге – до Аральского моря и низовьев р. Сыр-Дарьи, включая западную часть Хорезма (в 1431/32 гг. его столица – г. Ургенч, был даже временно занят войсками кочевых узбеков). Восточная граница проходила в районе г. Саурана, а на западе – где-то около р. Яик (Урал)¹. Кроме того, в некоторые периоды, скорее всего, до отделения Мангытского иля, Шибанидам возможно подчинялось и население Поволжья, в частности, Булгарского вилайята. Не исключено, что вплоть до ухода основной части кочевых узбеков в Среднюю Азию (начало XVI в.), Южное Приуралье также входило в состав Шибанидского Государства².

Тюркское население Шибанидского Государства состояло из множества племен. Согласно списку Масуда б. Османа Кухистани, в 1430 – 60-х годах это были следующие кланы: барак, буркут, дурман, ички, йджан, каанбайлы, карлук, кенегес, конграт, кыйат, курлаут, кушчи, мангыт, масит, найман, украш-найман, таймас, табгут (т.е. тангут), тубай, туман, минг (туман-минг), уйгур, уйсун, утарчи, хытай (катай), чат, чинбай³. В некоторых источниках к этому перечню добавляются и иные группы: аргун (аргын), ас, башгырд, джуркан, маджар, мангыт, салор, татар, алчын, кыпчак, ойрат и ряд других⁴. Особенно показателен клановый состав войск Шейбани-хана (1503 г.), обозначенных в целом как «шибанлиг» (шибаниты): сихиут (скорее всего – «салджигут»), кыйат, конграт, буркут, мангыт, найман, дурмен, ушун (уйшын), кушчи, джалаир,

¹ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 71.

² Валиди Тоган Ә.-З. Башкоргтарзың... – с. 24-26. Об этом свидетельствует и один отрывок из татарской летописи: «Около г. Уфы, на р. Белой, там, где впадает р. Дема, была крепость Кунгурат: жители оттуда переселились в Ургенч. Там соорудили крепость и её называли тоже Кунгуратом» (История Татарии в документах и материалах. – М., 1937. – с. 123). Несомненно, речь тут идет о времени правления Шибанидов.

³ Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV – XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). – М.: Наука, 1982. – с. 8.

⁴ Детальнее см. там же.

карлык, сулдуз, нукуз, тама, татар, адгу, адлы-оглы, ички, ойрат⁵. Так как это войско насчитывало 10 тыс. чел., его следует признать основным ядром племенного войска, где имелись и клановые подразделения карача-беев, поэтому, его состав достаточно точно определяет клановую структуру политически господствовавшей части населения Шибанидского Государства начала XVI в. Как видно из приведенных списков, несмотря на определенные различия, в составе этнополитического объединения во главе с Шибанидами фигурируют в основном одни и те же кланы⁶. Но эти группы имели и собирательное наименование «узбек», «узбековцы», являвшееся политонимом — оно обозначало подданных хана Узбека («узбекыйан»-узбековцы), жителей государства хана Узбека («мамлекат-и узбек»)⁷. Однако это наименование нельзя путать с поздним этнонимом «узбек». Скажем, в сочинении 1509 г. Фазлаллаха ибн Рузбихана «Михман-наме-йи Бухара» (Записки бухарского гостя) есть такие строки: «Три племени относятся к узбекам... одно [из них] — шибаниды... Второе племя — казахи... и третье племя — мангыты»⁸. Ясно, что в данном случае термин «узбек» применен в смысле политонима и отражает ситуацию скорее XV в., когда указанные три группы образовывали единое этнополитическое целое. Кроме того, за частью этнических наследников «узбеков» закрепился этноним «татар», например, в Сибирском ханстве. Последний термин функционировал и в Ногайской Орде. Можно полагать, что это наименование бытовало и в Шибанидском Государстве. (см. например, выражение «Тюменские татары» в русских летописях применительно ко второй половине XV в.), будучи окончательно заменено на понятие «узбек» лишь после переселения в первом десятилетии XVI в. крупного массива кочевого населения из «шибанитов» в Среднюю Азию и образования там Хивинского и Бухарского ханств.

⁵ Там же. — с. 10.

⁶ С. племенными подразделениями разного уровня их было 90 (См.: Султанов Т.И. Опыт анализа традиционных списков 92 «племен илатийа» // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). — М., 1977. — с. 165-176).

⁷ Ахмедов Б.А. Государство... — с. 15.

⁸ Ибн Рузбихан Исфাহани Фазлаллах. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Пер., предисл. и прим. Р.П. Джалиловой. — М., 1976. — с. 62.

Точных данных о численности населения Шибанидского Государства, нет. Тем не менее, в литературе для начала XVI в. приводят цифру 1,2-1,3 млн. чел. Из этого числа около 240-360 тыс. чел. ушли с Шибанидами в Среднюю Азию⁹.

Тюменское (Сибирское) ханство. Строго говоря, о границах Сибирского ханства, точнее, княжества, можно говорить лишь с начала правления там Тайбугидов, т.е. с конца XV в. или даже после 1505 – 1506 гг. Но на самом деле, как Тюменское ханство, так и Сибирское княжество, скорее всего, повторяли границы вилайята Чимги-Тура – менялись лишь столичные центры. В период Тюменского ханства (до конца XV – начала XVI вв.) его территория на западе доходила до Сылвенско – Иренского междуречья¹⁰, на юго-западе гранича с ногайскими владениями. Но не исключено, что в зоне максимального сближения граней Ногайской Орды и Тюменского ханства – в районе среднего течения р. Тобола, существовало вассальное последнему княжество с ногайским населением, что вытекает из московской грамоты 1597 г. хану Кучуму, где сказано: «...которые ногайские улусы, Тайбугин юрт, которые кочевали с тобою»¹¹. Южные границы государства точно не известны, но присутствие в легендарных войсках хана Кучума из четырех «отрядов» группы «Бараба» как самостоятельного «отряда», говорит о вхождении тюркского населения Барабинской степи на юго-востоке в состав ханства. По соседству с ними в бассейне р. Оми в Тюменское ханство, скорее всего, входили и чаты¹². На юго-востоке, таким образом, граница государства доходила почти до левобережья р. Оби. Далее на востоке она проходила по соседству с так называемой Пегой Ордой русских источников (этнополитическое объединение Нарымских селькупов). На севере в период Сибирского ханства его территория

⁹ Султанов Т.И. Кочевые... – с. 20-21; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000. – с. 242.

¹⁰ Некоторые данные об этих границах на западе, см: Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск, 1981. – с. 17-60.

¹¹ Исхаков Д.М. К вопросу...

¹² Томилов Н.А. Тюркоязычное население... – с. 203-217. Показательно, что этноним «чат» присутствует в списке племен, подчинявшихся хану Абулхаиру (См.: Султанов Т.И. Кочевые племена... – с. 16).

простиралась по р. Иртышу далеко за устье Тобола, доходя до низовьев Оби¹³.

Сибирское ханство являлось полиэтническим государством – наряду с политически доминировавшим татарским населением в него входили ханты (остяки), манси (вогулы) и селькупы. Правда, в некоторых случаях под этнонимом «остяк» русских источников могли скрываться и тюркские группы – «иштеки» (в районе Сылвенско – Иренского междуречья), давшие начало татарско-башкирскому населению Пермского Приуралья¹⁴.

Общее число населения в государстве известно лишь приблизительно. В частности, в 1555 г. у сибирского князя Едигера Тайбугида насчитывалось 30,7 тыс. «черных людей», т. е. ясачников. В грамоте Ивана IV об обложении данью этого ясачного населения, приводится цифра в 40 тыс. чел.¹⁵ Таким образом, в ханстве насчитывалось от 30 до 40 тыс. «черных людей». Сложнее определить численность собственно татар. С одной стороны, часть их платила ясак и входила в состав «черных людей». С другой стороны, феодальная верхушка, составлявшая собственно «татарский» слой общества, не относилась к ясачному сословию. Последний слой был явно не слишком многочисленным. Так, у правителя Тюменского ханства Ибрагима в 1481 г. собственных войск из «казаков» насчитывалось лишь около 1 тыс. чел. А в конце XVI – первой трети XVII вв. в центральных районах бывшего Сибирского ханства имелось чуть больше 2 тыс. чел. служилых татар¹⁶. Если учесть, что С. Герберштейн для первой четверти XVI в. численность «тюменских татар» определял в 10 тыс. чел., то общую численность сибирских татар в середине – второй половине XVI в. можно считать равной 10-12 тыс. чел. (из них около 2-3 тыс. являлись верхушкой общества)¹⁷. Соотношение феодальной верхушки и ясачной части сибирских татар в XVI в. могло быть 1:5. Это говорит о том, что «черное» население из татар сыграло важную роль в этническом развитии этнополитической общности

¹³ Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). – Казань, 2002. – с. 148.

¹⁴ Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). – Казань, 1998. – с. 114-140.

¹⁵ Томилов Н.А. Тюркоязычное население... – с. 42.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См. также: Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири. История и культура. – М.: Наука, 1996. – с. 17.

сибирских татар. Оно происходило от более раннего населения, которое могло именоваться «иштяками» и «сыпырами» (возможно от «савиров»). Собственно татарская часть общества, называвшаяся потом служилыми татарами, имело шибанидско-татарское происхождение. Показательно, что в некоторых источниках население Сибирского ханства, в т.ч. и татарское, делится на тех, кто жил по «волостям» (оседлые группы), и на тех, кто был сосредоточен в «улусах» (Сибирские летописи). Последние явно были татарами, ведшими кочевой или полукочевой образ жизни. Возможно, окончательной консолидации сибирско-татарского этноса помешала именно специфика хозяйственной жизни последних.

Но, несмотря на разнотническое происхождение ясачного и феодального сословия сибирских татар, этнополитическая общность, образовавшаяся в рамках Тюменского и Сибирского ханств, обладала определенной консолидированностью. Об этом свидетельствуют её устойчивые названия, известные по русским источникам в XVI в. Это такие наименования, как «страна Сибирская», «Сибирская земля» или «вся земля Сибирская» («Сибирские земли»), «Сибирское царство», «царство бесерменское в Сибири». Причем «Сибирские летописи» подчеркивают, что «вся страна» была прозвана «по граду Сибирь» (т.е. по г. Искеру) на р. Иртыше. Так как на татарском языке это «царство» (или «земля») называлось «Искер юрты», а г. Искер и есть тот же самый город, что и «Сибирь», получается, что «царство» или «земля» свое наименование действительно получило по столице. Точно такое же положение наблюдалось в других синхронных татарских ханствах.

В большинстве случаев государствообразующее, т.е. политически доминировавшее, в данном ханстве этническое формирование, именуется в источниках русского происхождения «татарами» (татаровя) иногда – «Тюменскими татарами» (в XV в.) Оно определяется и как «босурманы», «окаянные басурманы», «поганые» или «нечестивые татары», что характеризует это сообщество в целом как исламское (несмотря на ещё неполное усвоение некоторыми группами ислама в ханский период). Даже такая редкая форма, как выражение «Сибирские люди», являющееся политонимом, обозначало на самом деле татарскую общность.

Таким образом, единообразность использовавшегося по отношению к сибирским татарам этнонима, признание этой общности

в целом мусульманским формированием, указывает на то, что в XVI в. сибирско-татарская общность уже существовала. Что касается её особенностей, то они сводятся к двум моментам. Во-первых, как уже указывалось, часть сибирских татар могла вести кочевой или полукочевой образ жизни, во-вторых, клановые деления, имевшиеся в Сибирском ханстве, надо рассматривать скорее как территориальные кланы, или даже феодальные «дома», правда включавшие в рамках отдельных «улусов» или «юртов» – княжеств и рядовых сородичей, представителей правящих кланов. Как видим, этническая общность сибирских татар ханского времени по своей социальной структуре фактически не отличалась от других синхронных татарских общностей, формировавшихся в рамках своих государственных образований. Поэтому, можно говорить о существовании в XVI в. относительно немногочисленной сибирско-татарской народности феодального типа.

ГЛАВА 3.

ЭКОНОМИКА. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ТЮРКСКИХ ЮРТОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Государство Шибанидов. В Узбекском ханстве (Государстве Шибанидов) экономика зиждилась не только на кочевом скотоводстве, но и на оседлом земледелии, особенно после завоевания ханом Абулхайром района Сыр-Дарьи с городами Ясы, Отрар, Сыгнак, Сауран, Аргун, Узгенд, Ак-Курган и др. Да и в других частях ханства имелись городские центры и сельское население (в вилайяте Чимги-Тура, в долинах рек Каратал, Чу, Талас, Сары-Су). Значение земледелия в государстве в районах оседлости видно на примере рассказа Фазлаллаха б. Рузбихана о крепости Аркук начала XVI в.: «...решено было, [что] город Аркук с помощью других незначительных селений, находящихся на западном берегу Сейхуна, полностью обеспечит войска хлебом и продуктами»¹. Про округу г. Сыгнака там же сказано: «Вся эта область весьма благоустроена и возделана»². У кочевников основным богатством являлись овцы³, но они разводили и лошадей, верблюдов⁴, в меньшей степени – коров и коз. Существовала охота, определенное значение имело и рыболовство. Скажем, о жителях г. Сыгнака и его округи, в «Михман – наме-йи...» говорится: «...Все люди... в незимние дни много охотятся и заготавливают на зиму запасы продовольствия»⁵. Речь тут идет об охоте на сайгаков, куланов, степных баранов и др. животных. О значении торговли для экономики Государства Шибанидов свидетельствует следующий кусок из того же источника: «...купцы владений и местностей Дешт-и Кипчак до пределов реки Адил... сделали город Сыгнак местом складов своих [и] привозят сюда торговые товары. Купцы областей Туркестана, Мавераннахра и с Востока до пределов Кашгара, Хотана привозят в Сыгнак товары этих стран и совершают с людьми Дешта торговые сделки и обмен... это владение (Сыгнак – Д.И.) постоянно является местом пребывания купцов из [разных] стран, и добра и товаров всех стран там в

¹ Исфакхани Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи... – с. 75.

² Там же. – с. 116.

³ Султанов Т.И. Кочевые... – с. 53.

⁴ Исфакхани Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи... – с. 94.

⁵ Там же. – с. 116.

изобилии»⁶. В Сыгнаке, являвшемся в свое время столицей ханства, «ежедневно на рынках жарили пятьсот верблюдов и к вечеру на базарах не оставалось ни куска», там имелись городские власти, мечеть, могилы и гробницы «всех ханов узбеков и шибановцев»⁷. В городских центрах ханства существовали ремесла: обработка кожи, металла, в т.ч. и ювелирное дело, гончарное производство, изготовление оружия (сабель, луков, наконечников копий), стремян, седел, подвод, телег и т.д. В домашних условиях изготавливались верхняя одежда из овчины, домашняя утварь из кожи, обувь, седла, уздечки, кошма, войлок, мешки и др. Отраслью экономики были и военные походы, регулярно делавшиеся вглубь владений Тимуридов, против казахов и в др. районы. Скажем, во время набега Шибанидов в округу Ташкента в 1501-1502 гг., были уведены 200 тыс. овец, 5 тыс. лошадей, 3 тыс. рабов и 1,5 тыс. военнопленных⁸. В период похода Мухаммета-Шайбани хана против казахов зимой 1508-1509 гг., по словам Фазлаллаха б. Рузбихана, «невозможно описать, сколько они награбили ... всякого добра»⁹. Далее он конкретизирует, что речь идет об одежде, утвари, товарах, шатрах, вьючных животных, в т.ч. верблюдах, коровах, овцах и указывает, что обратно ехали очень медленно из-за «обилия добычи, награбленного добра, кибиток, бесчисленных, несметных овец»¹⁰. Во время походов военнопленные превращались в живой товар, поэтому существовала работорговля. Фискальная система ханства в точности не известна. Однако, жители государства платили ясак, что доказывается и следующим сообщением: согласно «Тарих-и гузидэ, Нусрат-наме» (ок. 1505 г.) «жители Жанги-Туры (Чимги-Туры – Д.И.) и Булгара платили ханской (речь идет об Абулхаире – Д.И.) казне ясак»¹¹. С кочевой части населения брался *кубжур ясагы* (от монг. кубчур) – 1/100 часть с поголовья скота (позже взимался и с оседлого населения), с оседлой части – десятину (*ушур*). Существовали различные налоги (продовольственный – *ашлыг*, сбор для снабжения войска – *тагар*, с кочевников – *савум зекят* скотом в размере 1/40) и повинности (*согум* – выплаты ханам и бекам, *шибагу* – сбор продовольствия во время летних перекочевков, *савари* – приношения, подарки хану и

⁶ Там же. – с. 117.

⁷ Там же. – с. 116-117.

⁸ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 85.

⁹ Исфакхани Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи... – с. 94.

¹⁰ Там же. – с. 128-129, 138.

¹¹ Цит. по: Ахмедов Б.А. Государство... – с. 19-20, 94.

другим знатным лицам при проезде, *пишкали* – от персид. «подношение», т.е. подарки скотом, птицей, одеждой, деньгами и т.д.)¹².

Политический строй Государства Шибанидов был такой же, что и у прочих позднесолотоордынских государств. Во главе его стоял хан из Чингисидов из рода Шибана. Несомненно, его на трон сажали предводители ведущих кланов¹³. Иллюстрация к политической системе Узбекского ханства содержится в «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» (начало XVI в), где сказано: «Беки – карачи, объединившись, посоветовались и решили, что старший внук хана будет хорошим человеком, и поручили [его] Карачин-бахадuru...»¹⁴. Про последнего источник уточняет: Дарвиш Хусайн, сын кукульташа Абулхаира хана Даулат Ходжа бек из омака кушчи, по прозвищу Карачин¹⁵. Совет из предводителей крупнейших племен (диван) возглавлялся карачибекom¹⁶ (очевидно, беклярибекom). Известен *наиб* – заместитель везира. Административный аппарат состоял из *аталыка* (атаке) из эмиров (беков) или *кукельташа*, которые правили уделами султанов до их совершеннолетия, *карачи-беков*, *казиев* (известен и верховный казий, являвшейся сеидом)¹⁷. Более мелкие должностные лица – это *даруги*. Про последних можно привести высказывание такого источника, как «Шейбани-наме»: «...это общество [эмиров] Шейбани хан [для благополучия] государства возвеличил исполняющим должность даруг вилайята Жанги-Тура»¹⁸. Кроме того, известны: *ички* или ишек-ага баши, ишек ихтиари, т.е. внутренняя охрана хана (про Кунгур бия из племены кушчи из

¹² См. там же. – с. 94-98.

¹³ Там же. – с. 46.

¹⁴ Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата, 1969. – с. 19.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 101.

¹⁷ Например, при хане Абулхаире с самого его провозглашения ханом находились Кул-Мухаммет сеид и Кара сеид (Ахмедов Б.А. Государство... – с. 46, 99). Кул-Мухаммет являлся верховным казием в государстве. При хане Мухаммете Шейбани около 1470-х годов находился Шамгун сеид, сын Кара сеида (См.: Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, с пер., прим. и приложениями изданная И. Березиным. – Казань, 1849).

¹⁸ Ибрагимов С. «Шейбани-наме» Бенаи как источник по истории Казахстана XV в. // Труды сектора востоковедения АН Казахской ССР. – т. 1. – Алма-Ата, 1959. – с. 198.

людей хана Абулхаира в «Тарих-и Абул Хайр хани», сказано: «один из самых приближенных и ичкиев»¹⁹, *ясавулы* (служащие дворцового ведомства, занимавшиеся сбором налогов, подсчетами военной добычи), *амир-и шикар* (миршикар) – начальник охоты, *михман-худай* (обеспечивал явку на ханские собрания – маджлис-и хулайун), *мубаширы* (ханские вестники), *джарчи* (глашатаи), *таваджи* (занимались сбором войска), *амакчи*, *сынчы*, (лошадники). Терминами *инаки* и *нукеры* обозначали близких к хану людей из знати (первые являлись эмирами крупнейших племен). Очевидно, ханство делилось на владения отдельных кланов (бейлики), но сама эта система остается не раскрытой. В связи с тем, что войско в Государстве Шибанидов состояло из делений на 10, 100, 1000 воинов и туменов (10000)²⁰, должны были существовать и соответствовавшие им должностные лица и улусные деления. Имелась и разветвленная группа духовенства (сеиды, один из них – верховный казий, он же – шейх ул ислам, казии, муфтии, улемы, дервиши)²¹.

Тюменское и Сибирское ханства. О хозяйственной жизни Тюменского ханства сведений практически не сохранилось. Можно лишь предположить, что она была близка к экономике Сибирского ханства. Сибирские татары вели комплексное хозяйство, основанное на земледелии, кочевом и полуоседлом скотоводстве с большой долей рыболовства, охоты и собирательства. Что касается земледелия, то его наличие подтверждается не только обнаружением во время раскопок городищ Сибирского юрта железных серпов – горбуш, сошников, каменных ручных жерновов²², но и существованием у сибирских татар собственной земледельческой лексики, указывающей на раннее сложение данной отрасли, на сохранение самобытных черт в агрокультуре (скажем, употребление термина «ашлык» не только для обозначения ячменя, но и вообще хлеба)²³. Ремезовская летопись,

¹⁹ Материалы по истории... – с. 148.

²⁰ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 106; Исфакхани Фазлаллаха ибн Рузбихан. Михман-наме-йи... – с. 63, 77, 113, 125, 144.

²¹ См: Ахмедов Б.А. Государство... – с. 99; Исфакхани Фазлаллаха ибн Рузбихан. Михман-наме-йи... – с. 56, 58, 98, 154.

²² Левашева В.П. О городищах Сибирского юрта // Советская археология, 1950, № XIII. – с. 341-350.

²³ Халиков Н.А. Этнокультурные особенности хозяйства западно-сибирских татар // Сибирские татары. – с. 84.

описывая поход Ермака, довольно часто упоминает о хлебных запасах сибирских татар²⁴. Сеяли видимо полбу, ячмень, овес²⁵. Скотоводы разводили лошадей, овец, коров, коз. Обнаружение железных крючков, грузил рыболовных сетей во время археологических раскопов, наряду с костями щук, карася, сибирского осетра, говорит о роли рыболовства²⁶. Охотились на пушных зверей (соболя, лисиц, белок, зайцев), в т.ч. и потому, что ясак уплачивался пушниной, на лосей, кабанов, антилоп, туров, гусей, уток, тетерева²⁷. Существовало и довольно развитое ремесло: гончарное производство, выплавка железа (археологически известны тигли, литейные формы) и изготовление железных изделий (топоров, тесел, молотков, стамесок, игл, удил, наконечников стрел и копий и т.д.), производство ювелирных изделий (найлены бусы из стекла, камня, пасты; серьги, перстни, браслеты из меди и серебра, подвески), возможно и утвари (обнаружены обломки чугунных котлов, медной посуды). Обнаружены и ряд предметов, говорящих о ткачестве (напрясла, костяные моталки для пряжи, иглы), производстве кирпича, обработке шкур (лопатки, скребки для обработки шкур), плетении (костяные кочедыки для плетения)²⁸. В столице Сибирского ханства — г. Искере, несомненно, производили кирпич, так как в городе имелись кирпичные сооружения (в основном дома строились, видимо из плетня, обмазанного глиной и из дерева).

Первые сведения о торговых связях Сибирского юрта с соседями относятся ещё к XV в. — в частности, в 1475 г. в некоторых русских летописях сообщается о том, что «Татарове Казаньстии побили устюжан на Каме 40 человек, идучи кь Тюмени торгом»²⁹. Через несколько лет (в 1481 г.) устюжане, воевавшие под г. Чердынем, «на Каму шедши, да встретили гостей и Тюменских татар», которых они «пограбили» и «посекли»³⁰. Очевидно, в обоих случаях речь идет о торговых связях Тюменского ханства с Поволжьем, в первую очередь

²⁴ Файзрахманов Г.Л. История... — с. 155.

²⁵ Копылов Д.И. Ермак. — Иркутск, 1989. — с. 75.

²⁶ Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации (виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). — Томск, 1960. — с. 100.

²⁷ Там же. См. также: Левашева В.П. О городищах... — с. 347.

²⁸ Левашева В.П. О городищах...; Худяков Ю.С. Луки и стрелы сибирских татар // Восток — Запад... — с. 252-267.

²⁹ ПСРЛ. — т. 11-12. — с. 158.

³⁰ Там же. — с. 95; Документы по истории коми... — с. 263.

– с Казанским ханством, на одном из важнейших торговых путей из Поволжья в Западную Сибирь (по р. Каме до Перми – Чердыни, далее по рекам Сылве и Чусовой через Уральские горы)³¹. О важности торговли с Поволжьем говорит и уведение ханом Ибрагимом Шибанидом в 1481 г. из Большой Орды «ордобазара» этого государства в свое владение «не грабя», т.е. в целостности. Другим значимым для Сибирского ханства направлением торговли была Средняя Азия – Бухарское ханство и др. городские центры региона. Туда из Сибирского ханства имелись несколько торговых путей (от Искера к горе Улытау по р. Сары-Су и через горы Каратау к г. Саурану и далее к Туркестану и Бухаре; вдоль Иртыша до р. Омь и далее; от г. Чимги-Тура и Явлу-Тура к Шубер-кале, далее – на Туркестанскую дорогу)³². Из Средней Азии поступали ткани, одежда, обувь, украшения, ковры, гончарная посуда, лекарства, предметы реэкспорта – фарфоровая посуда (из Кашгара, Китая)³³. Сибирское ханство вывозило, прежде всего, пушнину (соболей, лисиц), возможно – охотничьих птиц (сохранилась информация о том, что хана Кучума правитель Бухарского ханства хан Абдулла просил прислать таких птиц)³⁴. Отраслью экономики являлась и война. Так, после успешного разгрома ставки хана Большой Орды в 1481 г. тюменский хан Ибрагим, кроме «ордобазара», увел с собой «скота и полону литовского бесчисленно»³⁵. В XVI в. походы сибирских татар в соседние районы не прекращались, что давала возможность захвата пленных и иных богатств³⁶.

Вне всякого сомнения, в Сибирском ханстве существовала сложившаяся система налогов и финансов. Основным налогом была «дань» – ясак. Наиболее ранняя информация о таком платеже

³¹ Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI – XVII вв. // Научные труды. – т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI – XVII вв. – ч. 1. Пути за Урал в XVI – XVII вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – с. 72-136.

³² Абдиров М. Кучум: известный и неизвестный. – М., 1996. – с. 55.

³³ Там же. См. также: Левашева В.П. О городищах...

³⁴ Абдиров М. Хан Кучум... – с. 55.

³⁵ ПСРЛ. – т. 37. – с. 95.

³⁶ См., например, в 1505 (или 1506) г. «пришедши из Тюмени на Великую Пермь ратью Сибирский царь Салтан... приступиша. Чердыню не взял, а землю нижнюю воевал всю». В 1573 г. на Пермь Великую напал сын Кучума султан Маметкул, воины которого «данных остяков Чагира с товарищи побили, а иных в полон взяли». В 1581 г. хан Кучум опять пришел с войною «на Пермь Великую на городки на Сылвенские Чусовские, вотчины Строганова пограбил» (Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 130).

содержится в сообщении отдельных русских летописей об обращении правителя Сибирского юрта князя Едигера к Ивану IV с предложением стать вассалом Московской Руси на условии выплаты «дани» по соболу с человека, да ещё по сибирской белке «дороге» московского царя (как «дорожскую пошлину»). Летопись уточняет, что речь идет именно о «черных людях», которых насчитывалось 30,7 тыс. чел.³⁷ Конечно, это был не полный объем ясака, уплачиваемого ясачниками ханства (Московскому царю в 1557 г. была прислана дань в 700 соболей – она была меньше, чем ожидалось; в 1558 г. поступила «дань Сибирские земли» в размере 1000 соболей и «дорожской пошлины» 160 соболей)³⁸. К 1569 г. относится сообщение о том, что хан Кучум собирал дань³⁹. Да и в «Сибирских летописях» (Есиповская летопись, Ремезовская летопись) речь идет о том, что он «дани и оброки... имаше», «дани... взяша». Видимо, между «данью» (ясаком) и «оброками» была разница, но трудно сказать, какая. Все же в документах в основном говорится о «дани». Ещё одна косвенная информация об уплате хану Кучуму населением ханства ясака относится к 1586 г., когда в связи с решением московских властей построить на р. Белой г. Уфу, отмечается: «...город поставить, что беглый из Сибири Кучюм царь, пришед в государеву вотчину... в башкирцы, учал кочевати и ясак с государственных людей с башкирцев, почал... имати»⁴⁰. На самом деле, скорее всего хан Кучум собирал ясак со своих подданных (они были сосредоточены на так называемой «Сибирской дороге» более позднего Уфимского уезда). О сборе ясака («дан») с «черни» (каралар) легендарным правителем Сибирского юрта Ансам «ханом» говорится и в эпическом произведении (дастане) сибирских татар «Илдан белән Гөлдән»⁴¹.

Таким образом, сбор ясака в Сибирском ханстве, безусловно, осуществлялся. Однако, о других платежах и повинностях населения ханства мы ничего не знаем. Чеканка монет в Сибирском юрте была произведена лишь тюменским ханом Сайид-Ибрагимом

³⁷ ПСРЛ. – т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. – М.: Наука, 1965. – с. 233.

³⁸ Там же. – с. 251, 258.

³⁹ Копылов Д.И. Ермак. – с. 80.

⁴⁰ Пекарский П.П. Когда и для чего основывались города Уфа и Самара? // Сборник отделения русского языка и словестности Императорской АН. – т. X, №5, 1872. – с. 20.

⁴¹ Илдан белән Гөлдән // Мирас, 2002, № 8. – с. 17-32.

и была явно связана с захватом им в 1481 г. финансового центра Большой Орды – «Ордубазара»⁴². В целом денежное обращение в Сибирском (Тюменском) ханстве, скорее всего имевшееся, остается не выясненным.

Политический строй Тюменского ханства, основанный на золотоордынских традициях, уже был прослежен нами ранее. Хотя приходится признать, что для подробного анализа этого вопроса исторических источников не хватает. Что касается собственно Сибирского ханства, то применительно к нему следует рассмотреть проблему особого статуса этого этнополитического образования между началом XVI в. (уход Шибанидов из Чимги-Туры – Тюмени и перемещение центра политической власти в г. Искер или Кашлык) и приглашением на престол Шибанидов около 1563 г.

Прежде всего, в этот период Сибирский юрт был княжеством, а не ханством и его точным названием было бы «Искерское княжество Тайбугидов»⁴³. Во главе этого княжества стоял «Сибирский князь» – его титул впервые упоминается в Патриаршей (Никоновской) летописи под январем 1555 г.: «...пришли послы ко царю и великому князю изъ Сибири отъ *Сибирского князя* Едигера отъ всей земли Сибирской»⁴⁴. Титул «Сибирский князь» был не номинальным: в результате послания князя Едигера, просившего правителя Московского государства от имени «всей земли», чтобы он «всю землю Сибирскую взять в свое имя», в тексте грамоты Ивана IV, отправленного в г. Вильно 22 июля 1555 г., был вставлен новый элемент его титулатуры – «*всея Сибирские земли повелитель*»⁴⁵. Из приведенных данных вроде бы вытекает вывод, что Сибирский князь был суверенным правителем. В таком случае Сибирское княжество (Искерское княжество Тайбугидов) чем-то напоминало бы Мангытский юрт, где также правил князь (бий).

Однако, как уже говорилось, имеются сомнения относительно полной независимости Сибирского княжества и источники на этот счет сейчас необходимо проанализировать. Согласно преданиям сибирских татар, до Кучума в Искерском юрте ханом был его старший

⁴² Нестеров А.Г. Монеты...

⁴³ А.Г. Нестеров вначале использовал формулу «Тайбугидское Сибирское ханство», затем перешел к более точной формулировке «Искерское княжество Тайбугидов» (См.: Нестеров А.Г. Дорусские государственные...; Его же. Искерское княжество...).

⁴⁴ ПСРЛ. – т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. – М.: Наука, 1965. – с. 248; т. 29. – с. 333.

⁴⁵ Сборник РИО. – т. 59. – Спб., 1887. – с. 470.

брат Ахмет-Гирей⁴⁶. Действительно, посольство из Сибири от царевича Ахмет-Гирея в Москву прибыло около 1563 г.⁴⁷ В том же году в Сибирском юрте был убит царевичем Кучумом Сибирский князь Едигер⁴⁸. Ситуация осложняется ещё больше, если учесть, что в «Описи» архива Посольского приказа (1614 г.) есть запись: «Стольник Сибирской 7072 году (1563-64 гг.), привозу к Москве *сибирского* Муртазы *царя* татарина Ташкина»⁴⁹. Эта информация заслуживает внимания по двум причинам: во-первых, в 1563 г. как Ахмет-Гирей, так и Кучум в русских источниках названы лишь «царевичами» (султанами), во-вторых, упомянутый выше Ташкин как «сибирский посол» известен и по другим документам за 1563-1564 гг., имеющим совершенно самостоятельное происхождение⁵⁰. Но любопытно, что согласно Г.Ф. Миллеру, опиравшемуся на исторические предания сибирских татар, в момент убийства Сибирского князя Едигера Муртаза был «ханом Большой Бухарь»⁵¹. Правда, П. Небольсин утверждал, что упомянутый выше Ташкин (Тагикин) прибыл от имени царевича Ахмет-Гирея в составе группы послов, среди которых были послы Сибирского князя Едигера Чибичень и Сибирского царевича Муртазы по имени Маминших⁵². Последние двое послов известны и по ногайским делам⁵³. Поэтому, остается неясным, был ли Муртаза ханом, а если был, то на каком престоле – Искерского юрта или Бухарском⁵⁴. В данном случае для нас важно то, что как Ахмет-Гирей, так и Кучум, не говоря уже об их отце – Муртазе, все время связываются с Бухарой и тамошними Шибанидами⁵⁵. Поэтому, Сибирский князь не может рассматриваться в отрыве от среднеазиатских Шибанидов и Бухарского ханства. Тем более, что по Г.Ф. Миллеру вдова убитого Сибирского князя Едигера тоже бежала в «Большую Бухару»⁵⁶. Кроме того, как видно из преданий сибирских татар, инициатива приглашения на престол Сибирского юрта

⁴⁶ Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 54-57.

⁴⁷ ПДРВ. – ч. X. – СПб., 1791. – с. 322.

⁴⁸ Копылов Д.И. Ермак. – с. 214.

⁴⁹ Там же. – с. 74.

⁵⁰ ПДРВ. – ч. X. – с. 303; ч. XI. – СПб., 1801. – с. 103, 123.

⁵¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. – кн. I. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – с. 196.

⁵² Небольсин П. Покорение Сибири // Отечественные записки, год 10-й, т. 60, 1848. – с. 259.

⁵³ ПДРВ. – ч. X. – с. 303, 305; ч. XI. – с. 103.

⁵⁴ Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 60.

⁵⁵ Детальнее см.: Там же – с. 54-60.

⁵⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. – кн. I. – с. 196.

Шибанида, исходила от «знатных татар», которые после смерти князя Едигера «не хотели ждать, когда княжна (вдова князя, бывшая беременной – Д.И.) разрешится от бремени, так как между ними не было согласия относительно того, кому править в Сибири. Они отправили посольство к хану Большой Бухары Муртазе, прося его прислать *в князя* (курсив наш – Д.И.) одного из своих сыновей. Муртаза отпустил... Кучума... По прибытии он был признан ханом»⁵⁷. То, что приглашение Шибанида Кучума было осуществлено по желанию местной знати, видно и из некоторых русских летописей: «...сибирские люди... изменили (московскому царю – Д.И.), дани... давати не учали и *взяли* (курсив наш – Д.И.) к себе на Сибирь царевича»⁵⁸.

Таким образом, приход на трон Сибирского юрта Шибанида Кучума (возможно и других его родственников) принципиально политический строй владения не изменил – возможно, поменялся лишь клан беклярибека – вместо Тайбугидов это место могли занять представители какого-то другого клана или из того же клана был поставлен иной князь. Хотя нам неизвестно, кто был в Искерском юрте «князем князей» после Тайбугидов Едигера и Бекбулата, отдельные намеки на этот счет содержатся в «Сибирских летописях». В частности, в «Ремезовской летописи» в рассказе о продвижении Ермака вверх по р. Иртышу, говорится: «...и погребли вверх по Иртышу... и до болшого князя Бегиша Княжева городка и ту учиниша великой бой со зборными Татары и с Карачинцы»⁵⁹. Термин «большой князь», наряду с упоминанием группы «карачинцев», не оставляет сомнения, что мы в лице князя Бегиша имеем дело с беклярибеком хана Кучума⁶⁰. Да и присутствие в грамоте хана Кучума в Москву (1571 г.) после его «печати» выражения «лутчие люди сибирские руки свои приложили»⁶¹, говорит скорее всего именно о карача-беках. Возможно, в Сибирском юрте существовало и собрание высшей знати,

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ПСРЛ. – т.29. – с.323. Комментарий к этому событию, см.: Frank A. The Siberian... – p.15.

⁵⁹ Сибирские летописи. – Спб., 1907. – с.341.

⁶⁰ Видимо, от владельца этого городка князя Бегиша идет известный род служилых татар Келмаметевых (Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. Научные труды. – т.III. Избранные работы по истории Сибири XVI – XVII вв. – ч. II. История народов Сибири в XVI XVII вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – с.164).

⁶¹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. – ч.2. – М., 1819. – с.64.

так называемый «диван», ибо в «сибирских летописях» один из карачабеков (не исключено, беклярибек) именуется «думным» хана Кучума.

В целом, не только в Тюменском ханстве, но в Сибирском юрте власть принадлежала Чингисидам поколения Шибанидов – если в первом прямо, то во втором – до прихода к власти в 1563 г. Шибанидов (Кучума или его родственников) – косвенно, через вассальные отношения с Бухарским ханством во главе с теми же самыми Шибанидами. Причем хан Кучум себя явно считал суверенным правителем, во всяком случае, по отношению к царю Московского государства – его грамота царю Ивану IV (1570 г.) начинается со слов «Волной человек Кочюм царь»⁶². Кроме хана, султанов и князей (в т.ч. и карачабеков) с мурзами, в правящую в ханстве группу входили аталыки, есаулы, «служилые люди» (видимо казаки)⁶³. Мусульманское духовенство, также входившее в правящее сословие, состояло из сеида, шейхов, мулл, ходжей («азеев», включая и «бабуазеев»), абызов, возможно, муфтиев и мударисов. Более гипотетично присутствие в ханстве ахунов⁶⁴. Из государственных чиновников известны послы, в том числе из шейхов, гонцы⁶⁵.

Несмотря на существование в ханстве отдельных княжеств – юртов, их локализация из-за состояния источников невозможна. Надо полагать, что эти княжества состояли из отдельных улусов или волостей во главе с князьями и мурзами⁶⁶.

---

⁶² Там же. – с.52.

⁶³ Бояршинова З.Я. Население... – с.113; Абдиров М. Хан Кучум... – с.44; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – т. II. 1598-1613. – СПб., 1841. – с.3.

⁶⁴ Исхаков Д.М. Сеиды... – с.60-64; Собрание государственных грамот... – ч.2. – с.129; Акты исторические... т. II. – с.3.

⁶⁵ ПДРВ. – ч. X. – с.303; ч. XI – с.103; ПСРЛ. – т. 29. – с.233, 251, 275, 323; ПСРЛ. – т.13. – с.248, 276, 285, 313, 370.

⁶⁶ В одном из русских документов за 1598 г. перечисляются такие существовавшие при хане Кучуме татарские волости: Курпицкая (Кирпицкая), Турашская, Любарская, Чойская, Куромская (Курома), Барабинская (Бороба большая), Ялынская, Каурдатцкая и, возможно, «Чатская» (Чаты) и «Колмакская» (Колмаки) (см.: Акты исторические... – т. II. – с. 2-4).

ГЛАВА 4. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Тюрко-татарские общества XV – XVI вв. имели определенные локальные различия в культуре, что было связано со спецификой местной этнокультурной традиции, хозяйственными особенностями, влиянием соседей и т.д. Но одновременно существовала и единая доминанта – мощное тюрко-исламское культурное начало, сложившееся ещё в рамках Золотой Орды. Если попытаться кратко охарактеризовать культурную ситуацию рассматриваемого времени, её можно было бы определить так: эти общества, оставаясь по своим базовым чертам тюркскими, основывались на исламских ценностях, ставших инвариантом их культуры. Однако, эта общая формула не должна скрывать от нас факта существования серьезных отличий между этими обществами по уровню их исламизированности. Иначе и не могло быть – одно дело, когда ислам был унаследован, как в Казанском ханстве, как культурная традиция Волжской Булгарии, и совсем другое, когда мы сталкиваемся с периферией мусульманского мира в лице относительно поздно мусульманизированных ногайцев и сибирских татар. Не удивительно поэтому, что некоторые сохранившиеся в источниках описания являвшихся наследниками Золотой Орды и казалось бы, довольно давно исламизированных тюрко-татарских обществ XV–XVI вв., способны вызвать шок у правоверных мусульман. Например, дон Хуан Персидский, в 1599–1600 гг. проезжавший в составе посольства через Астрахань, замечает о ногайцах, что они «в делах религии... в высшей степени невежественны»¹. Ему вторит доминиканский монах де Люк, в чьём описании (первая четверть XVII в.) «ногайские татары» предстают как народ, который «не соблюдает правил своей религии: не постится, не собирается на молитву...», а «магометанские богословы не живут между ними»². Разумеется, тут есть и поверхностность наблюдений. Но указанные оценки явно содержат и определенную долю истины – иначе трудно объяснить, почему даже в исторических преданиях башкир XIX в. о ногайцах сказано, что они «были очень развратны и

¹ Из рассказов дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию, от Астрахани до Архангельска, в 1599–1600 г. // Чтения в Императорском МОИД. 1899, кн. I. (188). М. – 1899. – с. 8.

² Описание перекопских и ногайских Татар, Черкесов, Мингрелов, Грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского Ордена (1625 г.) // Записки Одесского общества истории и древностей. – т. II. – Одесса, 1879. – с. 485.

дурные мусульмане... Слух об их беззакониях и незнании Корана дошел до Бухары и Туркестана, где царствовал святой муж Хузя-Ахмет Ясовей хан... [Тот] послал... к Ногаям ученика своего Хусейн бека..., [который сделал] Ногаев добрыми мусульманами..., обратил многих язычников»³. Хотя в этом предании есть разные исторические наслёния, общий дух его очевиден – он характеризует ногайцев как «неважных» мусульман, правда, не уточняя, как долго они оставались таковыми. Приведенными данными мы не можем пренебречь и потому, что довольно близкую характеристику кочевникам – казахам начала XVI в. дает и просвещенный мусульманин Фазлаллах б. Рузбихан⁴. Хотя его можно заподозрить в выполнении «политического заказа» – обвинения казахов в «язычестве», «вероотступничестве» и «безбожии» были выдвинуты улемами хана Мухаммата-Шайбани накануне его похода против них – нельзя не видеть, что он при характеристике кочевников опирался на некоторые жизненные реалии.

Наш опыт анализа вопроса об исламизации тюрко-татарских групп Приуралья и Западной Сибири в XV-XVI вв. также позволяет заключить, что не только в XV в., но даже и в XVI в. исламизация их ещё не была завершена⁵. Применительно к сибирским татарам иногда речь идет даже о XVIII в., что не совсем точно⁶, хотя сохранившиеся исторические предания сибирских татар довольно ясно свидетельствуют, что ещё в период правления хана Кучума в Сибирском ханстве продолжалось «обучение Сибирского народа исламу», «шариату» или даже шло проведение «дела обращения [в ислам]... с большей настойчивостью и успехом»⁷. Однако, уже в

³ Игнатьев Р. Памятники доисторических древностей Уфимской губ. // Справочная книжка Уфимской губернии 1883 г. – Уфа, 1883. – с. 334.

⁴ Исфакхани Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман – наме-йи... – с. 63, 104-105.

⁵ Исаков Д.М. Особенности исламизации восточных групп татар в XV – XVI вв. (Приуралье и Западная Сибирь) // Доклады международной конференции «Исламская культура в Волго-Уральском регионе» Казань, 8-11 июня 2001. Под. ред. А. Чаксу, Р. Мухамметшина. Предисловие Э. Иксаноглу. – Истанбул, 2004. – с. 223-234.

⁶ См. например: Frank A. J. Varieties of islamization in Inner Asia: the case of Baraba Tatars. 1740-1917 // En Islam Siberian (Cahiers du Monde Russe, 41/2-3, april-september 2000). – p.p 245-262.

⁷ Детальнее об этой проблеме, см.: Исаков Д.М. Скиды... – с. 53-64. Кроме отмеченной выше статьи А. Франка следует обратить внимание ещё на два исследования: Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник

послании правителя Тюменского ханства Ибрагима московскому великому князю Ивану Васильевичу от 1489 г., сказано: «Яз (т.е. хан Ибрагим – Д.И.) – бесерменский государь, а ты – христианский государь»⁸. В целом, само употребление по отношению к таким тюрко-татарским обществам понятий «сохранение реликтового шаманизма», «религиозный синкретизм»⁹ или даже «вероотступничество»¹⁰, дает основание для заключения о том, что их уровень исламизированности был ещё невысоким.

Но при всех отмеченных нюансах ислам являлся в тюрко-татарских государствах XV – XVI вв. государственной религией, а мусульманское духовенство имело в них не только разветвленную структуру и собственную иерархию, но и активно участвовало в политической жизни своих обществ.

Вне всякого сомнения, в культурной жизни этих обществ роль ислама была решающей, причем не только на уровне государственных институтов, дворцовых ведомств и феодального слоя, но и на низовом – народном уровне. Однако, это не означает полного исчезновения на *народном уровне доисламских верований* – *они сохранялись даже у казанских татар* – речь идет о превращении ислама в некоторый стержень народной культуры, когда традиционные доисламские верования и представления постепенно, но неуклонно превращались у всех групп татар всего лишь в наследие предков, в обрамление в целом мусульманской по своему духу, культуры. Поэтому, когда некоторые исследователи пишут о выраженных элементах язычества у отдельных групп татар в XV – XVI вв., иногда и позже¹¹, надо иметь в виду, что одним из возможных трактовок данного феномена, как уже отмечалось, может быть его рассматривание как специфики функционирования ислама в тюрко-татарском обществе, т. е. как его национальную особенность¹².

Тобольского губернского музея. 1904. – Вып. IV. – Тобольск, 1905. – с. 3-28; Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004.

⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. – Махачкала, 1995. – с. 19.

⁹ Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII – XVI вв. // Духовенство и политическая жизнь в Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. – М., 1985. – с. 177-185.

¹⁰ Исфакхани Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман – наме-йи... – с. 63, 104-105.

¹¹ См.: Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам...

¹² Такой подход, см: Frank A. J. Varieties...; Исхаков Д.М. Особенности...

Городская жизнь в Государстве Шибанидов и сформировавшихся после её распада Ногайской Орде и Тюменском (Сибирском) ханстве играла существенную роль. Данные о положении дел в этой сфере в так называемом Узбекском ханстве уже рассматривались выше.

О городской жизни в столице Тюменского ханства – г.Чимги-Тура (Тюмени), сведений очень мало и практически все они были рассмотрены в нашем исследовании ранее. Тут заметим только, что существование в этом городе уже в первой трети XV в. «хакимов», затем «даругов», возможная чеканка там монет при хане Сайид-Ибрагиме, наряду с информацией о «тюменских гостях», предполагает вполне развитую городскую жизнь в Тюменском ханстве. Однако, археологическая неизученность городища Чимги-Тура (Тюмени) не позволяет судить конкретнее об уровне развитости городской культуры в этом ханстве. О второй столице Сибирского ханства – г. Искере, тоже известно не так много. Кроме уже приведенных данных отметим, что этот город был небольшим и в нем жили в основном знать, дружина хана, торговцы и ремесленники. В городе находилась ханская казна. Основные строения, по-видимому, были из дерева: в окна домов вставлялась слюда, отопление было печное (или чувалами)¹³. Существование в городе мечети восстанавливается лишь по косвенным данным (нахождение в столице мусульманского духовенства, включая и сеида¹⁴, предполагает её наличие), мы ничего не знаем о ее внешнем облике, материале постройки. Сохранились предания о существовании у хана Кучума библиотеки¹⁵. Имея в виду, что в 1556 г. от Сибирского князя в Москву прислали «грамоту шертную»¹⁶, а от хана Кучума сохранились в русском переводе грамоты Ивану IV 1570, 1571 годов и воеводам г. Тары за 1597 г.¹⁷, можно утверждать, что во дворе правителей Сибирского ханства грамотных людей было достаточно. На самом деле в Сибирском ханстве кроме Искера и Чимги-Туры (он скорее всего, продолжал существовать) известны еще около 20 татарских городков различной величины (Кызыл-Тура, Тон-Тура, Явлу-Тура, Бацик-Тура, Карачин городок, Бегишева Княжев городок, Ачитский городок, Тархан кала, Сузгун городок, Чувашский град, Абалак град, Куларово городок, Ташатканский городок, городок есаула Алышная, городок Атик мурзы,

¹³ Файзрахманов Г.Л. История... – с.152.

¹⁴ Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 53-64.

¹⁵ Файзрахманов Г.Л. История... – с. 170.

¹⁶ ПСРЛ. – т.13. – с. 248; т. 29. – с. 258.

¹⁷ Собрание государственных грамот... – ч. 2. – с. 52, 63, 131.

городок Табаринца Бия, Тебендя-нижний городок князя Елыгая, Абугиновы городок)¹⁸. В них развивалась городская культура, характерная для малых феодальных укреплений.

Важным цивилизационным аспектом тюрко-татарских обществ XV–XVI вв. было сохранение и развитие ими традиций государственного существования, включая такие атрибуты, как государственные символы, культуру дипломатики и церемониала.

В связи с тем, что в ряде таатрских ханств XV–XVI вв. известны ханские короны и другие государственные символы¹⁹, наличие так называемой «Сибирской короны»²⁰, наталкивает на мысль о возможном сибирском-татарском происхождении данного государственного атрибута.

Ещё одним символом власти в татарских государствах были печати. В некоторых русских летописях под 1558 г. упоминается «шертная грамота» Сибирского князя Ядигера Тайбугида, «со княжею печатью»²¹. В другой «шертной грамоте» – на этот раз хана Кучума (1571 г.), приводится следующая запись: «...а на утверждение..., язъ Кучюмъ ц'ръ печать свою приложил...»²².

Еще один сюжет, который должен быть тут рассмотрен, связан с историческими сочинениями, летописанием в позднезолотоордынских государствах. Летописи и исторические труды создавались далеко не во всех государствах, возможно, в ряде случаев они просто не сохранились. К тому же по отдельным тюрко-татарским этнополитическим объединениям XV–XVI вв. они представлены неравномерно – относительно большое число исторических сочинений, написанных в первой половине XVI в. и дошедших до наших дней, происходит из Государства Шибанидов, точнее – из образовавшегося после его распада Бухарского ханства.

К созданным в первой половине XVI в. в Бухарском ханстве историческим сочинениям относятся: «Таварих-и гузиде нусрат-наме» (Избранная история, книга побед. 1502-1505 гг. Автор неизвестен); «Фатх-наме» (Книга побед. Начало XVI в. Автор – мулла Шаади); «Шейбани-наме» (Книга о Шейбани. После 1505 г. Автор – Камал ад-Дин Бинаи); «Футухат-и хани» (Ханские завоевания. После 1501 г.

¹⁸ См.: Ремезовская летопись // Сибирские летописи..., Бояршинова З.Я. Население... – с. 115; Файзрахманов Г.Л. История... – с. 151.

¹⁹ Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Научно-методическое пособие. – Казань, 2004. – с. 91-93.

²⁰ Файзрахманов Г.Л. История... – с. 145.

²¹ ПСРЛ. – т. 13. – с. 258; т. 29. – с. 258.

²² Собрание государственных грамот... – ч. 2. – с. 64.

Автор – Камал ад-Дин Бинаи. Является ранний версией «Шейбани-наме»); «Шейбани-наме». (До 1534 г. Автор – Мухаммед-Салих); «Михман наме-йи Бухара» (Книга бухарского гостя. 1509 г. Автор – Фазлаллах б. Рузбихан ал-Исфахани); «Зубдат ал-Асар» (Сливки летописей. После 1525 г. Автор – Абдаллах б. Мухаммед); «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» (История хана Абул-Хаира. 1540-е гг. Автор – Масуд б. Усман Кухистани). Во всех этих трудах на широком историческом фоне описывается история Шибанидов, особенно ханов Абулхаира и Мухаммета-Шайбани²³. В данном случае достаточно важным представляется то, что в ряде этих трудов отмечается существование официальной хроники Шибанидов. Скажем, автор «Фатх-наме» указывает, что он из рук Шайбани-хана получил такую хронику – она называлась «Фатх-наме»; в «Шейбани-наме» отмечено, что его автор – Камал ад-Дин Бинаи, в 1501 г. был назначен хронистом хана; в «Михман-наме-йи Бухара» упоминается официальная хроника Шибанидов под заголовком «Тарих-и хумайун»; в «Тарих-и Абул-Хайр-хани» есть указание на использование его автором династийной хроники Шибанидов²⁴. Даже если иметь в виду, что в данном случае под разными названиями фигурирует одна и та же хроника, приведенные сведения неоспоримо свидетельствуют о том, что летописание могло существовать ещё в Государстве кочевых узбеков, т. е. в «татарский» период истории Шибанидов, до переселения их из Дашт-и Кыпчака в Среднюю Азию. Но информация об этом этапе истории Шибанидов из перечисленных исторических трудов пока не вычленена, поэтому она не может быть рассмотрена в интересующем нас ракурсе, как часть культурной жизни тюрко-татарских обществ XV-XVI вв.

Что касается, Тюменского и Сибирского ханств, летописание и исторические труды, написанные в этом государстве, неизвестны. Однако, мы бы не спешили с выводом о том, что их вообще не было.

Когда мы ведем речь о Тюменском (Сибирском) ханстве, прежде всего надо иметь в виду его нахождение в структуре вассальных отношений с Государством Шибанидов, позже – с Бухарским ханством. Поэтому, те исторические труды, которые были созданы в государствах Шибанидов, фактически имеют отношение и к Искерскому юрту. Однако, сибирские татары обладали и собственным историческим сознанием, подкрепленным местными традициями,

²³ Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средний Азии XVI-XVIII вв. (письменные памятники). – Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1985. – с. 12-39.

²⁴ Там же. – с. 15, 19, 28, 37.

сохранившимися как в устной, так и в письменной формах. В частности, в одном из преданий сибирских татар отмечается, что во время похода Ермака было утрачено «родословие сеидов», явно имевшее письменный характер. Когда оно было восстановлено со слов «Шербети шейха и стариков», оказалось, что в нем имеется значительный объем исторических знаний, с указанием и некоторых дат²⁵. Даже генеалогия правителей Искерского юрта, сохранившаяся в составе грамоты московского царя Федора Ивановича к хану Кучуму (1597 г.)²⁶ и включающая кроме хана Ибака (Сайд-Ибрагима) и князей «Тайбутина рода» в такой последовательности – Магмет – Казый – Едигер, скорее всего восходит к татарским источникам, так как трудно предположить, что в Москве знали о последовательности правления Сибирских князей. Кроме того, некоторые поздние предания сибирских татар, например, содержащийся в народно-краеведческой истории «Происхождение аула Сала» (XIX в.) рассказ, повествующий о том, как пришли «...из Бухары в составе людей Тайбути – бия, сына Шах-Мурада..., прибыли на земли будущего Искира 500 человек, среди которых были муфтии и мударрис» и как они «основали г. Искер и стали осваивать сибирские земли»²⁷, тоже скорее всего восходит к более раннему письменному родословию местных «святых» (*яхшылар*). Заметим также, что С.В. Бахрушин, специально обратившийся к «туземным легендам» в «Сибирской истории» С. Ремезова, нашел возможным отметить, что, кроме устных преданий, первоисточник этого автора – Есиповская летопись, в разделе о татарских царях ссылается на «летописца татарского»²⁸. Хотя в основе этого раздела «Сибирских летописей» скорее всего лежат татарские устные предания, включая и дастаны²⁹, приведенное замечание о «татарском летописце» оставляет место и для допущения о существовании у сибирских татар в период ханства каких-то письменных хроник, возможно, типа генеалогических историй.

²⁵ Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 54-58.

²⁶ Собрание государственных грамот... – ч. 2. – с. 132.

²⁷ Усманов М.А., Шайхиев Р.А. Образцы татарских народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская археография и источниковедение. – Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1979. – с. 91.

²⁸ Бахрушин С. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Исторические известия, издаваемые историческим об-вом при импер. Московском ун-те, 1916, №3-4. – с. 10.

²⁹ Например, в дастане «Илдан белән Гөлдән» фигурируют многие правители Сибирского юрта, отмечаемые в русском летописании – в «Сибирских летописях» (См.: Мирас, 2002, №8. – с. 17-32).

ГЛАВА 5. ИСЛАМ В ШИБАНИДСКОМ, ТЮМЕНСКОМ И СИБИРСКОМ ХАНСТВАХ

Шибанидское государство в первых десятилетиях XV в. выступает уже как мусульманское этнополитическое объединение. В известном источнике по ранней истории этого ханства – «Тарих-и Абул-Хайр-хани», при описании поднятия в 1429 г. на ханский престол Абулхайр, одного из потомков Шибана, среди знати упоминаются и два сеида – Кул-Мухаммед сеид (с титулом «лучший из потомков главы Пророка, султан накибов») и Кара сеид. Они же фигурируют и среди представителей племен и султанов, собранных этим ханом в 1430 г. накануне похода на Хорезм¹. По мнению Б.А. Ахмедова, при хане Абулхайре сеид Кул-Мухаммед являлся «верховным казыем»². Очевидно, это соответствует званию верховного сеида в других татарских государствах. У внука Абулхайра Мухаммеда Шайбани в связи с военным походом около 1472 г. отмечается сын упомянутого выше Кара сеида Шамгун сеид.³ Имеющиеся материалы, поэтому, позволяют говорить об исламизированности населения Шибанидского государства.

Но на огромных территориях Государства кочевых узбеков, в частности, в Западной Сибири, религиозная ситуация была более сложной, о чем свидетельствуют некоторые исторические предания, сохранившиеся среди татар и башкир. Одно из них, изложенное в двух рукописях на татарском языке, было обнаружено и опубликовано Н.Ф. Катановым⁴. Несмотря на то, что в этом предании имеются хронологические неувязки, основные события, излагаемые в ней, относятся скорее всего ко времени «хана Шейбана», под которым надо иметь в виду Мухаммеда Шайбани хана – правителя Государства кочевых узбеков (умер в

¹ Тарих-и Абдул-л-Хайр-хани // Материалы по истории казахских ханств в XV-XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата: Наука, 1969. – с.143; Ахмедов Б.А. Государство... – с.46, 99.

² Ахмедов Б.А. Государство..., – с.101. Занимавшие эту должность в государстве Шейбанидов известны и позже (См. там же. – с. 101,117).

³ Шейбаниада. История монголо-тюрков... – с. LIX.

⁴ Катанов Н. О религиозных войнах шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея) // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1904 г. – Вып. XIV- Тобольск, 1905. – с.3-28.

1510 г.). В рукописях он предстает как хан «Средней Орды». Основная канва событий следующая. В бассейне р. Иртыш имели «кочевья» три «народов»: народ «хотан» (у хантов – этноним сибирских татар, видимо, от «кидань»); народ «Ногай» и народ «Кара-Кыпчак». Один из ишанов (основатель Накшбандийского ордена Багаутдин ходжа⁵) поручает 366 «конным» шейхам пойти к указанным выше «татарам», которые «не имели истинной веры и истинных понятий», так как они «поклонялись куклам»⁶, с предложением «пригласить их к исповеданию ислама». Далее говорится, что ишан дал указание шейхам – если они не примут приглашения, «то учините с ними великую войну за веру». Когда отмеченные шейхи прибыли к «хану Шейбану в степи Средней Орды», тот поддержал их и «вооружил 1700 своих героев и в целях большой войны за веру отправившись с ними на лошадях, спустился к... Иртышу и учинил там великое сражение за веру». К этому времени, «некоторые из народов Хотан, Ногай и Кара-Кыпчак исповедали веру ислама». Под напором воителей, остальные «испугавшись тоже обратились к вере ислама». Во время битвы большинство шейхов и воинов «хана Шейбана» пали, сам хан ушел обратно к «народу Средней Орды»; небольшое число шейхов осталось и «они стали обучать основам веры тех из народов Ногай, Хотан и Кара-Кыпчак, которые исповедовали ислам». Далее говорится об уходе большинства оставшихся в живых шейхов в «Священную Бухару» и приводится еще ряд данных относительно мусульманских святых в Западной Сибири.

Несомненно, рассмотренный источник многослойный. Кроме прочего об этом говорит и тот факт, что в конце рассказа о шейхах, среди тех, кто «остался... для обучения вере в числе первых шейхов», называется «почтенный Шерпяти», приходившийся младшим братом двум шейхам⁷. Между тем, уже установлено, что Шербети шейх жил в Сибирском ханстве при хане Кучуме (первое

⁵ Жил около первой половины XV в.

⁶ Этот сюжет имеет интересную параллель с рассказом о походе Мухаммеда Шайбани хана против казахов зимой 1508-1509 гг. Накануне похода казахи, уже исповедавшие ислам, были обвинены в язычестве, одним из проявлений которого автор «Михман-наме-йи Бухара» Фазлаллах ибн Рузбихан называет сохранение «изображения идола, которому они (т.е. казахи – Д.И.) земно кланяются» (Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани. Михман-наме-йи... – с.105-106. Катанов Н. О религиозных... – с.23).

⁷ Катанов Н. О религиозных... – с.23.

упоминание шейха около 1572 г.).⁸ Однако, есть еще один источник, который позволяет перепроверить материалы отмеченных выше исторических преданий сибирских татар.

Речь идет о башкирских преданиях, связанных с племенем табын, записанных известным башкирским ученым М. Уметбаевым. Он сообщает, что бии этого племени – Асади и Шикарали, жившие в бассейне Иртыша и Ишима, бежали на запад от Урала тогда, когда боролись друг с другом два хана – «Ибак» и «Шибак».⁹ В первом узнается правитель Тюменского ханства хан Ибрагим (умер в конце XV в.), а второй, по нашему мнению, Мухаммед Шайбани хан. Достоверность приведенного сообщения повышается тем, что имена Асади (Асәт) бия и Шикарали бия действительно упоминаются в родословных племени табын¹⁰. Кроме того, в родословной рода Кара-табын также сообщается о переселении их предков со стороны Иртыша к р. Миассу, а затем к Чулману, т.е. Каме¹¹. Это событие, как уже было установлено нами, относится к последней четверти XV в. Самое интересное то, что Г. Чокрый, происходивший из рода Кара-табын и записавший «историю» этой группы, обращаясь к ее прошлому, с удивлением замечает, что «религии (в данном случае – ислама – Д.И.) у них не заметно». Получается, что в опубликованных Н.Ф. Катановым преданиях есть доля истины – ко времени похода Мухаммед Шайбани хана против правителей Тюменского ханства, тюркская часть его населения была еще не полностью исламизирована. Однако специально укажем, что к концу XV в. ислам уже в Тюменском ханстве частью населения исповедовался (см. выше формулу: «некоторые из народов Хотан, Ногай и Кара-кыпчак исповедовали веру ислама»). Об этом же, на наш взгляд, свидетельствует еще одно историческое предание, сохранившееся среди сибирских татар.

Речь идет о народно-краеведческом сочинении «Происхождение аула Сала», в котором про основателя деревни сказано, что его звали Сала, а его отцом был Сулейман-бай, который «пришел на эти земли из Бухары в составе людей Тайбуга-

⁸ Исхаков Д.М. Сеиды... – с.56 и след.

⁹ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – М.: Наука, 1974. – с.282.

¹⁰ Там же-с.271.

¹¹ Нәзерғолов М.Х. Кара-табын ыруы шәжәрәсе // Башкирские шежере (филологические исследования и публикации). – Уфа, 1985. – с. 77-87; Его же. Киммәтле комыртка // Агидел, 1985, № 11. – 119-124 бб.

бия, сына Шах-Мурада. Вместе с Тайбугой прибыли на земли будущего Искра 500 человек, среди которых были муфтий и мударрис... Пришельцы основали город Искр». Так как в упомянутом тут Тайбуга бие можно предполагать основателя династии Тайбугидов в Сибирском княжестве (затем ханстве), жившем ближе к первой половине XV в., то получается, что ислам в Тюменском ханстве начал распространяться уже тогда.

Следующий этап исламизации населения Сибирского ханства связан с периодом правления хана Кучума (с 1563 г.) и отражен в сибирско-татарских исторических преданиях.

В рассказе муллы Ильяса (XIX в.) говорится следующим образом. Когда в Искерском юрте (т.е. в Сибирском ханстве) «ханом» был Ахмет-Гирей, умер шейх ул-ислам юрта. Хан обратился к «хану города Бухары» с просьбой прислать нового религиозного деятеля шейх-ул-ислама. В ответ на эту просьбу, бухарский хан написал письмо «хану Ургенча» с приказом отправить в Искерский юрт шейх ул-ислама. Тот снарядил в дорогу шейха Ширбета, который должен был в Искерском юрте стать шейх ул-исламом, придав ему еще своего «великого визиря» (*олы вэзир*) по имени мулла Муса, муллу Якупа, ахунов, мурз (мирз) и слуг – всего 500 человек. Вся группа вначале заехала в «священную Бухару», где их с большим почетом принял бухарский хан. Затем последний дал им еще людей и отряд, насчитывающий 1000 человек, выехал в Искерский юрт. По прибытии их встретил хан Ахмет-Гирей, «оказавший великие почести шейх ул-исламу, мулле Якупу и прочим муллам, давший каждому должность». Через год Ахмет-Гирей хан умер, ханом стал Кучум.

Во втором предании, известном как «Родословие сеида» (*Сәетнең шәжәрәсе*) сообщается, что утраченное во время Ермака родословие сеидов было восстановлено со слов «Шербети шейха и стариков». Они рассказали о приходе «Хан сеида из Ургенча к Искерскому хану Кучуму для обучения Сибирского народа исламу». Ведущее место в рассказе Шербети шейха занимает происходивший от сеидов Дин-Али ходжа. Отмечается, что «из его рода (были) имамы великих людей в Бухаре (и) Ургенче». Как заявил Шербети шейх, его и Дин-Али ходжу в Сибирь послал бухарский хан Абдула, придавший им старшего брата Кучум хана султана Ахмет-Гирея. Это событие, происходившее в 1572 г., целиком выглядело так. Вначале в Бухару от хана Кучума прибыло посольство с просьбой прислать «еще одного шейха». Когда хан Абдулла принимал решение отправить ургенчскому «хакиму» письмо по этому вопросу, рядом с ним находился некий бухарский

«хаким» по имени мулла Якуп, с которым хан советовался. Затем было подготовлено письмо ургенчскому хакиму Хан-ходже (Хан-сеиду) с распоряжением отправить к Кучуму «сеидзоде Ярым сеида и шейхзоде Шербети-шейха». С указанным письмом послы хана Кучума выехали в Ургенч и вручили его хакиму Хан-сеиду. В письме говорилось: «...По указу муфтиев и (опираясь) на шариат..., передайте послу сибирского хана Кучума... Ярым сеида и Шербети шейха..., с почетом и (обеспечив) дорожные расходы, придав им 10 добрых, средних лет попутчиков, отправьте их». Когда эта группа дошла до г. Искера, посол сообщил хану Кучуму о прибытии духовенства. Тот со своими нукерами переправился через р. Иртыш, чтобы приветствовать прибывших. После этого все переправились на другой берег, в г. Искер. Хан Кучум поставил Ярым сеида творить правосудие и выносить решения (*хөкем кылгагы*). А Шербети шейх, по его собственным словам, занялся тем, что «сделал известными подножия (могил) святых (на) Тоболе» Через два года Ярым сеид умер и Шербети шейх уехал в Ургенч. Но тут от хана Кучума прибыл новый посол, через которого хан передал, что для «обучения шариату и отправления правосудия нет человека, пришлите опять одного сеидзоде и шейха». История повторилась: Абдулла хан рассмотрел дело и отдал распоряжение, а хаким Ургенча подготовил к отправке Дин-Али ходжу, приходящегося племянником покойному Ярым сеиду (он был сыном его младшего брата) и уже знакомого нам Шербети шейха. Эти двое выехали вначале в Бухару и попросили у хана Абдуллы послать вместе с ними дядю хана Кучума Ахмет-Кирея (Гирея), обосновав свою просьбу тем, что «дорога была опасна». Хан выполнил их просьбы и дал им еще 100 человек сопровождающих. Когда они приехали в Искер, хан Кучум уступил свой престол султану Ахмет-Гирею и тот правил четыре года, затем был убит «своим тестем – ханом чолказахов Шыгаем». Кучум опять стал ханом и отдал свою дочь Лейлу (Ләгыл) – ханшу замуж за Дин-Али ходжу. Некоторое время все они жили в г. Искере, затем «юрт пошел прахом» (*бозылды*), Кучум умер. От брака Дин-Али ходжи с Лейла ханшой родились сыновья Султан-Мухаммед, Сеид-Мухаммед и Аксеид, жившие в г. Тара, а от Сеид-Мухаммеда родился Миргали сеид.

В целом, начальная часть родословной сибирских сеидов выглядела так: Тобыцак (Топечак) сеид – его сын Алау-дин (Галәветдин) сеид – его сыновья Ярым сеид (старший) и Мырали (Миргали) ходжа – сын последнего Дин-Али (Дин Гали) ходжа.

У.Х. Атласи к этой родословной есть такое дополнение – Тобыцк сеид был сыном «Сеид ата» (*Сәет атаның улы Төпечак сәет*).

При анализе изложенных материалов важно установить хронологию событий, упоминаемых в преданиях и по возможности «вписать» их в исторический контекст. Одна дата содержится в рассказе о первом приходе сеида Дин-Али ходжи и шейха Шербети в Сибирское ханство. Это произошло во время правления хана Кучума в 1572 г. Начало правления хана Кучума в Искерском юрте датируется, как уже указывалось, 1563 г. К 1565 г. относится сообщение, сохранившееся в ногайских делах, о женитьбе «царевича Алия», сына «Сибирского Кючюма царя», на дочери ногайского князя Тин-Ахмета»¹². Практически одновременно с ханом Кучумом в Сибири оказался и средний сын хана Муртазы Ахмет-Гирей султан¹³: посольство от него, как от «царевича», прибыло из Сибири в Москву около 1563 г.¹⁴ Согласно Г.Ф. Миллеру, Ахмет-Гирей был послан своим отцом ханом Муртазой с «войском» на помощь Кучуму и вместе с ним «прибыл ахун, несколько мулл и абызов, чтобы провести дело обращения... с большей настойчивостью и успехом»¹⁵. Ахмет-Гирей действительно некоторое время мог быть ханом Искерского юрта: если основываться на преданиях, его правление могло иметь место в 1574-1578 гг. Поэтому, хронологическая канва событий, о которых идет речь в преданиях, представляется вполне достоверной.

Историчны и сведения о тесных связях Сибирского ханства с бухарским ханом Абдуллою¹⁶. Последний уже в годы правления своего отца Искандера (1561-1583 гг.), оставаясь султаном, являлся реальным правителем Бухарского вилайета государства Шибанидов (центр этого государства в первой половине XVI в. несколько раз оказывался в Бухаре). Следовательно, между историческими материалами и содержанием преданий особых противоречий нет. Об этом говорят и актовые источники. Так, упоминаемый в конце XVI в. «татарский юртовский сеид Тенелей Берелеев»¹⁷ есть ни кто иной, как сеид Дин-Али, сын ходжи Миралия («Берелеев» –

¹² ПДРВ. – ч. XI. – СПб., 1801. – с. 195.

¹³ Кучум являлся младшим сыном Муртазы.

¹⁴ ПДРВ. – ч. X. – СПб., 1791. – с. 322.

¹⁵ Миллер Г.Ф. История..., кн. I. – с. 199.

¹⁶ См.: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск, 1982. – с. 109.

¹⁷ Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары... – с. 165.

испорченное от «Мирали»). Отмеченные у С.В. Бахрушина на основе документов за 1672 г. «бухарские сеиты на Таре» Мирали Сеитов и Аксеит Сеитов¹⁸, являлись: первый – внуком Дин-Али ходжи (отцом Мирали был Сеид Мухаммед), второй – дядей Мирали (см. выше родословную сеидов). Да и содержание рассказа муллы Ильяс (XIX в.) позволяет установить связь между событиями XVI в. и реальными личностями, жившими в XIX в. В частности, мулла Ильяс (XIX в.) в числе своих предков называл муллу Мусу и его сына муллу Якупа (XVI в.), представив В.В. Радлову свою непрерывную генеалогию, восходящую к ним, Все это говорит о достоверности сведений, содержащихся в рассматриваемых преданиях.

Нам известны имена по меньшей мере двух сеидов Сибирского ханства (Искерского юрта), являвшихся высшими духовными лицами: это Дин-Али (Гали) сеид (начиная примерно с 1574-1575 гг. и до завоевания ханства русскими), а до него – его дядя Ярым сеид (1572-1574 гг.). Не исключено, что и предки Ярым сеида, особенно его отец и дед, являлись верховными сеидами в Искерском юрте.

Об особой роли Бухары в инвеституре высших духовных лиц Сибирского ханства говорит сам факт обращения хана Кучума к верховному правителю кочевых узбеков Абдулле хану с просьбой прислать высших духовных лиц. Далее, когда Абдулла хан перед второй отправкой духовенства в Искерский юрт (около 1574-1575 гг.) решает послать вместе с ними султана Ахмет-Гирея со 100 сопровождающими, в результате прибытия которых хан Кучум уступает трон своему дяде, это весьма напоминает выполнение вассалом распоряжения сюзерена. Одно место из «Родословия сеида» рисует аналогичную картину: когда хан Абдулла отправляет хакиму Ургенча письмо, в нем говорится о том, что в Искерский юрт сеид и шейх посылаются «по указу муфтиев и (опираясь) на шарит» (На татарском языке: *«мөфтиләрнең фатвәсе менән, шәр'и-шәриф боерунча»*). Между тем, в Бухаре имелись 14 муфтиев, занимавшихся составлением юридических решений, основанных на шариате. Эти решения затем давались верховному судье (кази алкузат, т.е. казыю), который выносил окончательное суждение по рассматриваемому делу¹⁹. Обращает на себя внимание еще один момент, зафиксированный в преданиях сибирских татар: в них

¹⁸ Исаков Д.М. Сеиды... – с. 58.

¹⁹ Абдураимов М.А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве XV – первой половине XIX века. – т. 1. – Ташкент: Фан, 1966. – с. 89.

фигурирует некий ходжа (или мулла) Якуп, «хаким Бухарский», подсказывающий хану Абдулле решение о том, кого конкретно послать из Ургенча в Искерский юрт. Затем именно он пишет письмо, в котором были приведенные выше строки об указе муфтиев. Похоже, что это было должностное лицо, имевшее отношение к духовным делам. И именно оно обладало правом определять конкретных духовных лиц, могущих возглавить духовенство Искерского юрта. Возможно, что указанный ходжа (мулла) Якуп имел отношение к шейхам Джуйбари, обладавшим огромной властью в Бухаре; из них тут выходили глава духовенства (шейх ул-ислам) и алим. Любопытно, что их духовная власть распространялась и на Сибирское ханство: согласно отдельным источникам, шейхам Джуйбари «беспрекословно подчинялись... султаны Тура (т.е. Сибирского ханства — Д.И.) и Дешти-Кыпчака»²⁰. Таким образом, последний факт еще раз подтверждает высказанный уже тезис об особых отношениях Сибирского ханства и государства кочевых узбеков, особенно, Бухарского вилайета.

Достаточно уверенно можно говорить о том, что глава мусульманского духовенства Сибирского ханства был из сеидов и носил тот же титул, что и глава духовенства государства Шибанидов — «шейх ул-ислам». Правда, в рассказе муллы Ильяса этот титул как будто бы приписывается шейху Шербети. Однако в данном случае мы имеем дело с поздней версией событий 1570-х годов, поэтому к ней надо подходить весьма осторожно. В то же время из раннего предания — «Родословия сеида» — отчетливо видно, что из двух прибывших в 1572 г. более значимой была фигура Ярым сеида — именно его хан Кучум оставил около себя как должностное лицо. По этому же преданию, во время второго прихода духовенства из Бухары, Дин-Али ходжа, будучи сеидом, опять был поставлен выше — он женился на дочери хана Кучума. Не исключено, что до прибытия в Искерский юрт кандидат в главы духовенства считался не сеидом, а всего лишь сеидзаде. Во всяком случае, в татарском варианте «Родословия сеида» есть место, где Ярым сеид, находящийся в Ургенче, именуется «сеидзаде». Но будущего сеида обязательно сопровождал шейх, который до прибытия в Искерский юрт, очевидно, назывался еще не шейхом, а шейхзаде.

---

²⁰ Там же. — с. 97.

Функции этого шейха не совсем ясны. Если сеид был главой духовенства и занимался правосудием (*хаким кылгалы*)²¹, то шейх предстает всего лишь неким «кодификатором» священных могил. Правда, он или его приближенные могли заниматься и обучением основам ислама – по преданию видно, что мулла Якуп, прибывший в свите Шербети шейха, учил детей «грамоте, а народ – религии». Обучение шейхами «религии» видно и из опубликованного Н.Ф. Катановым на основе двух татарских рукописей сочинения, названного им «О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири». В сочинении, как уже было сказано, речь идет о «конных шейхах», трое из которых остались «в степях Средней Орды» и «стали обучать основам веры». Наличие шейхов в Искерском юрте и до прихода Шербети шейха, вытекает из ногайских дел, в которых есть информация о после «ис Сибири» Мамин шейхе (шихе), находившемся в 1564 г. в Москве²².

Кроме сеида (сеидов) и шейха (шейхов) в Сибирском ханстве имелись и другие группы духовенства. Прежде всего, это муллы. О них говорится в предании, рассказанном муллой Ильясом (речь там идет о мулле Якупе, сопровождавшем шейх ул-ислама и о «множестве мулл», выехавших с ними в Искерский юрт). Ахмет-Гирей хан всем муллам по их прибытии в ханство «дал места». Ветвью этих же мулл могли быть и «ахуны», фигурирующие в том же предании. Но с этим термином ситуация менее ясная, так как он несет отпечаток XIX в. (тогда ахуны у татар были хорошо известны). Какая группа духовенства XVI в. скрывается под этим термином XIX в., не понятно. Возможно, в некоторой степени ответ на этот вопрос можно получить при изучении рукописной истории под названием «Происхождение аула Сала», в которой упоминаются «муфтий» и «мударрис». Хотя названные в источнике понятия «муфтий» и «мударис» могли быть позднейшей заменой более ранних терминов, не исключено все же их присутствие в рукописи в силу существования в ханстве реальных групп духовенства, имевших такие обозначения.

Дело в том, что в Бухаре, о чьих связях с Искерским юртом уже было сказано достаточно, должность духовного лица, называвшегося «муфтием», существовала. В составе духовенства Сибири могли быть и хафизы (абызы): Г.Ф. Миллер отмечает (его

²¹ Х. Атласи эта функция передана яснее: «шәригәтхәкемен йөртергә вә хәкем әйләргә» (Атласи Һ. Себер тарихы. // Себер тарихы. Сөнбикә. Казан ханлыгы. – Казан, 1993. – с. 77 б.).

²² ПДРВ. – ч. XI. – с. 103.

сообщение перекликается с рассказом муллы Ильяса), что вместе с Ахмет-Гиреем в Сибирское ханство прибыли «ахун, несколько мулл и абызы». В данном случае имеет значение и существование в конце XVIII в. в Эсколбинской волости наряду с деревней «Сеитовы» и населенного пункта «Абызовы». Наконец, на то, что в 1572 г., кроме сеида и шейха в Искерский юрт пришли и другие представители духовенства, намекает и «Родословие сеида», рассказывающее о 10 лицах, сопровождавших сеида и шейха. На татарском языке они названы «яхшылар», что у сибирских татар обозначает нечто вроде «святых» и применяется больше к духовенству. В целом, в Искерском юрте можно выделить такие группы духовенства: сеид (он же «шейх ул-ислам»), шейхи, муллы, абызы, возможно, муфтии и мударисы. Более гипотетично присутствие в ханстве ахунов (хотя в «Ремезовской летописи» они фигурируют).

Обращает на себя внимание и то, что некоторые сеиды в ханстве имели еще наименование «ходжа», возможно, в связи с их совершением хаджа. Но больший интерес представляет то место из обращения хана Ахмет-Гирея «в Бухару», где излагается просьба прислать в Искерский юрт «старшего (өлкән) шейх ул-ислама»²³. Н.Ф. Катанов это место перевел не совсем удачным словом «великий»²⁴. Полагаем, что в данном случае термин «өлкән» имел какую-то смысловую нагрузку. Тут вспоминается, что в «Родословии сеида» рассказчик, говоря о знатности происхождения Дин-Али сеида, подчеркивает, что «в Бухаре (и) Ургенче» из его рода были «имамы великих» (*ольларның имамнары*)²⁵. Не исключено, что эти термины («өлкән шәех ул-ислам», «ольларның имамнары») являются синонимами эпитета «величество учителей великих», знакомого по истории других татарских ханств XV–XVI вв.²⁶

Высокое положение сеида в Сибирском ханстве подтверждается несколькими фактами. Скажем, хан Кучум, как говорится в «Родословии сеида», при прибытии Ярым сеида лично переплыл р. Иртыш, чтобы приветствовать прибывших. Об особом положении сеида в ханстве говорит и женитьба Дин-Али сеида на дочери Кучум хана. Не исключено, что такого рода матримониальные связи существовали ранее между правящим домом «сибирских князей» и высшими духовными лицами

²³ Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 63.

²⁴ Катанов Н.Ф. Предания... – с. 63.

²⁵ Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 63.

²⁶ Там же. – с. 46-47.

государства. У Г.Ф. Миллера сохранилось татарское предание следующего содержания: беременная вдова князя Едигера, бежавшая в «Большую Бухару», нашла там «очень сочувственное отношение» со стороны одного «сеита», принявшего ее в свой дом и ставшего для родившегося от вдовы мальчика приемным отцом (именно в его честь он и был назван «Сейдяком», т.е. «маленьким сеидом»)²⁷.

Несмотря на то, что большинство источников рассказывает о приходе мусульманского духовенства в Сибирь из Средней Азии (Бухара, Ургенч), нельзя сбрасывать со счетов и другие источники появления духовенства в Искерском юрте. Так, ссылаясь на Ремезовскую летопись, Г.Ф. Миллер сообщал о том, что Кучум «привез много духовенства из Казани»²⁸. Несмотря на некоторые анахронизмы, это сообщение может отражать какие-то реальные события. О миграции татарской знати из Казанского ханства в Тюменское в 1480-х годах уже говорилось. Смутные воспоминания об этом сохранились и в преданиях сибирских татар, попавших затем в «Сибирские летописи». В частности, в «Сибирских летописях» говорится о «казанском хане Упаке» (очевидно, это тюменский хан Ивак или Ибрагим), который убил «сибирского князя» по имени Мар и его детей после этого взял «в Казань». Но прежде этот хан оказался «в Чимге (Чимги-Тура – столица Тюменского ханства – Д.И.) вместе со многими казанскими татарами»²⁹. Да и отмеченный выше рассказ о поездке хана Кучума «в Казань», в силу хронологических причин (к 1563 г., когда Кучум стал ханом, Казанское ханство уже не существовало) явно не может быть реальным. Тем не менее, он мог быть результатом более ранних этнополитических контактов двух татарских ханств или отражает события, имевшие место в степях Казахстана в 1550-х годах. В целом, возможность прихода мусульманского духовенства из Поволжья в Западную Сибирь в последней четверти XV – первой половине XVI в., а то и позже³⁰, явно существовала.

Ко времени завоевания Сибирского ханства Русским государством политически господствовавшее в ханстве татарское население в глазах русских являлось уже мусульманским этносом.

²⁷ Миллер Г.Ф. История..., кн. 1. – с. 196.

²⁸ Там же. – с. 199.

²⁹ Ремезовская летописи по Мировичеву Списку // Сибирские летописи, 1907. – с. 194; ПСРЛ, т. 36, – ч. 1. – с. 47 и др.

³⁰ Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань, 2001. – с. 86.

Об этом говорят такие сохранившиеся в «Сибирских летописях» выражения, как «бусурманская» (вера), «бусурманское воинство», «многие бусурманы» и другие, применявшиеся по отношению к сибирским татарам.

Однако глубина исламизации сибирских татар остается не вполне ясной, тем более, что по отношению к некоторым группам сибирских татар, например, барабинским, существует мнение об их исламизации лишь в XVIII в. Правда, предпринятое американским историком А. Дж. Франком в последнее время исследование вопроса об исламизации барабинских татар, сильно поколебало эту точку зрения. Выяснилось, что барабинские татары были знакомы с исламом значительно раньше (сохранились сведения о клятве предводителя барабинцев Кугутая на Коране в начале XVII в., в 1628 г. среди них известен мулла)³¹. Кроме того, следует учитывать, что барабинские татары были частью «народа» хана Кучума³², а этот «народ» вряд ли мог быть не мусульманизированным.

---

³¹ Frank Allen J. Varieties...

³² Катанов Н.Ф. Предания...— с. 10.

ГЛАВА 6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУДЬБА ТЮМЕНСКОГО И СИБИРСКОГО ХАНСТВ

В литературе высказывалось мнение, что правителю Государства кочевых узбеков Абулхаиру не подчинились ряд Чингисидов, в их числе и сын хана Хаджи-Мухаммеда Сайид-Ибрагим (Ибак) хан¹. Скорее всего, Шибанид Сайид-Ибрагим, чьим юртом был, как уже указывалось, «вилайят Чимги-Тура» с центром в г. Тюмени, находился вассальной зависимости от хана Абулхаира, приобретая определенную самостоятельность лишь после его смерти (1468/69 г.), если это не случилось несколько раньше из-за образования союза с отколовшимся от Государства Шибанидов Мангытским илем (около сер. XV в.). Наиболее заметным внешнеполитическим событием в восточной половине бывших владений Золотой Орды – на территории Кок Орды, после противоборства различных группировок в первой половине XV в., стало крупное столкновение в 1469 г. наследника хана Абулхаира Шибанида Шейх-Хайдара с Сайид-Ибрагимом из Тюменского юрта, действовавшего при поддержке Мангытского иля и ряда других групп во главе с Джанибеком (будущий основатель Казахского ханства). На стороне Шибанида Шейх-Хайдара тогда воевал хан Большой Орды Ахмат. Коалиция хана Ахмата и Шибанидов потерпела поражение, бежавших в г. Астрахань Шибанидов – наследников хана Абулхаира, преследовали изменивший политическую ориентацию хан Большой Орды Ахмад и мангыты, с которыми находился и тюменский хан Сайид-Ибрагим².

С этого времени начинается период активного участия тюменского хана Сайида-Ибрагима и его родственников в союзе с Мангытским илем³ в делах наследников Золотой Орды в Поволжье. Этот союз был основан на том, что Сайида-Ибрагима ханом скорее всего поставили *Мангыты*, из которых были беклярибеки этого хана (отсюда определение его в русских источниках как «Ногайского царя»). Возможно, таким же образом был псажен на ханский трон и его преемник – хан Мамук, также действовавший при поддержке ногайцев – в частности, в мае 1497 г. он наступал на

¹ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 60.

² Трепавлов В.В. История... – с. 102-103, 120-121.

³ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 67-68; Нестеров А.Г. Монеты... – с. 276.

Казань «со многою силою Ногайскою»⁴. После смерти последнего в том же году, через несколько лет (в 1499-1500 гг.) Шибанид Агалак султан, брат покойного Мамука, опять осаждал Казань с многочисленным войском (до 80 тыс. чел) из «*Нагайских татар*»⁵, что предполагает продолжение союзнических отношений Шибанидов из Тюменского ханства с Мангытским илем. Эта связь, скорее всего, прервалась лишь после второй волны ухода Шибанидов в Среднюю Азию в 1511 г.⁶, когда центр политической власти из г. Тюмени (Чимги-Туры) переместился в Бухару, куда, надо думать, перебрались и тюменские Шибаниды.

С этого времени и до января 1555 г. мы не имеем каких-либо подробных сведений о Сибирском юрте – Искерском княжестве Тайбугидов, пришедшем на смену Тюменскому ханству. Русские источники отмечают, что в Москве в январе 1555 г., между двумя походами московских войск на Астрахань после взятия Казанского ханства, появились послы Сибирского князя Ядигера Тайбугида, «бывших челом... ото князя Едигера и ото всеи земли, чтобы государь их... взял за себя... и дань свою на них положил и дорогу (дарагу – Д.И.) своего прислал, кому дань собрати»⁷. Это предложение было принято и Сибирское княжество Тайбугидов стало вассалом Московского государства.

После смерти Едигера Тайбугида 1555 г., в титулатуре Ивана IV, как было отмечено, появилось определение «всея Сибирские земли повелитель». По-видимому, такому ходу событий способствовала и ситуация в Ногайской Орде – после убийства ногайского бия Юсуфа в 1555 г. там началась междоусобная война, затем в 1557 г. наступил великий голод⁸ и в итоге из-за крайнего ослабления Ногайской Орды его новый правитель – бий Исмаил, ещё в 1554 г., будучи нурадином, заключивший соглашение с Москвой, в 1557 г. подписал шертную грамоту с Московским государством, хотя и не предусматривающую никакой реальной

⁴ ПСРЛ. – т. 11-12, с. 242.

⁵ Там же. – с. 250, 253; ПСРЛ. – т. 37. – с. 51, 98; Исхаков Д.М. К проблеме этнических и политических связей тюрков Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XVI в. // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9-11 декабря 2002 г., г. Тобольск): – Тобольск-Омск, 2002. – с. 177.

⁶ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства... – с. 210-211.

⁷ ПСРЛ. – т. 29. – с. 233.

⁸ Трепавлов В.В. История... – с. 274-288.

подчиненности Москве⁹, на самом деле ведущую дело к вассальной зависимости Ногайской Орды¹⁰.

Но Сибирское княжество Тайбугидов, благодаря приходу к власти хана Кучума ставшее опять ханством, продержалось дольше остальных тюрко-татарских ханств. Однако хан Кучум уже в 1570 г. предлагал Москве «дружбу», а в 1571 г. – «чтоб его царь и великий князь взял в свои руки, а дань со всея Сибирские земли имал по прежнему обычаю»¹¹. Тем не менее, для полного подчинения Сибирского ханства Москве понадобился поход Ермака 1582-1585 гг. и длительные военные действия русских войск против хана Кучума и Кучумовичей в конце XVI – начале XVII вв. В итоге Сибирский юрт, понесший тяжелые потери, наконец был окончательно присоединен к Русскому государству¹². После победы над Кучумом в 1598 г., начиная с Бориса Годунова, русский царь начинает именоваться и «царем Сибирским»¹³, что на самом деле означало завершение истории самостоятельного Сибирского ханства, хотя Кучумовичи и после смерти хана Кучума в 1601 г. продолжали довольно долго оказывать сопротивление русским властям¹⁴.

---

⁹ Там же. – с. 612-615.

¹⁰ История России... – с. 418.

¹¹ Собрание государственных грамот... – ч. 2. – с. 41, 45.

¹² Файзрахманов Г.И. История... – с. 196-211.

¹³ Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. – М., 2000. – с. 49-50, 96.

¹⁴ Файзрахманов Г.И. История... – с. 209-211.

РАЗДЕЛ IV

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ХАНСТВА

I. ДОКУМЕНТЫ XV ВЕКА

1489 год

1. Сентябрь 1489 г. Грамота из Мурома наместника князя Феодора Хованского.

Государю Великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси холоп твой, государь, Феодорвец Хованской челом бьет. Приехали, государь, к тебе послы из Ногайския Орды: Иваков слуга, а зовут его Чюмгуром, да Мусин мурзин слуга, Адиком зовут, да Емгурчеев мурзин слуга, Тувачем зовут; а всех их, государь, дватцать да два. А сказывают, государь: Волгу возились под Черемшаны. А провожал их, сказывают, Алказый да, Бегиш, да сын его Утешь, да Чет, да и Кайсым Сегит. А провожали их, государь полем до Суры, до Папулы до мордвина. А оттоле, государь, сказывают, ехали на князя да Ромодана да на Кирданову Мордву, да на Саконы. А нынеча, государь, стоят за рекою против города. И яз, государь, на сю сторону их возити не велел без твоего ведома. И ты, государь, как укажешь?

И князь великий того же месяца сентября послал против нагайского посла Юшка подьячего, а велел ему давати послу корм на стану по два барана, а овчины назад отдавать. А на кони, на которых они едут, на десятеро лошадей четверть овса. А которые коня гонят на продажу, те кони корму не давати.

2. Ноябрь 1489 г. Грамота хана Ибрагима к великому князю Ивану III (Ивакова царева грамота).

От Бреима царя великому князю, брату моему, поклон. Яз – бесерменской государь, а ты – христианской государь, от сех мест вперед меж бы нас добродетель бы наша была. Брат мой Алегам царь по случаю в твоих руках стоит. Со мною впрок захошь братом быть, брата моего ко мне отпусти. Ко мне его не всхошь пустити, и ты его на ево вотчину отпустишь, ино то мне таково ж братство будет. С Алегамом царем меж вас крепкая правда и слово было, тебя, к слову прямя, слышел есми; и яз ныне тех слов правду познаю: Алегам царя ко мне отпустите, оба одного отца дети. Один из них на тебя надеялся, к тебе пошол; и ты ся к нему смиловал; а нынеча мой брат Алегам царь, что у тебя ныне в руках живет, тебе от того которой прибыток? Впрок братом захочешь быти, мне моего брата ко мне отпусти. Базарьского князя, Чюмгуром зовут, доброго своего человека послал есми. Чюмгур

князь как дойдет, ярлык увидев, твоему братству примета то будет. Ко мне брата моего отпусти. Нашего переднего, Кулдербышом зовут, бакшея посла есми; а Сейтяком зовут, паропка, в толмачех послал есми.

Источник: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. – Махачкала, 1995. – с. 18-20.

1494 год

3. 1494 г. Грамота хана Ибрагима к великому князю Ивану III (Ивакова царева грамота).

Лета 7002 приехал к великому князю от царя, от Ивака от ногайского, с грамотою человек его Чумгюр. А се грамота: Ибриямово слово великому, князю Ивану, брату моему, поклон. После того ведомо бы было слово то: стоит промеж Чангысовых царевых детей наш отец Шыбал царь стоит с твоим юртом в опришнину, и друг и брат был, от тех мест межы нас ту Атамыров да Номаганов юрт ся учинил, а мы ся учинили далече, а с тобою меж нас добрые съсылки не бывало. Ино мне сючястье дал Бог. Тимер Кутлуева сына убивши, Саинской есми стул взял. Да ещо: сам с и з детми условившыся, а великого князя детей на княженье учинив, на отцов юрт, к Волзе пришел, стою. Ино как по первым по нашим, по тому же братству нашему примета, Алягам царь стоит, того прошу у тебя. Да как его дашь нам, и дружбе и братству примета то стоит. Да отца своего, места ищучи, на Темер Кутлуева сына ратью сел есми на конь. Да еще: Алягама царя, как дашь нам, после того твоему недругу недруг стою, а твоему другу друг стою. Да се братство отведати, Чюмгуром зовут, слугу своего послал есми. Да еще нас назовешь собе братом своим, а добрым человеком Чюмгура борзо отпустишь, ты ведаешь.

Источник: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. – Махачкала, 1995. – с. 46-47.

II. ДОКУМЕНТЫ 1570-Х ГОДОВ

1570 год

1. 1570 г. Отписка земских бояр царю Иоанну Васильевичу.

Господарю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси, холопи твои, Иванец Белской, да Иванец Мстиславской, да Михалец Воротынской и все бояре, челомъ бьютъ. По твоему Господареву приказу, отъ тебя Господаря отпущенъ съ Москвы, изъ тюрьмы, Сибирской Татаринъ Айса, въ Сибирь, къ Сибирскому царю съ грамотою, въ семьдесятъ въ седмѣмъ году въ марте месяце; а велено его изъ Перми отпустить князю Миките Ромодановскому. И привезъ, Господарь, изъ Перми князь Микита Ромодановской грамоту Сибирского царя Татарскимъ писмомъ, и что, Господарь, намъ Микита речию сказывалъ, и мы речи те написавъ на списокъ, и съ Сибирские грамоты переводъ, послали къ тебе ко Господарю.

Подлинная отписка писана столбцѣмъ. На обороте: Господарю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси. Там же помечено: 78-го марта 21, съ Васильемъ Фоминымъ (т.е. отправлена из Москвы в Слободу).

2. 1570 г. Речи князя Н. Ромодановского.

Лета 7078 марта 17, сю грамоту Сибирского царя Кучюма привезъ изъ Перми князь Микита Ромодановской, а сказалъ: что приехалъ онъ изъ Перми по Господареве грамоте, а тое грамоту въ Пермь привезъ къ нему Гоголетинъ изъ Конды Ивака Ивакинъ сынъ, съ Пелыма, о Николине дни осеннемъ, а ему Иваке, сказалъ, тое грамоту дали изъ Сибири. А которой Татаринъ Сибирской Айса присланъ отъ Господаря въ Пермь ко князю Миките съ грамотою, а велено его отпустить въ Сибирь, и того Татарина привезъ Серой Дубровинъ въ Пермь июня 3-го, и князь Микита сказываетъ того Татарина отпустилъ въ Сибирь тогда жъ. А какъ князь Микита жилъ въ Перми, и при немъ сказываетъ отъ Сибирскихъ людей задору некоторого не было; а взяли были Сибирские люди въ Чюсовой, после Ильина дни, трехъ Пермяковъ, Ивашка Поздеева съ товарищи, и быть Ивашко у царя въ Сибири день съ десять, и отпустилъ его на подводахъ до Перми, а дву товарищев его оставилъ, а хотел и тех отпустить, а обиды сказал не учинилъ некоторые, а говорил сказываетъ ему царь: ныне деи дань собираю, Господарю вашему Царю и Великому Князю пословъ пошлю; а нынеча деи мне война с Казацкимъ царемъ, и

одолеет деи меня царь Казацкой и сядет на Сибири, ино и тотъ Государю дань учнетъ же давати.

На обороте надпись: Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси. Къ сему акту принадлежит грамота (въ переводе) Царю Иоанну Васильевичу отъ Сибирского царя. Кучюма.

3. 1570 г. Ответная грамота царя боярам о Сибирских делах.

Отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси, бояромъ нашим, князю Ивану Дмитриевичю Белскому, да князю Ивану Федоровичю Мстиславскому, да князю Михаилу Ивановичю Воротынскому и всемъ нашимъ бояромъ. Писали естя къ нам, и роспросъ князя Микиты Ромодановского, и переводъ съ грамоты Сибирского царя къ намъ прислали; и нам те вести ведомо. – И вы бѣ о томъ поговорили, пригоже ли намъ съ Сибирскимъ царемъ о томъ ссылатись, и почему въ Сибирь Тотарин къ царю отпущень, и что съ ним писано, и въ котором году отпущень? Да что ваша будетъ мысль, и вы бѣ приговоръ свои къ намъ отписали, да и грамоты, ...посланы отъ насъ къ царю Сибирскому... Татариномъ Айсомъ, прислали къ намъ не мешкавъ, часа того. Писана въ Слободе, лета 7078...

На обороте помѣта: Съ Васьюкою съ Фоминымъ (т.е. отправлена изъ Слободы въ Москву).

Подлинники хранятся въ Главном Архиве Министерства Иностранных Дел.

Источник: Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. т. 1. 1334-1598. – Спб., 1841 – с.340-341.

4. 1570 г. Грамота (в переводе) к Государю Царю Иоанну Васильевичу от Сибирского Царя Кучюма.

Бог богат.

Волной человекъ Кочюмъ Царь, Великий Князь Белой Царь. Слыхали есмя ... еси и справедливъ, мы и весь народъ земли, воюютца; а не учнутъ воеватца, и они мирятца. С нашимъ отцомъ твой о[тец] гораздо помирился, и гости на обе стороны ход ... по тому, что твоя земля блиска, люди наши в упокое были, а межи ихъ лиха не было, а люд[и] в упокое в добре жили, и ныне при нашемъ

и при твоёмъ времени люди черные не в упокое. А по ся места грамоты к тебе не посылашь есми по тому, что не с которымъ намъ война была, и мы тогу недруга своего взяли; и ныне похощь миру и мы помиримся, а похощь воеватися, и мы воюемся, пяти шти человекъ в поиманье держать, земле в томъ что? Язь пошлю посла и гостей, да гораздо помиримся, толко похощь с нами миру, и ты ис техъ людей одного, которые в поиманье сидятъ, отпусти и своего человека с ними к намъ пришли гонцомъ. С кемъ отецъ чей былъ въ недружбе, с темъ и сын его в недружбежъ быти пригоже; будетъ в дружбе бываль, ино в дружбе и быти, кого отецъ обрелъ себе дру[га] и брата, сыну с темъ в недружбе быти ли? И ныне ... помиримся братомъ старейшимъ [...] чимъ учинимся в отечестве [и брат]стве учинимся, только похощь миру, и ты наборзе къ намъ гонца пришли. Молвя, с поклономъ грамоту послалъ.

На обороте надпись: Государю Царю Великому Князю Ивану Васильевичю...

1571 год

5. 1571 г. Выписка из старинной Государственной книги, названной Титулярником о начавшейся в 1569 году переписке между Государем Царем Иоанномъ Васильевичемъ и Сибирским Царем Кучюмомъ.

Начало посолству Сибирского Кучюма Царя со Царемъ и Великимъ Княземъ.

А се въ грамоте начало писано, какову Царь и Великий Князь послалъ х Кучюму Царю съ его человекомъ с Аисою, по ихъ челобитью:

Божиею милостию, от Великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси, Владимирского, Московского, Ноугородцкого, Царя Казанского, Царя Астороханского, Господаря Псковского, Великого Князя Смоленского, Тверского, Югорьского, Пермьского, Вятцкого, Болгарьского и иныхъ, Государя и Великого Князя Новагорода Низовские земли, Черниговского, Резаньского, Полотцкого, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Удорского, Обдорьского, Кондинского и иныхъ, и всее Сибирские земли и Северные страны Повелителя, и Господаря земли Вифлянские и иныхъ, Кучюму Царю Сибирскому слово наше то: прежь сего Сибирской Едигерь Князь на насъ смотриль, и зъ Сибирские земли со всее, на всякъ годъ, дань к намъ присылалъ.

А на свершенъе в грамоте: писано въ Государьстве нашего дворе, града Москвы, лета 1571 Марта месяца.

А се начало въ грамоте: писано от Кучюма Царя Сибирского ко Царю и Великому Князю с посломъ его с Томасомъ, да з гонцомъ Аисою 1571 году:

Крестьянскому Белому Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Руси. Да на поле написано: Кучюмъ богатырь Царь, слово наше, да послалъ о томъ, чтобъ его Царь и Великий Князь ввялъ въ свои руки, а дань со всее Сибирские земли ималь по прежнему обычаю.

А на свершенъе у грамоты написано, писано с нишаномъ, а лета не написано.

И Царь и Великий Князь Сибирского Царя грамотъ и его челобитъе выслушалъ, и подъ свою руку его и во обереганъе принялъ, и дань на него положилъ, на годъ по тысячу соболей, да посланнику Государьскому, которой по дань приедетъ, тысячу белокъ, да и грамоты, и записи тому пописаны; а х Кучюму Царю, с жаловалную грамотою, послалъ Государь своего сына боярского Третьяка Чабукова и записи какову написали посолъ Таимась, да гонецъ Аиса и шерть по ней учинили, подкрепить, да и дань у Кучюма Царя взяти.

А се начало писано въ Государеве грамоте жаловалной, которая послана х Кучюму Царю с Третьякомъ с Чабукowymъ, съ Государевою золотою печатью:

Всемогущаго безначалнаго Бога неизреченнымъ милосердиемъ, Крестьянского закона единъ правый Царь и Великий Князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси, Владимирский, Московский, Ноугородцкй, Царь Казанский, Царь Астороханьский, Господарь Псковский, Великий Князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкй, Болгарский и иныхъ, Царь и Великий Князь Новгорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полотцкй, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и всее Сибирские земли и Северные страны Повелитель, и Господарь земли Вифлянские и иныхъ, Сибирские Началнику Кучюму Царю милостивое слово, любовнымъ жалованьемъ и доброю мыслью великое защищенъе, и Богособные нашии власти, всего твоего улуса людемъ, безстрашное пребывание и крепкое слово то.

А въ свершение писано: и того для къ сему ярлыку на большое укрепленъе золотую свою печать есми приложилъ, от создания Адамля лета 1571, октября. Писанъ въ Государьстве нашего дворе, града Москвы, а вашего лета цое (979 г.).

А се начало в записи шертной писано, которою написали Сибирской посоль Тамась, да гонец Аиса, да и къ шерти на той записи приведены:

Божиемъ изволениемъ, и Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русии жалованьемъ, язъ Кучюмъ Царь Сибирский посылалъ есми ко Царю и Великому Князю своего посла Таимаса и гонца своего Аиса, бьючи челомъ по прежнимъ обычаемъ, да и с Сибирские земли тысячу соболей послалъ есми; и Царь и Великий Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии, Казанский, и Астороханский и иныхъ многихъ Государь насъ пожаловалъ, и землю Сибирскую въ своемъ жалованье учинилъ, и дань на Сибирскою землю положилъ всего на годъ по тысяче соболей, да посланниковы пошлины всего по тысяче белокъ, по прежнему своему жалованью. И посоль нашъ Таимась и гонецъ Аиса, благодаря Бога и Царя и Великого Князя жалованье нашею душою, и всехъ нашихъ добрыхъ людей душою, и всехъ черныхъ людей душою, Царю и Великому Князю роту крепкую и шерть дали на сей записи, что намъ.

А свершение в записи: а на утверждение сей записи, язъ Кучюмъ Царь печать свою приложилъ, а лутчие Сибирские люди руки свои приложили; а сю шертную запись писалъ Магмедъ Бакъ, Хозесеиповъ сынъ, лета цое (979 г.).

А в приписи у записи писано: а на томъ на всемъ, какъ в сей шертной записи писано, язъ посоль Таимось, да гонецъ Аиса за Государя своего Кучюма Царя, и за всехъ его лутчихъ людей, и за всю землю Сибирскую, на сей шертной записи, Государю Царю и Великому Князю крепко есмя шерть учинили на томъ: какъ будет у Государя нашего у Кучюма Царя, Государевъ Царевъ и Великого Князя посланникъ Третьякъ Чабуковъ, и Государю нашему Кучюму Царю и лутчимъ его людемъ, на сей шертной записи и на Цареви и Великого Князя жалованномъ ярлыке шерть учинити, и печать своя к сей записи Государю нашему Кучюму Царю приложить, и правити Государю нашему Кучюму Царю о всемъ по тому, какъ в сей шертной записи писано; а печатей нашихъ мое Таимусины и мое Аисины и рукъ нашихъ у сей шертной записи нетъ по тому, что грамоте и писати не умеемъ.

А в речи Третьяку велено от Государя Кучюму Царю поклонъ правити и речь говорити по наказу.

Источник: *Собрание государственных грамот и договоров.*
Ч. 2. — М., 1819. — с. 52, 63-65.

III. ДОКУМЕНТЫ 1580-х ГОДОВ

1586 год

1. 1586 г. Наказ приставам Е. Ржевскому и Г. Васильчикову.

«А нечто спросит про Сибирь: каким обычаем Сибирское царство казаки взяли и как ныне устроена.

И Елизарью и Григорью говорить: Сибирское царство искони вечная вотчина государей наших. А взял Сибирь великий государь блаженные памяти царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, царя и государя и великого князя Федора Ивановича прадед тому ныне блиско ста лет, и дань положил соболями и лисицами черными. И государь наш царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси отец государя нашего царя и великого князя Федора Ивановича казаков волжских посла, и казаки волжские царя Кочюма Сибирского побили и согнали с Сибири и Сибирь взяли, и брата Кочюмова царева Магметкула царевича взяли жева и ко государю нашему и царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Руси привели и ныне у государя нашего служит.

А в Сибири ныне живут государевы воеводы и люди многие и дань с Сибирские земли государю нашему идет многая, соболи и лисицы черные и иной зверь дорогой.

А ясаку положил на Сибирское царство и на Конду Большую, и на Конду Меньшую, и на Туру реку, и на Иртыш реку, и на Иргиское государство, и на пегие колмаки, и на Об великую реку и на все гордоки на обские на девяносто и на четыре города з году на год имати на государя по 5 тысяч сороков соболей, по 10 тысяч лисиц черных да по 500 тысяч белки ебольшие (так в тексте – Д.И.) сибирские и илетцкие.

А поделал государь города в Сибирской земле в Старой Сибири и в Новой Сибири, на Тюменском городище и на Оби на усть Иртыша тут город те государевы люди поставили, и сидят по тем городам и дань со всех тех земель емлют на государя».

Источник: Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященный 75-летию С.Н. Валека. – М.-Л.: Наука, 1964. – с. 387-388.

IV. ДОКУМЕНТЫ 1590-х ГОДОВ

1597 год

1. 1597 г. Грамота (в переводе) к Государю Царю Федору Иоанновичу от Сибирского Байсеит Мурзы.

Великому Князю Белому Царю, Сибирские земли все от мала до велика холопы твои челомъ бьютъ. Мы по своей правде воеводамъ послушны, а Тюменские люди отложились, и мы того не ведаемъ, от кого учинилось, неведамо от воеводъ, неведамо съ кого, что ни учинишь, ведаеть Богъ да ты. Да ныне к намъ в Сибирь гости и торговые люди ниоткуда не ходять, и мы всемъ скудны; а толкубъ торговые люди приходили, и мыбъ всемъ пополнились и сытибъ были. А воеводы здешние, безъ твоего Великого Князя Белого Царя веленья, пословъ послать не смеютъ, и ты бъ, Государь, по ... в Бухары и въ Нагаи пословъ посылати, чтобъ земле была прибыль, о томъ холопи твои Сибирцы все от мала и до велика челомъ бьемъ. Да какъ ты, Государь, меня холопа своего Байсеита отпустилъ в Сибирь, и пожаловаль еси, Государь, меня своимъ жалованьемъ денежнымъ по десяти рублевъ, а ныне мне дали шесть рублевъ, в томъ твоя воля; да начальные люди Авбасты, да Келдиуразъ, старые люди и добры, юртъ они и берегутъ, и твое жалованье имъ не доходитъ, и тыбъ ихъ пожаловаль своимъ жалованьемъ, о томъ мы все холопи твои, все от мала до велика челомъ бьемъ; и послали к тебе ко Государю бити челомъ Кызылбая ясаула, и тыбъ, Государь, пожаловаль велель намъ дать свою Государеву жаловальную грамоту. Да бьемъ челомъ тебе Государю, язъ Байсеитъ мирза и все твои холопи от мала до велика, чтобъ еси Шиха, да Моллу, да Бабуазея, трехъ ихъ велель отпустить въ ихъ землю, в Бухарь; а твоему юрту от нихъ прибыли нетъ, развее всегда плачють, и тебе бъ Белому Царю в томъ греха не было, и мы все объ нихъ печалимся и бьемъ челомъ, чтобъ еси пожаловаль велель ихъ отпустить.

2. 1597 г. Грамота (в переводе) Сибирского Царя Кучюма к воеводам города Тары.

Богъ богатъ.

От волного человека отъ Царя бояром поклонъ, а слово то: что есте хотели со мною поговорити, и вамъ отъ Государя своего отъ Белово Князя о томъ указъ есть ли? И будетъ указъ есть, и мы поговоримъ и его слово приятно учинимъ, а онъ бы наше челобитье

приятно учинилъ; а мое челобитье то: прошу у Великого Князя, у Белово Царя, Иртишского берегу, да и у васъ у воеводъ бью челомъ, тогожъ прошу; да т [...] вещей у васъ прошу, и вы ис техъ вещей хоти и одну дадите, и ваше слово будетъ истинно; а будетъ не дадите, и слово ваше ложно; а челобитье мое то: прошу Шаину, а те оба гости, которыхъ взяли, ехали ко мне в послехъ, и ихъ вамъ Богъ судилъ, и язъ тое посолские рухледи одного юка конского прошу, очи у меня были больны и с теми послы были зелья, да и роспись темъ зельямъ с нимижъ была, и язъ того прошу, и только те три вещи мне дадите, и слово ваше истинно, и будетъ со мною похотите поговорити, и вы ко мне пришлите толмача Богдана. А Сююндюкъ приехалъ, Великого Князя Белово Царя очи видель, и язъ бы изъ его усть указъ его услышель, и выбъ его прислали; и будетъ те дела правда, и выбъ прислали Бахтыураза, которой ныне приехалъ. А от Ермакова приходу и по ся места пытался есмя встречно стояти; а Сибирь не язъ отдалъ, сами естя взяли. И ныне попытаемъ миритца, любо будетъ на конце лутче; а с Нагаи есмя в соединенье, и только с обеихъ сторонъ станемъ, и Княжая казна шатнетца, и язъ хочю правдою помиритца, а для миру на всякое дело сходительство учиню.

3. 1597 г. Грамота (в списке) Царевича Абдул-Хаира к отцу своему Сибирскому Царю Кучюму.

Цареву Величеству, холопъ вашъ Абдюль Хаиръ Царевичъ множеством много челомъ бьетъ. Прежъ сего присылали есте к Великому Государю Царю и Великому Князю Федо[ру] Ивановичу всеа Руси Самодержцу, къ его Царскому Величеству человека своего Магметя з грамотою, [...] [в гра]моте своей к Царьскому Величеству писали есте, чтобъ Великий Государь Царь и Великий Князь Федоръ Ивановичъ Самодержецъ тебя пожаловали юрты [...] отдати велели, и брата нашего Магметъ Кула к тебе отпустить велель; а язъ вте поры былъ у Царя [...] Величества в опале, и били есмя челомъ Вели[кому] Царю и Великому Князю Федору Ивановичу всеа Руси Самодержцу, чтобъ Великий Государь меня пожаловаль, поволить мне написати к тебе грамоту, а ты вины свои покроешь, ученился подъ его Царскою рукою, и сына своего царевича къ его Царьскому Величеству пришлешъ; и Великий Государь Царь и Великий Князь Федоръ Ивановичъ всеа Руси Самодержецъ, не помятуя передъ своимъ Царским Величествомъ винъ нашихъ, поволит мне от себя написати к тебе грамоту, и ты по той м[...] грамоте ничего не учинилъ, к Великому Государю Царю

и Великому Князю Федору Ивановичю всеа [Русии] Самодержцуъ, къ его Царьскому величеству [...] Царевича не прислалъ. И ныне Великий Государь Царь и Вели[кий Князь] Федоръ Ивановичъ Всеа Русии Самодержецъ милостивый истинный Великий Царь Крестьянский Государь, не смотря на наши грубости и неправды, меня пожаловаль, казнъ смертную отдалъ, и пожаловаль меня [...] и волостями, з братомъ с моимъ с Магметъ К[улом] Царевчемъ вместе; а про ваше Царево Величество слухъ доходитъ, что пребыванье твое нужно, и скудость великая, и братья наши Царевчи Канаи, да Иделинъ со многими людьми пошли отъ тебя прочь, а с вашимъ Царевымъ Величествомъ немногие люди остались. И мы з братомъ своимъ с Магметъ Куломъ Царевчемъ били челомъ Великому Государю Царю и Великому Князю Федор Ивановичю всеа Русии Самодержцу, его Царьскому Величеству, чтобъ насъ Царское Величество пожаловаль, поволил намъ написати к тебе грамоту, а ваше, чаемъ, Царево Величество ныне похочеть быть подъ Великого Государя, его Царьского Величества рукою; и Великий Государь Царь и Великий Князь Ф[едор] Ивановичъ всеа Русии Самодержецъ ... поволил, а приказаль намъ написат[и] грамоту; и выбъ Царево Величест[во] к Великому Государю Царю и Великому К[нязю] [Фе]дору Ивановичю всеа Русии Самодержцу. А то намъ Царского Величества отъ печатн[ика] и посолского диака Василья Яковли [...] калова ведомо есть: будетъ похочешъ быти при Царскомъ Величестве, при его пресветлыхъ очехъ, и Великий Государь Царь и Великий Князь Федоръ Ивановичъ всеа Русии тебя пожалуетъ своимъ Царскимъ жалованьемъ, города и волостми, и денежнымъ жалованьемъ, по твоему достоинству; а у Великого Государя Царя и Великого Князя Федора Ивановича всеа Русии Самодержца, у его Царского Величества служатъ многие Цари и Царевичи, и в[ое]водичи Волоские и Мутьянские, и изо м[ногих] Государствъ Государские дети и те все въ жалованье живутъ безъ оскуденья; а буд [...] у Царского Величества похочешъ бы [...] юрте в Сибири, и Царское Величество [...] своимъ Царскимъ жалованьемъ пожалует, [Сиб]ирской земле Царемъ велить быти.

4. 1597 г. Жалованная грамота (в списке) Государя царя Федора Иоанновича Сибирскому царю Кучюму.

...[Ве]ликого Государя царя и Великого князя Ф[едора Иоанно]вича всея Русии самодержца, Вла[димирского], Московского, Новогордцкого, Царя Казанского, царя

Астраханского, Господаря Псковского и Великого князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятского, Болгарского и иных, Государя и Великого князя Новгорода Низовские земли, Черниговского, Рязанского, Полотцакого, Ростовского, Ярославского, Белозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея Сибирские земли и Северные страны Повелителя и Государя Иверские земли, Грузинских царей и Кабардинские земли, Черкасских и Горских князей, и иных многих государств Государя и обладателя, нашего царского Величества милостивое слово, с великимъ жалованьемъ повеленье Кучюму царю. Из давныхъ лет Сибирское Государство была вотчина прародителей нашихъ, блаженные памяти Великих государей русскихъ царей, как еще на Сибирскомъ государстве былъ дедъ твой Ибакъ царь, и з Сибирские земли всякую дань давали нашимъ прародителем Великимъ государем царем; а после деда твоего Ибака царя, были на Сибирском Государ[стве] князи Таибугина роду Магмет [князь], [по]сле его Казы князь, а после Казыя Едигерь князь, и те все князи деду нашему, блаженные памяти, Великому государю царю и Великому князю Василью Ивановичу всеа Руси, и отцу нашему, блаженные памяти, Великому государю царю и Великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, с Сибирские земли дань давали.

А как ты, Кучюмъ царь, учинился в Сибирской земле царемъ, и ты отцу нашему[...] Ивану Васильевичу всеа Руси послушен былъ, и дань с Сибирские земли присылалъ; а отецъ нашъ[...], тебя в своемъ царскомъ жалованье держалъ подь своею царскою высо[кою] рукою; а после того ты, Кучюмъ царь, от отца нашего[...] и отъ его царского жалованья отсталъ[...], непослушникомъ учинился еси, и дани давати не почаль еси, и сына боярского Третьяка Чебукова, который былъ посланъ для дани, убилъ еси, и на наши украинные места в Пермскую землю войною многижда приходил еси. [...] А какъ, по нашего царского Величества повеленью, наши люди пришедъ в Сибирь тебя с царства согнали и Сибирскую землю взяли, а ты пошелъ в казаках кочевати и во многие времена, будучи еси на поле, нашему Царскому Величеству грубости и непослу[шание] у[чинил] еси, мимо наше царское жалованье самъ ты, Кучюмъ царь, на Сибирские во[ло]сти приходи[л]; а с тобою б[ыл] [плем]янный твой Магметъ Кул царевичъ, да сынъ твой Абдюль Хаир царевичъ, и те оба царевичи нашимъ людямъ в руки попались [...] несмотря на твои грубости и неправды, племяннику твоему Магмет Кулу

царевичу и сыну твоему Абдюль Хаирю царевичю казнь им смертную отдали, и пожаловали в нашем государстве устроить велели своимъ царскимъ жалованьем, города и волостями и деньгами устрои[ти][...] А ныне [...] в нашей отчине в Сибир[ской] земле города поставлены, и в техъ городах осадные люди с вогненным боемъ устроены; а большие своей рати в Сибирскую землю на тебя, на Кучюмя царя, послати есмя не велели для того, что ожидали от тебя, от Кучюмя царя, [...] что ты, узнавъ свои вины и неправды, нашему Царскому Величеству добьешь челом...

[...] [П]реж сего, тому четвертой годъ, присылал еси нашему царскому Величест[ву] человека своего Магметя с грамотою[...], писалъ еси с [...] прошеньем, чтобъ[...] тебя пожал[овати], юрть твой тебе отдати и племянника твоего отпустить к тебе, а ты в нашемъ царском жалованье будешь подь нашею царскою высокою рукою. И мы [...] хотели тебя пожаловати устроить на Сибирской земле царемъ, какъ было тебе быти в нашемъ царскомъ жалованье впередь крепку и неподвижну; а племянникъ твой Магметъ Куль царевичъ ныне устроень в нашемъ государстве, и пожалованъ города и волостями[...], служить нашему Царскому Величеству; и после того приехалъ к нашему Царскому Величеству в службу ис твоего улусу Чинъ мурза, Иль мурзин сынъ, Исуповъ, с своимъ улусо[м] и наше Царское Величество Чинъ мурзу пожеловали и волостями и деньгами [...] а [...] кове мере казакомъ кочюешь на поле не со мно[огими] своими людьми, то [...] [ве]домо. А которые Нагайские улусы Тайбугинъ юрть, которые кочевали вместе с тобою, от тебя отстали, на которыхъ людей была тебе большая надежда; а Чинъ мурза отъехалъ к нашему Царскому Величеству [...], а достальные твои люди от тебя пошли прочь с царевичи с Канаемъ да с Ыделинемъ, а иные пошли в Бухары и в Нагаи и в Казацкую Орду, а тобою ныне люди немногие [...] наше Царское жалованое и милостивое слово тебе объявляемъ, чтобы ты, Кучюмъ царь, ехалъ к нашему Царскому Величеству [...] и мы тебя пожалуемъ [...], устроить велимъ города и волостями и денежнымъ жалованьем, [...] похочешь быти на пр[еж]немъ своемъ юрте в Сибири[...], пожалуемъ на Сибирской з[емле] царемъ, и в нашемъ Царскомъ жалованье уч[нем] тебя держати милостиво.

*Источник: Собрание государственных грамот и договоров.
Ч. 2. – М., 1819. – с. 129, 131-134.*

5. 4 сентября 1598 г. Отписка царю Тарского воеводы Андрея Воейкова.

Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси холопъ твой Ондрюшка Воейковъ челомъ бьетъ. Прошлого, Государь, 106-го году Августа въ первый день привезъ къ намъ, на Тару, твою Государеву Цареву и Великого князя Бориса Федоровича всеа Руси грамоту Тарской атаманъ Елистратъ Никитинъ, а въ твоей Государеве Цареве и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси грамоте написано: велено мне холопу твоему итти, съ Тары, въ походъ на Кучюма царя, и волости воевать, которые тебе Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси непослушны и ясаку на Тару не даютъ, и обо всехъ о тамошнихъ делахъ къ тебе Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси велено мне холопу твоему подлинно писать: И по твоей Государеве Цареве и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси грамоте, я, холопъ твой, пошолъ съ Тары, на Кучюма царя Августа въ 4 день; а со мною холопомъ твоимъ пошло твоей Государевы Царевы и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси рати: три сына боярскихъ, да два атамана, да Тарскихъ служивыхъ людей, Литвы и казаковъ, сто человекъ, да юртовскихъ служивыхъ Тотаръ тридцать человекъ; да волостныхъ ясачныхъ людей шестдесятъ человекъ, да Тоболскихъ служивыхъ людей [...] голова Татарская да атаманъ, да Литвы и казаковъ пятьдесятъ три человека, да юртовскихъ Тоболскихъ Тотаръ сто человекъ, да Тюменскихъ служивыхъ людей, Литвы и казаковъ, четырнадцать человекъ, да юртовскихъ [...] Тотаръ десять человекъ; [...] было въ походе твоей [...] Царевы и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси рати: три сына боярскихъ, да голова Татарская, да три атаманы, да четыреста безъ трехъ человекъ, Литвы, и казаковъ, и юртовскихъ и волостныхъ Тотаръ. И Августа, Государь, въ 10 день, посылашь я холопъ твой въ посылку сына боярского Илью Беклемишева да голову Татарскую Черкаса Олександрова въ волости, для языковъ, которые волости отъ тебя отъ Государя Царя и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси отвель Кучюмъ царь въ 106 году въ Турашскую и въ Любарскую волость. И Августа въ 10 день, привели ко мне, изъ посылки, сынъ боярской Ильа Беклемишевъ да голова Татарская Черкасъ Олександровъ, Турашского лутчего человека Куздемыша Махлеева да Акбулата Чемычакова; а въ роспросе мне холопу твоему Куздемышъ да Акбулатъ сказали: велель деи имъ Кучюмъ царь всемъ волостнымъ лутчимъ людямъ,

Курпицкимъ и Турашскимъ и Любарскимъ [...] и Чойскимъ и Куромскимъ, жить на Уби [...] Кучюмъ царь кочюеть [...] Чорныхъ водахъ, а въ собранье деи съ Кучюмомъ его людей пятьсотъ человекъ, да Бухарскихъ торговыхъ людей пятьдесятъ человекъ. И я холопъ твой, по темъ вестямъ, пришолъ на Убъ озеро Августа въ 15 день, и на Уби озере лутчихъ волостныхъ людей поималъ, которыхъ отвелъ отъ тебя Государя Царя и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси Кучюмъ царь въ прошломъ въ 106 году, Кирпицкие волости Чадышаю Саула, да Турашские волости Иткурюка съ товарищи, и всех семи волостей лутчихъ людей, которыхъ Кучюмъ отвелъ отъ тебя Государя Царя и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси. И въ роспросе мне холопу твоему лутчие люди сказали про Кучюма царя: пошолъ деи Кучюмъ царь, съ Черныхъ водъ, на Обь реку, съ детми и со всеми своими людьми, где у него хлебъ сеень, а имъ деи велелъ жити всемъ на Уби озере, а ясаку деи тебе Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси имъ давати не велелъ, а приказалъ де ихъ беречь своей волости Барабинскому лутчему человеку Еснигилдею Турундаеву. И я холопъ твой лутчихъ волостныхъ людей поималъ [...] Чадыша да Иткурюка съ товарищи; а ясачнымъ всемъ людемъ сказалъ твое Государево Царево и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси жаловальное слово, чтобы они были впередъ под твоею Государевою Царскою высокою рукою безстрашно, и ясак бы тебе Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси платили. И велелъ я холопъ твой имъ идти по своимъ старымъ юртомъ; а въ Барабинскую, Государь, волость я холопъ твой послалъ сына боярского Илью Беклемишева да атамана Казарина Волнина. И августа, Государь, въ 16 день, привели ко мне, изъ Барабинские волости, сынъ боярской Илья Беклемишевъ да атаманъ Казаринъ Волнинъ, Кучюмовыхъ трехъ человекъ, Барсанду съ товарищи да Барабинского лутчего человека Еснигилдея Турундаева съ двумя сыны, да съ Еснигилдеевой волости ясачныхъ людей пятнадцать человекъ. И въ роспросе мне холопу твоему и съ пытки, Кучюмовы люди, Барсанда съ товарищи, сказали: Кучюмъ деи царь кочюеть на Оби на реке, где у него хлебъ сеень, а въ собранье деи съ Кучюмомъ царемъ его людей пятьсотъ человекъ, а хочеть деи итти Кучюмъ подъ твой Государевъ Царевъ и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси городъ подъ Тару и на Яльнскую и на Каурдацкую волость войною вскоре, да Кучюмовыхъ же деи людей живетъ на Икъ озере семей съ тридцать, не доходя Кучюмова кочевья четыре днища. И я холопъ твой, по темъ вестямъ, послалъ, на Икъ озеро детей боярскихъ Мосея Глебова да Федора Лопухина, да Татарскую голову Черкаса

Олександрова, а съ ними Тарскихъ конныхъ казаковъ сорокъ человекъ, да Тоболскихъ юрговскихъ Тотаръ шестдесдтъ человекъ. И Мосей, Государь, Глебовъ, да Федоръ Лапухинъ, да Черкасъ Олександровъ, Кучюмовыхъ людей на Икъ озере сошли и побили, а живыхъ привели ко мне пять человекъ, и въ роспросе и съ, пытки языки мне холопу моему сказали: Кучюмъ деи царь кочюеть на Оби реке, а по нихъ деи присылають, чтобъ они шли къ нему въ собранье, а хочет, деи Кучюмъ царь итти подь городъ Тару и на Ялыньскую и на Каурдацкую волость войною вскоре, а иные деи Кучюмовы люди кочюють отъ Кучюмова кочевья, во днище и въ дву днищахъ семей съ двадцать. И я холопъ гвой послалъ детей боярскихъ Мосея Глебова да Федора Лопухина, да съ ними Тарскихъ конныхъ казаковъ [...] человекъ, да Тарскихъ юрговскихъ Тотаръ тридцать человекъ, а велелъ имъ на Кучюмовы люди приходити ночью, чтобъ ихъ съ вестью къ Кучюму царю не упустить. И Мосей Глебовъ и Федоръ Лопухинъ Кучюмовыхъ людей, которые кочевали отъ Кучюма во днище въ дву днищахъ, побили на голову, ни одного человека къ Кучюму съ вестью не упустили. А самъ я холопъ твой, покиня кошъ на Икъ озере, и пошолъ на Кучюма царя, наспехъ, и день и ночь, и сшолъ Кучюма царя на Оби на реке, выше Чать три днища, на лугу на Ормени, отъ Калмаковъ въ дву днищахъ. И пришелъ, Государь, я холопъ твой на Кучюма царя Августа въ 20 день, на солнчномъ восходе, и бился съ Кучюмомъ царемъ до полдень; и Божиимъ милосердиемъ и твоимъ Государевымъ Царевымъ и Великого Князя Бориса Федоровича веса Руси счастьемъ, Кучюма царя побилъ, и детей его царевичевъ и царицъ его поймалъ, и брата Кучюмова Илитень царевича, да сына Кучюмова Каная царевича, да дву царевичевъ, Алей царевича детей, на бою убили, да живыхъ взяли Кучюмовыхъ детей, пять царевичевъ Асманака, Шаима, Бибадша, Моллу, Кумыша, да восемь царицъ Кучюмовыхъ жонъ, восемь царевыхъ дочерей, да Осмей царевича [...] съ сыномъ да съ дочерью, да Чюрай царевича [...] Уруса князя Нагайского дочь, съ двема дочерми, да лутчихъ людей Кучюмовыхъ взяли на бою, князей и мурзь пять человекъ, Байтерякъ мурзу съ товарищи, да убили на бою шесть князей, князя Моймурата съ товарищи, да десять мурзь, Ахита мурзу съ товарищи, да пять аталыковъ, Чегей аталыка, Кучюмова тестя, съ товарищи, да полтораства человекъ служивыхъ людей; да со сто, Государь, человекъ потопло на Оби на реке какъ они поплыли за Обь реку, и твои Государевы Царевы и Великого Князя Бориса Федоровича веса Руси люди ихъ побивали, съ берегу, изъ пицалей и изъ луковъ; да съ пятдесять, Государь, человекъ служивыхъ людей взяли живыхъ, и я холопъ твой велелъ ихъ побить, а иныхъ

перевешать. А про Кучюма, Государь, царя языки многие сказываютъ, что Кучюмъ въ Оби реке утопъ, а иные языки сказываютъ, что Кучюмъ въ судне утекъ за Обь реку; и я холопъ твой плавалъ на плотехъ за Обь реку, со всею твоею Государевою Царевою и Великого Князя Бориса Федоровича веса Руси ратью, и Кучюма царя, за Обью рекою, по лесомъ въ крепяхъ, и по островомъ на Оби реке, искалъ и нигде его не нашолъ. И я холопъ твой привелъ къ шерти Кучюмова Туль-Маметя сеита, и послалъ Кучюма царя сыскивать въ Чаты и въ Колмаки, и где онъ Кучюма царя найдетъ, и я холопъ твой приказалъ ему говорить Кучюму царю, чтобъ Кучюмъ царь ехалъ служить къ тебе Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу веса Руси, а ты Государь Царь и Великий Князь Борисъ Федоровичъ всеа Руси его пожалуешь своимъ Царскимъ жалованьемъ. И Сентября, Государь, по четвертое число, Туль-Маметь сеить ко мне холопу твоему не бывалъ. А которые, Государь, Кучюмовы люди конные, человекъ съ пятьдесятъ, поутекали съ бою, по Оби реке внизъ, и я холопъ твой послалъ сына боярского Мосея Глебова да атамана Третьяка Жареново, да съ ними Тарскихъ конныхъ казаковъ сорокъ человекъ, да пешихъ тридцать человекъ; и Мосей да Третьякъ угоняли ихъ, не допуская до Чатъ, за два днища, и угонивъ ихъ всехъ побили. А шолъ, Государь, я холопъ твой, отъ города отъ Тары до Кучюма, скорымъ походомъ, шестнадцать дней; а въ Чаты, Государь, я холопъ твой воевать не пошолъ, потому что Чатцкие [...] летнимъ походомъ, до заморозовъ, извоевати ихъ не мочно; а приказалъ я холопъ твой, съ Кучюмовымъ Туль-Маметемъ сеитомъ, къ Чатцкимъ къ лутчимъ людемъ, чтобы все они шли лутчие люди въ твой Государевъ Царевъ и Великого Князя Бориса Федоровича веса Руси городъ на Тару; и Сентября, Государь, по четвертое число, изъ Чатъ ко мне холопу твоему вестъ де бывала. А которые, Государь, волости живутъ на сей стороне Оби реки, а тебе Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси не послушны и ясаку на Тару не даютъ, волость Бороба болшая, волость Тереня, половина Кирпицово, половина Куромы волости, половина [...] волости, которые тебе Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси прежь сего на Тару ясаку не давали, и я холопъ твой въ те волости посылки посылалъ, детей боярскихъ съ сотнями, и голову Татарскую, и атамановъ, и изъ техъ изо всехъ волостей лутчихъ людей поймали; а которые, Государь, волости отвелъ отъ тебя Государя Царя и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Руси Кучюмъ царь въ 106 году, и я холопъ твой техъ волостей всехъ ясачныхъ людей посажалъ по старымъ юртомъ, и велелъ имъ ясакъ платить тебе Государю Царю и

Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси по прежнему; а которые волости привель я холопъ твой подъ твою Государеву Царскую высокую руку, и я холопъ твой на нихъ ясаку положити не успель, потому что стоять на Кучюмове кочевье долго не смель: Колмаки отъ Кучюмова кочевья въ дву днищахъ, а собираетца, Государь, Колмаковъ воинскихъ людей пять тысячъ; и я холопъ твой пошоль на Тару съ Оби реки, съ Кучюмова кочевья, Августа въ 27 день, и царевичевъ Кучюмовыхъ детей и царицъ всехъ веду на Тару съ собою, и Кучюмовыхъ лутчихъ людей и волостныхъ ясачныхъ лутчихъ людей веду на Тару съ собою жъ. А какъ я холопъ твой приду на Тару, и царевичевъ и царицъ отпущу тотчасъ къ тебе ко Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси, и про новые волости къ тебе ко Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси подлинно отпишу, и сколько на нихъ ясаку положю. А съ сею грамотою послалъ я холопъ твой къ тебе ко Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси сына боярского Мосея Глебова да голову Татарскую Черкаса Олександрова, Сентября въ 4 день, съ Оми реки, не доходя до города до Тары за шесть днищъ, и роспись послужную всемъ твоимъ Государевымъ Царевымъ и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси служивымъ людямъ послалъ къ тебе ко Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси съ ними жъ.

Подлинник, писанный столбцемъ, на девяти, листкахъ, сложен пакетомъ. — Хранится въ Главномъ Архиве Министерства Иностранныхъ Делъ.

6. 4 сентября 1598 г. Поименная роспись взятымъ в плен, Кучюмову семейству, и Сибирскимъ князьямъ, мурзамъ, аталыкамъ и служилымъ людямъ.

Взято Кучюмовыхъ дѣтей 5 царевичовъ: Асманахъ тридцати летъ, Шаимъ двадцати летъ, Бибадша двунадцати летъ, Молла пяти летъ, Кумышъ шти летъ; Алей царевичъ съ бою утекъ. Да 8 царицъ Кучюмовыхъ жонъ, да 8 царевыхъ дочерей, да Алей царевича царица съ сыномъ да съ дочерью, да Конай царевича царица, Уруса князя Нагайскаго дочь съ двумя дочерми. Да лутчихъ людей Кучюмовыхъ взято на бою, князей и мурзъ 5 человекъ, Байтеракъ мурза съ товарищи; да убито 6 князей, князя Моймурата съ товарищи, да 10 мурзъ, [...] мурза съ товарищи, да 5 аталыковъ, Чегей аталыкъ, Кучюмовъ тестъ, съ товарищи, да полтораства человекъ служивыхъ людей; да сто человекъ потопили на Оби на реку, какъ они, поплыли за Обь реку; да съ пятьдесятъ человекъ служивыхъ людей взяли

живыхъ, и ихъ побили, а иныхъ перевешали; убили Кучюмова брата Илитень царевича, да Кучюмова сына [...] царевича.

Подлинник писанъ столбцемъ на двухъ листкахъ. – Хранится въ Главномъ Архиве Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

7. 17 октября 1598. Отписка царю тарскихъ воеводъ Степана Козмина, Андрея Воейкова и Петра Пивова.

Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси холопи твои Степанко Кузминъ, Ондрюшка Воейков, Петрушка Пивовъ челомъ быють. Прошлого, Государь, сто шестаго году августа въ двадесять третей день, посылашь я холопъ твой Ондрюшка, съ Кучюмова побою, Сибирека Кучюмова сеита Туль-Маметь въ Чаты, проводить про Кучюма царя, живъ ли онъ или утопъ; и будетъ онъ сеить Кучюма сыщеть, и я холопъ твой съ нимъ приказаль, велель говорить Кучюму царю, чтобы онъ къ тебе къ Государю ехаль служить, а ты Государь его пожалуешь своимъ Царскимъ жалованьемъ, и детей его и жонъ пожалуешь велишь ему отдати. Да съ сеитомъ же я холопъ твой приказаль въ Чаты, къ лутчимъ къ Чатцкимъ людемъ, къ князькомъ и къ мурзамъ, къ Куземенкею князю да къ Токкашу да къ Кожбахтыю мурзе съ товарищи, чтобы оне все Чатцкие люди были подъ твоею Царскою высокою рукою, и лутчие бы люди приехали въ новой городъ на Тару, и ясакъ бы тебе Государю со все свое волости давали, и во всемъ бы тебе Государю служили и прямили; а будетъ Кучюмъ царь у нихъ въ Чатахъ, и они бы его изымали и къ тебе къ Государю прислали, а ты ихъ, Государь, пожалуешь своимъ Царскимъ жалованьемъ и оберегать ихъ велишь своею Государевою ратью ото всехъ ордь; а будетъ не похотять, Чатцкие люди быть подъ твоею Царскою высокою рукою, и я холопъ твой приказаль, велель сеиту говорить Чатцкимъ людемъ, что велель ты Государь мне холопу своему Ондрюшке итти, со всею своею Сибирскою ратью, ихъ волости воевати. И нынешнего, Государь, сто седмаго году октября въ пятый день, пришоль на Тару, изъ Чать, сеить Туль-Маметь, а принесь отъ Чатцкихъ мурзь ярлыкъ, да намъ холопомъ твоимъ отъ Чатцкихъ мурзь принесь поминка сорокъ соболей, а въ роспросе намъ холопомъ твоимъ сказать про Кучюма царя: сшоль деи онъ Кучюма царя за Обью рекою, на лесу, вниз по Оби реке, отъ Кучюмова побою въ дву днищах, а съ Кучюмомъ вси, детей его три сына да людей его человекъ съ тридцать, а утекъ деи Кучюмъ съ бою, въ судне, въ низъ по Оби реке, самъ-третей, въ кою пору дети его и люди бились со мною холопомъ твоимъ; и онъ де сеить Кучюму царю отъ меня говорилъ, чтобы Кучюмъ царь ехаль къ

тебе къ Государю служить, а ты Государь его пожалуешь своимъ Царскимъ жалованьемъ и детей и жонъ его пожалуешь велишь ему отдати. И Кучюмъ деи съ нимъ съ сеитомъ приказалъ къ намъ холопомъ твоимъ; не поехать деи я къ Государю, по Государеве грамоте, своею волею, въ кою деи пору я быть совсемъ цельъ, а за саблю деи мне къ Государю ехать не по что, а нынча деи я стать глухъ, и слепъ, и безо всего живота: взяли деи у меня промышленника, сына моего, Асманакъ царевича; хотя бы деи у меня всехъ детей поймали, а одинъ бы деи у меня остался Асманакъ, и язь бы деи объ немъ еще прожилъ; а нынча деи я иду въ Нагаи, а сына деи я своего посылаю въ Бухары. И водилъ деи его сеита Кучюмъ съ собою по побоищу два дни, хоронилъ побитыхъ; а въ Чаты деи при немъ при сеите посылаеъ Кучюмъ людей своихъ, дву человекъ, къ Кожбахтыю мурзе, просилъ лошадей и платья, на чомъ бы ему мочно поднятца, и Кожбахтъй деи мурза присалъ къ нему конь да шубу; а самъ деи Кожбохтъй приехалъ после присылки своей на другой день, и стать за Обью рекою противъ Кучюма царя, и хотель деи съ Кучюмомъ видетца, а Кучюмъ деи поблюдясъ Кожбахтыя, не дождавсся его, побежалъ съ кочевья своего, въ верхъ по Оби реке, а его деи сеита отпустилъ въ Чаты. А въ Чатахъ деи онъ сеитъ Чатцкимъ лутчимъ людемъ говорилъ, чтобы они все Чатцкие люди были подъ твоею Царскою высокою рукою, и лутчие бъ люди приехали въ новой городъ на Тару, и ясакъ тебъ Государю со всей своей волости давали, и во всемъ бы тебе Государю служили и прямили. И чатцкие деи люди, съ нимъ съ сеитомъ, къ намъ холопомъ твоимъ приказывали: по ся деи места мы Государю не служили и ясаку не давали, блюлись Кучюма царя; а былъ деи у насъ Кучюмъ близко и владелъ всеми нашими волостями; а нынча деи Кучюма Государевы люди добили, и Кучюмъ деи отъ насъ пошолъ прочь, и мы все Государю служить ради головами своими и ясакъ съ своихъ волостей давати; а нынча деи намъ на Тару съ тобою итти нельзя, потому что Колмаки деи намъ недруги, блюдемся отъ нихъ войны въ борзе; а какъ деи будетъ пора ясакъ имать, и съ Тары бы деи до ясакъ прислали тебя жъ сеита, а съ тобою бъ деи прислали ясатчиковъ, Рускихъ людей, юрговскихъ Татаръ, и мы деи Государю съ своихъ волостей ясакъ дадимъ и лутчихъ людей на Тару пришлемъ. И мы холопи твои послали въ Чаты по ясакъ сеита Туль-Маметя, а съ, нимъ Русскихъ людей, дву человекъ, Литвина Мартина Федорова да конного казака Пospела Голубина, да Тарского юрговского Татарина Акманая Обучева октября въ 17 день; а велели имъ въ Чатахъ говорить лутчимъ людемъ, чтобы они тебе Государю со всехъ своихъ волостей ясакъ дали и

лутчихъ людей съ ясакомъ на Тару прислали. А Чатцкихъ мурзь ярлыкъ переводчи мы холопи твои послали къ тебе къ Государю, съ сею грамотою вместе, октебря въ 17 день, съ коннымъ казакомъ съ Тимохою съ Дрожделовым, а сеита Туль-Мамета мы холопи твои не послали къ тебе къ Государю, потому что писали объ немъ къ намъ холопомъ Чатцкие люди, чтобы намъ прислати къ нимъ въ Чаты, по твой Государевъ ясакъ, съ. ясатчики его сеита.

Подлинникъ писан столбцемъ, на двухъ листках. Бывъ сложенъ пакетамъ, имеетъ на обороте надпись: Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси. – Хранится въ Главномъ Архиве Министерства иностранных Дель.

Источник: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – т.1. 1334 – 1598. – СПб., 1841. – с. 1-5, 6-8.

Дамир Мавлявеевич Исхаков

Введение в историю Сибирского ханства

Научное издание

Оригинал-макет – Л.М. Зигангареева

Подписано в печать 18.04.2006 г.

Печ. листов 12,25. Тираж 500 экз.

Отпечатано в множительном центре

Института истории АН РТ

г. Казань, Кремль, подъезд 5

тел. 292-95-68, 292-84-82

